

Журнал «Казахстан-Спектр» включен в перечень научных изданий Комитета по надзору и аттестации в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан для публикации основных научных результатов кандидатских и докторских диссертаций по специальностям:

- 07.00.00 — ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 08.00.00 — ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 09.00.00 — ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
- 22.00.00 — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 23.00.00 — ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Содержание

ЗА СТРОКОЙ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА КАЗАХСТАНА	
Калабаева А.Н.	Развитие регионов — основа устойчивого развития страны 5
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ	
Каратаева Л.Р. Ауган М.А.	Информационная составляющая терроризма 8 Интеграция в Восточной Азии: терминологические и теоретические аспекты 15
Сарыбаев М.С.	Сотрудничество Казахстана и Венгрии в сфере образования и науки 25
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ	
Омельченко Е.Е.	Процессы нациестроительства и формирования идентичности на постсоветском пространстве (Казахстан, Узбекистан, Белоруссия) 30
ЭКОНОМИКА	
Мухамеджанова Д.Ш.	Этническое социально-экономическое пространство Казахстана: особенности и проблемы развития 44
Кубаев К.Е.	Послания Президента РК Н.А. Назарбаева народу о стратегическом управлении страной — важная особенность правления в Казахстане 52
Кляхина И.В. Тусупова Л.А.	Развитие платежных систем Казахстана: аналитический обзор 61 Основные задачи государственного регулирования финансовой системы ... 66
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ	
Нысанбаев А.Н. Козырев Т.А.	Культурное наследие и развитие философии современного Казахстана 73 «Евразийский» бренд и поиск «золотого века» в контексте конструирования «национальной истории» Казахстана 88
Алимгазинов К.Ш.	Контент-анализ: опыт адаптации под задачи исторической эвристики 95
Гусаков В.В. Калыбекова М.Ч. Терновая Г.А.	Тюркско-согдийские отношения в доисламскую эпоху 104 Из истории депортации крымских татар 113 Из истории авестизма в Южном Казахстане и Жетысу (боги, храмы, обряды) 117
РЕЦЕНЗИЯ	
Лаумулин М.Т.	Новейшие зарубежные исследования по Центральной Азии 125
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Каратаева Л.Р.	V-я Казахстанско-российская научная конференция «Актуальные проблемы торгово-экономического и финансового сотрудничества Казахстана и России в условиях глобального кризиса» и «круглые столы» 138
SUMMARY 145	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 149	

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск Н.Б. Сейдин
Редактор-корректор Н.И. Шестакова
Дизайн и верстка: А.К. Садуакасов, А.А. Жумагалиева
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87-б.
Телефон: (727) 264-34-04. Факс: (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в типографии ТОО «Акарман-медиа» г. Астана. Тираж 500 экз.

Contents

BETWEEN THE LINES OF THE KAZAKH PRESIDENT'S STATE-OF-THE-NATION ADDRESS

Kalabayeva A.N.	Regions Development — a Basis for a Sustainable Development of the Country	5
-----------------	--	---

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

Karatayeva L.R.	Information Content of Terrorism	8
Augan M.A.	Integration in East Asia: Terminological and Theoretical Aspects	15
Sarybayev M.S.	Cooperation between Kazakhstan and Hungary in the field of Education and Science	25

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

Omelchenko Ye.Ye.	Nation-Building and Identity Formation in the post-Soviet Space (Kazakhstan, Uzbekistan, Belarus)	30
-------------------	---	----

ECONOMY

Mukhamedzhanova D.Sh.	Kazakhstan's Ethnic Socio-Economic Space: Features and Problems of Development.....	44
Kubayev K.Ye.	Addresses of the President of Kazakhstan to the Nation on Strategic Management of the Country — Key Feature of Ruling in Kazakhstan	52
Kliakhina I.V.	Kazakhstan's Payment Systems Development: Analytical Review	61
Tusupova L.A.	The Primary Tasks in the State Regulation of a Financial System.....	66

THEORETICAL PAPERS

Nysanbayev A.N.	Cultural Heritage and Development of Philosophy in Present-day Kazakhstan	73
Kozyrev T.A.	"The Eurasian" Brand and Searching of "Golden Age" in the context of Formation of the "National History" of Kazakhstan.....	88
Alimgazinov K.Sh.	Content Analysis: Adaptation Experience within the Tasks of Historical Heuristics.....	95
Gusakov V.V.	Turco-Sogdian Relations during the pre-Islamic Epoch	104
Kalybekova M.Ch.	From History of the Crimean Tatars' Deportation	113
Ternovaya G.A.	From History of Avestism in the South Kazakhstan and Jetysu (Gods, Temples, Ceremonies)	117

BOOK REVIEW

Laumulin M.T.	The Newest Foreign Researches across the Central Asia.....	125
---------------	--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Karatayeva L.R.	V Kazakhstan-Russian Scientific Conference "Topical Issues of the Trade-Economic Cooperation of Kazakhstan and Russia in condition of the Global Crisis" and "round tables".....	138
-----------------	--	-----

SUMMARY	145
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	149

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
 Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief **B.K. SULTANOV**,
 Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication N.B. Seydin
 Editor-corrector N.I. Shestakova
 Design & Layout: A.K. Sadvakasov, A.A. Zhumagalieva
 Address: 87-b Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
 Phone (727) 264-34-04. Fax (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
 The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644.
 All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
 Printed in printhouse of LLP "Akarman-media", Astana. Copies 500.

Редакционный совет

- Султанов Б.К.** — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
- Музапарова Л.М.** — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Абусейтова М.Х.** — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
- Ашимбаев М.С.** — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г.** — профессор кафедры международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У.** — доктор исторических наук, профессор
- Лаумулин М.Т.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Нысанбаев А.Н.** — директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
- Сыроежкин К.Л.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М.** — помощник Президента — Секретарь Совета Безопасности РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И.** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, KazISS under the President of the RK, Doctor of History
- Muzaparova L.M.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Economics
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of History, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy Head, Administration of the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Chair, Kazakh National University named after al-Farabi, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Doctor of History, Professor
- Laumulin M.T.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Nyissanbayev A.N.** — Director, Institute of Philosophy and Political Sciences at the Ministry of Education and Science of the RK, Academician of the National Academy of Sciences of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Syroezhkin K.L.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Tazhin M.M.** — Aide to the President — Secretary of National Security Council, Doctor of Social Studies, Professor
- Chufrin G.I.** — Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Развитие регионов — основа устойчивого развития страны

КАЛАБАЕВА А.Н.

Главным направлением экономической политики Казахстана является создание эффективной национальной экономической системы, способной обеспечить высокий уровень жизни населения и эффективную интеграцию страны в мирохозяйственную систему. При этом экономический потенциал страны может быть раскрыт лишь как совокупность потенциалов отдельных составляющих ее регионов.

Как отметил Президент Нурсултан Назарбаев в своем Послании народу Казахстана «Новое десятилетие — новый экономический подъем — новые возможности Казахстана», без реформы регионального развития невозможна форсированная диверсификация экономики. На сегодняшний день, когда страна оправляется от финансово-экономического кризиса, свою актуальность вновь приобретает необходимость глубокого анализа экономики регионов, учет интересов регионов при реализации государственной Стратегии развития до 2020 г.

При этом немаловажной проблемой на пути к устойчивому социально-экономическому развитию государства становятся объективно неизбежные региональные различия, прежде всего, по природно-климатическим условиям, экономическому развитию, качеству жизни населения, наличию природных ресурсов. К тому же экономический рост в Казахстане в основном связан с опережающим развитием сырьевого сектора. В данной ситуации в выигрышном положении оказываются преимущественно регионы — экспортеры продукции, использующие устойчивый внешний спрос на нефть, газ и цветные металлы. Положение остальных регионов внушает мало оптимизма по поводу перспектив динамичного экономического развития.

Согласно данным Агентства РК по статистике, по показателю валового регионального продукта (ВРП) на душу населения в Казахстане традиционно лидируют промышленно-развитые и нефтегазовые области: Атырауская, Мангистауская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Актюбинская, Павлодарская области и города Алматы и Астана. В этих регионах ВРП на душу населения превышает общереспубликанский уровень в 3—4 раза. В то же время в регионах с преимущественно сельскохозяйственной специализацией (Жамбылская, Алматинская, Южно-Казахстанская области) данный показатель в 3 раза меньше общереспубликанского. При этом сохраняется значительный разрыв между развитыми и депрессивными регионами. Так, в соответствии с данными, за девять месяцев 2009 г. ВРП на душу населения в Атырауской области, где он самый высокий в

республике, превышает этот же показатель Жамбылской области (самый низкий по республике) в 11,4 раза. В то же время, по мнению экспертов, Жамбылская и Южно-Казахстанская области имеют достаточные резервы для развития как промышленного, так и сельскохозяйственного производства, сферы услуг, приграничной торговли и инфраструктурной сферы.

В целом результатом экспортной ориентации экономики Казахстана и незначительной доли в структуре экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью стал низкий уровень диверсификации национального производства, несбалансированность и зависимость экономики республики и ее регионов от конъюнктуры внешних рынков сырья и топливно-энергетических ресурсов. Кроме того, к основным причинам возникновения диспропорций экономического развития регионов по-прежнему относятся неразвитость инфраструктуры и отсутствие диверсифицированной разветвленной транспортно-информационной сети, а также длинные расстояния и высокие транспортные тарифы.

Поэтому основной целью региональной политики государства является сглаживание наиболее острых социально-экономических диспропорций в развитии регионов страны. По словам Президента РК, сегодня в стране необходимо проведение ускоренной диверсификации и повышение конкурентоспособности национальной экономики. При этом во главу угла ставится задача комплексного роста производительности труда. Важным шагом на пути достижения устойчивого и сбалансированного развития страны стали Государственная программа форсированного индустриально-инновационного развития и Карта индустриализации республики.

Как было отмечено в Послании Н.А. Назарбаева, в рамках новой региональной политики необходимо начать формирование центров экономического роста. При этом, как подчеркнул Президента РК, «на западе Казахстана необходимо развивать нефтегазовый сектор, химическую промышленность, производство оборудования и транспортные мощности. В центре, на севере, юге и востоке — горно-металлургический комплекс, атомную, химическую промышленность и аграрную индустрию. Несырьевые секторы с высоким экспортным потенциалом и АПК целесообразно развивать в северных и южных регионах страны».

Следует отметить, что форсирование экономического роста успешных регионов может привести к нарастанию территориальных диспропорций в стране. Поэтому, в целях повышения эффективности стратегии регионального развития, целесообразно сбалансированное сочетание активной политики формирования «зон опережающего роста» с поддержкой достаточного уровня жизнеобеспечения и развития отсталых регионов и с пространственной политикой, обеспечивающей миграционную мобильность и рациональное территориальное распределение рабочей силы.

Кроме того, при проведении мероприятий по преодолению диспропорций в развитии регионов, в значительной степени сдерживающих реализацию Стратегического плана до 2020 г., целесообразен учет опыта развитых стран в данной сфере. Так, на Западе при внедрении теории полюсов роста акцент делался на подъем отсталых и депрессивных регионов, то есть использовании полюсов роста в качестве инструмента политики выравнивания. Затем целесообразной стала поддержка основных центров для содействия конкурентоспособности

страны. Полюсы роста за счет развития инфраструктуры образовали каркас всей территориальной структуры общества. Результатом воплощения концепции поляризованного пространства стало сокращение площади официально выделяемых кризисных ареалов. К тому же в качестве объектов региональной политики стали выделять отдельные населенные пункты и даже их части. Конечно, прямое копирование опыта зарубежных стран в сфере выравнивания уровней жизни в регионах является малопродуктивным.

Поэтому в первую очередь необходимо глубокое переосмысление опыта развитых стран и адаптация форм, методов и механизмов активизации производственной и коммерческой деятельности в относительно менее развитых регионах. При этом для эффективного регионального развития Казахстана большое значение имеет государственное содействие развитию всех видов региональных связей, а именно внутрорегиональных связей «между страной и регионом» и «между страной и внешним миром». В данной ситуации, возможно, существует необходимость создания специального фонда регионального развития по примеру России и Великобритании или специального государственного органа, занимающегося исключительно решением проблем регионов и регионального развития, что могло бы содействовать повышению эффективности долгосрочной политики территориального развития Казахстана.

Информационная составляющая терроризма

КАРАТАЕВА Л.Р.

К настоящему моменту социально-философская и политическая мысль дала нам множество концепций и теорий, авторы которых пытаются объяснить сущность современного общества, его характерные особенности. К таким теориям можно отнести «волновую теорию» Элвина Тоффлера, теорию «постиндустриального общества» Дэниэля Белла, теорию «информационального капитализма» Мануэля Кастельса, а также ряд постмодернистских теорий, наиболее яркой из которых является теория Жана Бодрийера. Авторы перечисленных теорий могут по-разному оценивать реальность, исходить из различных методологических посылов, однако все они отмечают значительное увеличение роли информации в процессе развития современного общества. Как отметил в своей лекции, прочитанной в КазНУ им. аль-Фараби, Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев: «Теперь ситуация стала другой. Эксперты подсчитали, что в 2006 г. в глобальном масштабе было произведено в три миллиона раз больше объема информации, чем это было во всех когда-либо написанных книгах. В печатном формате это 12 стопок книг высотой от Земли до Солнца. По прогнозам, в 2010 г. этот объем информации увеличится еще в шесть раз. В таком объеме информации можно потеряться» [1].

Стремительное развитие и распространение новых информационных и телекоммуникационных технологий приобретает сегодня характер глобальной информационной революции, которая оказывает возрастающее влияние на политику, экономику, управление, финансы, науку, культуру и другие сферы жизнедеятельности общества в рамках национальных границ и в мире в целом. К примеру, Интернет сегодня — это уже не система защиты информации или средство передачи электронных посланий, а место, в котором буквально живут, что-то покупают, продают, устраивают интернет-аукционы, создают семьи, обсуждают интересующие темы, развлекаются и самовыражаются различными способами миллионы людей.

Следовательно, можно утверждать, что мы являемся свидетелями рождения нового мира, имеющего беспрецедентно высокие темпы развития. И весь этот мир никоим образом не зависит от расстояний, границ, не зависит он даже от этнической принадлежности, при желании и от возраста и пола, так как в виртуальном мире каждый из нас может создать свой образ по своему желанию. По сути, мы имеем дело с созданием совершенно нового типа культуры, в рамках которого многие оценочные критерии реального пространства не имеют никакого значения.

Однако новое качество социальных отношений, детерминируемое виртуализацией и сетевизацией социально-экономических процессов, формирует новые уязвимые точки пространства реального. Так, современный терроризм как метод по большей части реализуется в информационном пространстве. В контексте данного утверждения можно выделить следующие моменты.

Во-первых, терроризм является разновидностью психологической войны. Характерной чертой современного терроризма является то, что эффективность той или иной террористической акции измеряется не количеством пострадавших, а количеством запуганных. В этом смысл современного терроризма. Невозможно получить никакого результата от тех, кто погиб в результате теракта, кроме того, что большое количество погибших привлечет большее внимание со стороны СМИ. Объектом воздействия всегда является гораздо более широкая аудитория. Какая это будет аудитория, зависит от конкретных целей, преследуемых террористами. Целевая аудитория может быть представлена различными идентичностями: этническими, национальными, гендерными, возрастными, социальными, политическими и т.д. В принципе можно предположить, что террористы одновременно воздействуют на несколько целевых аудиторий. Первая — массовое сознание, фокус которого зависит от целей террористов. Вторая — правительства стран, на территории которых происходит теракт, или правительства любых других стран. Третья — потенциальные заказчики. Учитывая вышеизложенное, уместно будет привести слова профессора факультета дипломатической службы Джорджтаунского университета и старшего научного сотрудника Центра по борьбе с терроризмом при Военной академии США в Уэст-Пойнте Брюса Хоффмана: «...успехи террористов лучше всего измерять не в масштабах обычной войны — боевыми потерями противника, объемом уничтоженных военных ресурсов или площадью захваченной территории, — а тем, насколько эффективно террористы привлекают внимание к их делу, а также насколько сильно психологическое воздействие и пагубное влияние, которые террористы смогли оказать на свою аудиторию» [2]. При этом считается, что уровень жестокости и выбор потенциальных объектов нападения зависят от мотиваций террористов. Так, для террористов, ведущих «национально-освободительную войну», в качестве объектов нападений, как правило, выступают представители противоборствующей стороны. Это могут быть правительственные и партийные структуры, представители силовых ведомств. При таких терактах мирные граждане, не аффилированные с политическими процессами, страдают реже, что и делает террористов в глазах части общественности «хорошими». Примерно та же логика действует в отношении «идейных» террористов, таких, например, как «Группа Баадер-Майнхоф» или «Черные пантеры». Что же касается террористов, преследующих религиозные цели, по большей части исламистского толка, то объект нападения, как правило, формируется стихийно. В качестве жертв могут выступать кто угодно, включая единомышленников.

Во-вторых, современный терроризм нефункционален без СМИ. Чем дальше мировое сообщество продвигается в сторону информационного общества, тем больше возможностей возникает у террористов. Терроризм как метод достижения политических целей всегда основывался на запугивании кого-либо, вопрос лишь в масштабах распространения страха. Здесь же находится и основной водораздел, отличающий терроризм «старый» от терроризма «нового». Именно

СМИ сделали терроризм одним из важнейших акторов системы международных отношений. Происходит это по следующим причинам: первая — СМИ задают основные тренды массового мышления и являются проводниками информационной драматургии. Вторая — глобализация масс-медиа позволяет «проинформировать» гораздо большую аудиторию, в результате чего локальное событие получает трансграничное распространение. Третья — СМИ, желая того или нет, осуществляют PR терроризма. Любое упоминание о террористах, их действиях или судьбах создает информационный повод, дальнейшее тиражирование информации, этот повод поддерживает. При этом не имеет никакого значения, в каком контексте подается сообщение и какое контентное наполнение оно имеет. Даже в случае информирования населения об успехах спецподразделений по борьбе с терроризмом, выражающихся в раскрытии террористических организаций, аресте или осуждении их членов, предотвращении терактов и т.п., происходят PR угрозы терроризма. Другими словами, среднестатистический человек, получив информацию об успешном раскрытии деятельности террористической группировки на территории его государства, в состоянии продолжить логическую цепочку размышлений: «значит, террористы есть» — «этих обезвредили, а скольких еще не обезвредили» — «угроза моей безопасности существует».

В принципе террористический акт можно представить как акт коммуникации. Есть все четыре необходимых элемента коммуникации: сообщение, его автор, его получатель и средство доставки. При этом сообщение может включать в себя как вербальный, так и невербальный компонент. Например, конкретное действие: взрыв, захват заложников — как невербальный компонент и заявление или обращение террористов — как вербальный. Средством доставки являются СМИ. Дальнейшее распространение информации происходит в рамках информационных потоков как официального, так и неофициального характера.

С другой стороны, зависимость терроризма и СМИ обоюдная. Терроризм является для масс-медиа центральным информационным поводом. В этом смысле информационной драматургии. Люди не пересказывают друг другу казенные формулы, в своем кругу они рассказывают друг другу то, что считают интересным. СМИ значимы только в той степени, в которой они создают поводы для массового «трепа» [3].

В ответ террористы стараются использовать свои медиа-возможности в полной мере. Как заметил профессор факультета коммуникаций университета Хайфы Габриэль Вайнманн, «современный терроризм можно понять с точки зрения тех же требований, какие предъявляются к любой театральной постановке: тщательная подготовка сценария, подбор актеров, декорации, реквизит, распределение и исполнение ролей, активная роль режиссера-ведущего в исполнении спектакля. Как и хорошая постановка драматических или балетных спектаклей, эффективная подача террористических актов в СМИ требует особого внимания к деталям» [4].

На практике использование террористами медиа-возможностей хорошо прослеживается на примере захвата заложников «Норд-Оста». Террористы приложили все усилия для того, чтобы максимально наполнить медиа-пространство информацией о себе. Так, непрерывно выдвигались все новые и новые требования о, например, проведении родственниками заложников различных митингов, сам факт проведения которых также становится информационным поводом, приглашались

на переговоры известные люди и потом с ними отказывались разговаривать, велась активная «работа» с журналистами, использовалась мобильная связь и т.д. Все это расценено экспертами как стремление сделать так, чтобы теракт «висел» в медиа-сфере, непрерывно обрастая все новой и новой информацией, нагнетая напряжение [5]. Другим примером, подтверждающим точку зрения на теракт как на спектакль, является заявление одного из террористов, руководившего нападением на израильских атлетов во время Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 г.: «Мы поняли, что спорт является современной религией западного мира. Мы знали, что люди в Англии и Америке переключат свои телевизоры с программ о ситуации в Палестине на спортивные программы на других каналах. И поэтому мы решили использовать их Олимпийские игры, самую сакральную церемонию этой религии, чтобы весь мир обратил на нас внимание. Мы преподнесли человеческие жертвы на алтарь ваших богов — спорта и телевидения. И они ответили на наши молитвы» [6].

Самым известным «спектаклем» являются события 11 сентября 2001 г. Объект нападения, масштабы разрушений и последующее изменение глобальной архитектуры безопасности повлияли на то, что в информационном пространстве теракт живет до сих пор, «спектакль» продолжается.

«Знаменитость — это всегда новость», — заметила Дороти Доти [7]. Поэтому, как и в любом шоу, при проведении теракта важно присутствие «медийных лиц». Чем больше знаковых фигур, желательно неполитического характера, будут задействованы в качестве «актеров», тем большим драматизмом будет обладать террористическая акция, соответственно, тем большее распространение получит передаваемое террористами «сообщение» в горизонтальных неофициальных информационных потоках. О значимости привлечения известных людей писал Карлос Маригелла в своей известной работе «Бразильская герилья»: «...похищение лиц, являющихся известными художниками, спортсменами или выдающимися личностями в какой-либо другой области, но не представляющих никакого политического интереса, может представлять полезную форму пропаганды для революционных и патриотических принципов городского партизана, при условии, чтобы это происходило при особых обстоятельствах и похищение было проведено так, дабы общественность симпатизировала этому и приняла его» [8].

Еще одна связка «СМИ — терроризм» получила свое выражение в формировании так называемого террористического сознания. Главная роль в этом процессе отводится телевидению, так как в отличие от других средств массовой информации оно предлагает визуальную поддержку передаваемым сообщениям. Также можно утверждать, что большую угрозу в этом плане начинает играть Интернет. Если наполнение телевизионных передач можно регулировать, то в рамках интернет-пространства контроль практически невозможен. Закрытие сайта повлечет за собой открытие нового.

Каким образом происходит формирование террористического сознания? С одной стороны, масс-медиа, постоянно ретранслируя сцены насилия, обесценивают человеческую жизнь. Проведенные в ряде стран исследования показали, что в среднестатистической семье телевизор работает порядка семи часов в день. Две из каждых трех программ в прайм-тайм и субботние утренние часы содержат сюжеты насилия. Подсчеты показали, что к моменту окончания средней школы ребенок

просматривает по телевидению около 8000 сцен с убийствами и 100 000 других действий с применением насилия [9]. Зритель не видит страдания, он видит только насилие — эффективный способ решения возникающих проблем. Управление ситуацией посредством применения насилия становится нормой. С другой стороны, демонстрируемое насилие отражается на поведении людей, психологически склонных к насильственным действиям. В равных условиях одну и ту же сцену разные люди воспримут по-разному, для кого-то это останется видекартинкой, а для кого-то станет стимулом к действию. Более того, Интернет предоставляет идеологам терроризма возможность размещать в Интернете свои «проповеди», которые в принципе может прочесть любой желающий. Немаловажным является и то, что пользователями Интернета, как правило, являются молодые люди, часть из которых еще не сформировала устойчивой системы ценностей. В совокупности с низким уровнем образованности и отсутствием навыков критического отношения к потребляемой информации такая ситуация становится серьезной угрозой психологическому здоровью нации.

Справедливости ради следует отметить, что возможности телевидения напрямую зависят от специфики его восприятия населением той или иной страны. К примеру, в Японии или Германии к телевидению относятся как к развлечению. В то же время в США телепередачи оказывают на население гораздо большее влияние [10]. Через телепередачи или художественные фильмы легко формируется «образ врага», а также механизмы «борьбы с ним». Как заметил Дж. Гербнер: «В истории человечества бывали и более кровавые эпохи, но ни одна из них не была до такой степени пропитана образами насилия, как наша. И кто знает, куда нас унесет этот чудовищный поток зримого насилия... просачивающийся в каждый дом через мерцающие экраны телевизоров в виде сцен безупречно отрежиссированной жестокости» [11].

В-третьих, с появлением Интернета возникает новая форма террористической деятельности, называемая «информационным терроризмом» или «кибертерроризмом». В настоящий момент отмечается некоторая путаница в отношении понятий «киберпреступность» и «кибертерроризм». Под киберпреступностью в первую очередь подразумевается любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или против компьютерной системы или сети. Понятие распространяется на все виды преступлений, совершенных в информационно-телекоммуникационной среде, где информация, информационные ресурсы, информационная техника могут являться целью преступных посягательств, средой, в которой совершаются правонарушения, и средством или орудием преступления [12]. В данном контексте выделяются четыре вида преступлений: незаконный доступ к компьютерной системе либо ее части; вмешательство в компьютерные системы, незаконный перехват не предназначенных для общестности компьютерных данных, вмешательство в компьютерные данные.

Говоря о кибертерроризме, исследователи выделяют два его вида.

Первый — совершение с помощью компьютеров и компьютерных сетей террористических действий. Условно его назвали кибертерроризмом в чистом виде. Наибольшую опасность такой кибертерроризм представляет для объектов критической инфраструктуры — командных пунктов ядерных сил, систем управления АЭС, плотин, промышленных предприятий. Блокирование системы управления

воздушным движением крупного международного аэропорта способно создать мгновенную угрозу жизням сотен людей.

Второй — использование киберпространства в целях террористических групп, в том числе для распространения своей идеологии, для связи, решения организационных задач и т.д. Это — новая реальность. Если в 1998 г. менее половины организаций, занесенных Государственным департаментом США в список террористических, имели работающие сайты, то через год, к концу 1999 г., почти все эти террористические группы были представлены в Интернете. Проведенный в 1998—2007 гг. мониторинг интернет-пространства показал наличие более пяти тысяч террористических сайтов, интернет-форумов и чатов [13]. В свою очередь, в рамках операции «ПРОКСИ-2009», предпринятой силами ОДКБ, было выявлено более 1700 сайтов различной смысловой окраски, в содержании которых выявлены признаки преступной деятельности. В их числе более 30-ти, использовавшихся для распространения информации, наносящей политический ущерб национальным и союзническим интересам, 16 — информации, разжигающей национальную и религиозную рознь, 100 — сведений, предназначенных для организаций и групп террористической и экстремистской направленности [14].

Появление спутниковой связи, Интернета значительно расширило логистические и коммуникационно-технические возможности террористических организаций, предоставив возможность использовать в свою пользу фактор времени. Также можно заметить, что происходит переход от «экспедиционного» терроризма к терроризму «партизанскому». Если ранее разработка и подготовка террористического акта, включая подготовку исполнителей, осуществлялись преимущественно на территории одного государства, с последующей переброской террористов-исполнителей на территорию государства-объекта, то сегодня вербовка исполнителей, их инструктаж ведутся непосредственно на территории государства-объекта через посредников при помощи того же Интернета.

Немаловажно обратить внимание и на то, что с развитием информационно-коммуникативных технологий задачи террористов упростились — сегодня в большей степени стратегия транснационального терроризма направлена не столько на институты политической безопасности государства, сколько на его экономические основы. К примеру, сегодня нет необходимости совершать террористический акт в реальном пространстве, достаточно распространить видеокассеты или разместить в Интернете информацию о готовящихся террористических атаках в ряде пунктов и государство предпримет ряд шагов, направленных на повышение безопасности. Постоянная угроза приводит к режиму превентивного контроля, осуществляемого перманентно и требующего больших денежных затрат и времени. Это имеет негативные следствия для экономики государства. Следует также отметить, что ущерб наносится и отдельным сферам экономики. К примеру, страдает туристическая сфера.

Таким образом, очевидно, что терроризм напрямую зависит от информационных потоков. Именно информационные потоки и делают уголовное преступление терроризмом, и при построении системы противодействия следует учитывать данный факт. Человечество не первое столетие ведет информационные войны и необходимый арсенал противодействия информационным атакам как превентивного, так и постфактного характера уже накоплен. Однако новые условия, связанные с информатизацией общества, а также специфические особенности

противника ставят новые задачи, решение которых является неременным условием сохранения безопасности на любом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казахстан в посткризисном мире: интеллектуальный прорыв в будущее. Лекция Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в КазНУ им. аль-Фараби (Алматы, 13 октября 2009 г.) // <http://www.zakon.kz>.
2. Хоффман Б. Разновидность психологической войны // Террористическая ментальность. Контрмеры. E-Journal USA. Т. 12. — №5. — С. 8.
3. Почепцов Г.Г. Информационные войны. — М.: Релф-бук, 2000. — С. 419.
4. Вайнманн Г. Терракт как «театральная постановка» на сцене СМИ // Террористическая ментальность. Контрмеры. E-Journal USA. Т. 12 — №5. — С. 30.
5. СМИ в ходе терактов: в зоне повышенной ответственности // <http://www.tatmedia.ru>.
6. Вайнманн Г. Указ. соч.
7. Доти Д. Паблсити и паблик рлейшнз. — М.: Филинь, — 1996. — С. 226.
8. Маригелла К. Бразильская герилья. Краткий учебник городского партизана // <http://www.politology.vuzlib.net>.
9. Изияева Л.О. Роль средств массовой информации в обеспечении национальной безопасности // <http://www.lomonosov-msu.ru>.
10. Террористическое сознание может накрыть общество вслед за криминальным // Интервью С. Цыцарева ИА Росбалт // <http://psyfactor.org>.
11. Изияева Л.О. Указ. соч.
12. Украинская О.А. Феномен информационного терроризма в современном обществе // <http://www.nbuv.gov.ua>.
13. Вайнманн Г. Указ. соч.
14. Операция «ПРОКСИ» / Интервью Н. Бордюжа ВПК // <http://www.vpk-news.ru>.

Интеграция в Восточной Азии: терминологические и теоретические аспекты

АУГАН М.А.

Известно, что определение региона, его границ устанавливалось аутсайдерами — как специалистами по безопасности и внешней политике, так и картографами. Тем не менее эти классификации имеют значение, поскольку дефиниции региона, внутри которого оказывается та или иная страна, влияют на то, как аутсайдеры классифицируют эту страну, и даже на политические решения, которые в отношении этой страны принимаются. При употреблении терминов «Западная Европа» и «Восточная Европа», которыми обозначается определенная группа стран, сразу же может возникнуть восприятие этих стран, которое оказывает воздействие на представление и подходы.

Д. Володин, отмечая роль региона в мировой геополитике, указывает, что в географическом плане АТР включает в себя четыре субрегиона: Северо-Восточную Азию, Юго-Восточную Азию, Южную Азию и Австралию с Океанией, куда входят 43 государства [1].

А. Байков в работе «Интеграционные маршруты» Западно-Центральной Европы и Восточной Азии» пишет: «... понятие АТР появилось в мировой политологии в начале 60-х гг. XX-го столетия и заменило термин “Дальний Восток”» [2].

П. Цветов пользуется термином «Тихоокеанское (или Транстихоокеанское) кольцо», поскольку учитывает участие США, Канады, стран Латинской Америки в региональной интеграции [3].

О. Арин, соглашаясь с авторами учебного пособия по внешней политике Японии, в рецензии пишет, что «в самих японских документах используется термин “АТР”, но обычно в них оговаривается, какие границы этот термин покрывает. Обычно они не выходят за границы Восточной Азии». И далее Арин отмечает, что этот термин не научный, но довольно популярный, и после провалов создания «Тихоокеанского сообщества» и идеи, что к началу XXI в. АТР станет центром мировой экономики и политики, термин «АТР» стал все реже употребляться в научных работах по Дальнему Востоку и Восточной Азии. Он не поддается научному определению, поскольку не смог отразить объективную реальность. Термин оказался ложным [4].

А. Воскресенский применяет термин «Большая Восточная Азия», которая включает Центральную, Южную, Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию и рассматривает как новый геополитический региональный комплекс [5]. Примеров употребления термина «АТР» можно привести достаточное количество и отметить, что по отношению к региону, который мы называем традиционно

«АТР», можно употребить дефиницию «Восточная Азия», которая состоит из стран ЮВА и СВА. Из этого списка исключаются страны переселенческого капитализма и США. При этом термин «АТР» имеет право на существование, если посмотреть на регион со стороны тихоокеанского побережья США. Это то же самое, как и употребление терминов «Ближний Восток» (Юго-Западная Азия) и «Дальний Восток» (Восточная Азия). С точки зрения европейца, оправдано употребление этих обозначений, а с точки зрения жителя Центральной Азии — не совсем корректно.

Также существует определенная некорректность и в использовании понятий «регионализм» и «регионализация». По определению О. Арина, «регионализм — теория (или концепция), на базе которой определяется тот или иной регион как некая самостоятельная целостность, отличающая ее от другого региона. Будучи теорией, она обязана иметь некоторые критерии и дополнительные понятия (субпонятие), с помощью которых доказывается существование региона. Доказательство возможно только в том случае, если у этого региона есть некоторые объективные “права” на самостоятельное существование. Например, “АТР” как самостоятельный регион доказать нельзя. У него нет объективных оснований. Это было в свое время политико-пропагандистская затея, которую попытались реализовать Япония, США, Австралия и Канада. Однако не получилось. А у Восточной Азии есть такие основания. Регионализация — это действительно придание региону некоторые институциональные формы. Но они только тогда заработают, если эта самая регионализация осуществляется на объективно созревшей для этого территории» [6].

М. Бисон, следуя традиции, которая с середины 1990-х гг. разграничивает понятия «регионализм» и «регионализация», понимает под первым сознательные меры государств или внутригосударственных регионов в целях координации политики построения общих институтов. В противоположность регионализму, регионализация, согласно его мнению, представляет собой результат этих мер или «естественных» экономических сил. Оба понятия, как полагает Бисон, составляют интеграцию, которая обозначает либо процесс сближения стран через сотрудничество, либо желаемую цель данного процесса. Согласно теориям интеграции: регионализация без регионализма возможна, регионализм без регионализации нет [7].

В соответствии с мнением Э. Фрост, в Восточной Азии регионализм и регионализация развиваются параллельно и географически разведены: регионализация — процесс, протекающий в прибрежной, островной и архипелажной Азии (Maritime Asia), а регионализм — тот же процесс, только касается судьбы Азии материковой (Asia Major), причем территория, на которой проходят регионализация и регионализм, не определяется государственными границами. Э. Фрост характеризует прибрежную Азию как экономическую категорию, а материковую Азию — больше как политическое образование, ядро которого составляют участники «АСЕАН+3» (страны АСЕАН, КНР, Республика Корея и Япония), а также Австралия, Индия и Новая Зеландия («АСЕАН+6»). В прибрежной Азии происходит «интеграция без институтов», а в материковой Азии идет степенный дипломатический процесс, который автор назвала «институтом без интеграции». Э. Фрост считает, что нужно преодолеть разрыв между регионализмом и регионализацией, совместить их территориально и функционально, идентифицирующими

факторами могут выступить ведущие компании — локомотивы регионального роста.

Таким образом, в исследовании Э. Фрост Восточная Азия представляет не два субрегиона СВА и ЮВА, а состоит из прибрежной, где происходит реальная, спонтанная интеграция, и континентальной, где о ней только говорят [8].

Большинство авторов считают региональную интеграцию, проявления регионализма как часть процесса, связанного с глобализацией. Вместе с тем совершенно справедливо и другое мнение, высказанное А. Шлезинджером о регионализме как о «защитной реакции по всей планете против беспощадной глобализации» [9].

Многие авторы работ, изучающие процессы интеграции, рассматривают ее как ответ на вызовы глобализации. Они даже ввели достаточно широко известный термин «глокализация», который включает два понятия — «глобализация» и «регионализация» (локализация). Сторонники глокализации считают, что именно благодаря локализации можно выстоять процессу глобализации [10].

Проблемам интеграции посвящено немало работ. Однако авторы этих исследований преимущественно изучали западноевропейский опыт интеграционных процессов. Между тем в различных регионах мира накоплен богатый опыт развития интеграционных объединений, который существенно углубляет и расширяет наши представления о закономерностях интеграции и позволяет выявить ограниченность евроцентристских подходов при анализе интеграционных процессов. Возникает вопрос о степени универсальности западноевропейской модели.

В процессах регионализма и регионализации в Восточной Азии достигнуты определенные успехи*. В качестве примера можно привести создание в рамках АСЕАН зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА); сообщества, в котором к 2015 г. предполагается свободное перемещение товаров, услуг, капитала и лиц; с принятием Хартии АСЕАН стала полностью соответствовать структурированной межправительственной организации, которая выработала определенные принципы и правила, обязательные для всех; благодаря Чиангмайской инициативе, страны — участники группы «АСЕАН+3» приступили к заключению двусторонних соглашений о взаимной конвертации национальных валют и расширили объем операций в рамках регионального соглашения о валютном свопе. Если провести параллели с историей европейской интеграции, то наблюдается слабость в Восточной Азии объединительных традиций и нежелание стран региона передавать часть суверенитета во власть наднациональных органов. На сближение стран Восточной Азии способствует экономический прагматизм, например создание зоны свободной торговли, совместные экологические проекты и субсидирование отраслей, ориентированных на импорт. Таким образом, реализация одного интеграционного проекта ставит необходимость принятия следующих интеграционных мер, способствуя дальнейшей степени институционализации. Углубление региональной экономической интеграции и сотрудничества требует более широкой институционализации и возникает необходимость в деталях разработать надлежащий баланс между наднациональными органами власти и национальной автономией.

* Автор выражает признательность АБР за предоставленную информацию по проблемам интеграции в регионе.

Анализ межправительственного сотрудничества на региональном уровне в Азии свидетельствует об отсутствии института кооперации, который охватывал бы всю Азию и который, возможно, никогда не появится. Однако процесс регионализма начался в различных субрегионах Азии. Наиболее действенным из них является АСЕАН, которая спустя четверть века после своего появления стала инициатором создания договорной базы интеграции в более широком регионе — Восточной Азии (и АТР). Регионализм способствует формализации политических и социально-экономических связей между странами региона, представляя собой на практике политический процесс, который требует создания «общего баланса», чтобы содействовать сотрудничеству и реализации целей. Методы регионализма могут быть «мягкие» или «жесткие», и они могут изменяться с течением времени, в зависимости от внутренней динамики и внешнего фактора [11].

Хартия АСЕАН сохранила консенсусный метод принятия решений, не привела к созданию наднационального органа по разрешению споров, не смогла реализовать первоначальные замыслы в создании региональных органов по правам человека, интересы государства по-прежнему доминировали над интересами простых людей, тем не менее усилия АСЕАН в создании экономического сообщества представляют большой шаг вперед. Механизм разрешения экономических споров также претерпел изменения и трансформировался из процесса политического в правовой.

«АСЕАН+3», АРФ, Восточноазиатское экономическое сообщество и АТЭС оказали сильное влияние на институциональный выбор членов АСЕАН. Так, Х. Соесастро классифицирует эти региональные институты Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона как «наднациональноструктурные организации» (*supra-structure institutions*), то есть организации, основанные на «идее региона». Их целью является сознательное формирование чувства сообщества. В отличие от них в регионе формируются «инфраструктурные организации» (*infra-structure institutions*), стремящиеся развивать функциональное сотрудничество между группой соседних стран для решения отдельных совместных проектов. При этом они развивают структуры, которые помогают поддерживать это сотрудничество. Такие совместные проекты, как правило, создаются без «высоких идей» регионализма, тем не менее они вырабатывают «привычку» регионального сотрудничества и, возможно, также регионального доверия. Оба вида сотрудничества являются важными элементами регионализма. Хади Соесастро к наднациональноструктурным организациям относит СААРК, Организацию экономического сотрудничества в Центральной Азии и Южно-Тихоокеанский форум на островах Тихого океана. Он указывает на отсутствие таких интеграционных институтов в Северо-Восточной Азии, хотя, по его мнению, Трехсторонняя встреча на высшем уровне, состоявшаяся в декабре 2008 г. между КНР, Японией и Республикой Корея, может стать зародышем организации.

Огромное значение в наднациональноструктурной организации имеет проблема членства конкретной страны, которая может стать вопросом «высокой политики», например вступление Индии в АТЭС и Соединенных Штатов — в Восточноазиатское экономическое сообщество. От состава организации зависят ее отношения с другими региональными и международными институтами (ее внешнеполитическая ориентация). Расширение членства может также создать

проблемы управленческого характера, то есть «организационного перенапряжения». Трудности институционального развития АСЕАН связаны с необходимостью иметь членам организации общие ценности, а также общие интересы в целях укрепления регионального Сообщества. В инфраструктурных организациях членство, как правило, не представляется серьезной проблемой, за исключением, возможно, вспомогательных учреждений. Вовлечение участников из других регионов в инфраструктурные организации может ослабить процесс формирования сообщества. В Восточной Азии организации претерпели некоторое расширение и их формирование зависело от того, кто является членом: различные участники приводят к различным формам интеграции. Концепция «принципиальной интеграции», то есть принятие свода принципов, включая демократию, как основы для региональной интеграции, распространяемые японскими политиками и при создании Восточноазиатского сообщества, не были приняты ни «АСЕАН+3», ни ВАЭС.

Содержание повестки дня является следующим важным аспектом организации. Наднациональноструктурная организация стремится включить на рассмотрение вопросы «высокой политики», охватывающие всесторонние интересы различных своих членов. Интеграция является одним из основных вопросов повестки дня региональных организаций и включает четыре базовые элемента регионального сотрудничества, разработанные АБР: развитие трансграничной инфраструктуры, торговли и инвестиций, денежного обращения и финансов и региональное общественное благо. Инфраструктурные организации включают более узкую и конкретную повестку дня и в их компетенции только вопросы «низкой политики».

Другими ключевыми аспектами организаций являются их организационная структура и институциональные процессы. Наднациональноструктурная организация требует политических обязательств самого высокого уровня насколько это возможно. В АСЕАН встреча на высшем уровне была проведена лишь десять лет спустя после ее создания, и только с 2001 г. стала проводиться ежегодно, в Хартии предусматриваются две встречи в течение года. АТЭС и ВАЭС также проводят раз в год саммиты на высшем уровне. Важными вопросами в функционировании организации являются нормотворческая деятельность и принцип принятия решений, урегулирования споров и приведения в действие механизмов исполнения, а также мобилизации ресурсов и бюджетных процессов, которые поддерживают ее. Инфраструктурные организации могут способствовать нормотворчеству в регионе путем принятия правил, которые стали бы обязательными.

Регионализм играет важную роль в определении поведения государственных органов и характера взаимодействия между странами-членами и региональными организациями и может иметь значительное влияние на внутренние реформы стран-участников. Главным достижением функционального сотрудничества является создание потенциала на национальном и региональном уровне, а также решение выявленных общих проблем. Инфраструктурные организации должны также прилагать усилия к решению растущих трансграничных проблем, однако политически чувствительные, вероятно, потребуют участия глав государств и должны быть приняты в наднациональноструктурных организациях. Оба типа организаций должны иметь механизмы самооценки.

Вместе с тем деятельность региональной организации АРФ не может восприниматься эффективной наднациональной структурой для содействия сотрудничеству в области безопасности в Азии из-за многочисленного и разнообразного состава участников. Необходимо четкое разделение функций между двумя наднациональными структурами в странах Восточной Азии, «АСЕАН+3» и ВАЭС. Было бы продуктивнее, если «АСЕАН+3» будет делать основной упор на функциональное сотрудничество в целях создания Сообщества, а ВАЭС выступать в качестве форума высокого уровня для обсуждения стратегических вопросов, касающихся региона. АТЭС должны отказаться от своих амбиций строительства сообщества и сосредоточиться на функциональном сотрудничестве в приграничных районах посредством увеличения своих новых инициатив. Серьезное переосмысление функций региональных организаций в Азии действительно происходит.

Таким образом, Азия в настоящее время имеет множество региональных механизмов в целях содействия большей экономической интеграции и более тесного политического сотрудничества. Ряд из них можно перечислить. В целях содействия региональной торговле, были предприняты меры, направленные на сокращение торговых барьеров, главным образом на основе соглашений о преференциальной торговле и других мягких форм экономического партнерства. Немного скромные по масштабам и охвату формы сотрудничества наблюдаются в финансовой сфере, в числе которых можно назвать Чиангмайскую инициативу, а также усилия по развитию рынка капитала в регионе, таких, как инициативы Азиатского рынка облигаций. Некоторые из этих мер носили вынужденный характер и были приняты с целью противостоять риску повторения азиатского финансового кризиса или как защитная реакция на затянувшиеся переговоры в рамках ВТО и защита региона от потенциальной экономической угрозы со стороны ЕС и НАФТА. В других случаях мотивацией для интеграционных инициатив служили геополитические преимущества и экономические выгоды.

С другой стороны, возникает вопрос, в какой степени чрезвычайные обстоятельства, подобные финансовым кризисам, могут послужить катализатором для стимулирования регионального сотрудничества и как существующие региональные организации смогут снизить риски будущих потрясений в Восточной Азии.

Требуется дальнейшего изучения и проблема совместимости интересов различных секторов гражданского общества, бизнес-элиты, представителей труда и экологические лобби и другие организации, работающие в рамках парадигмы «человеческого развития». В той или иной степени все эти секторальные интересы могут быть косвенно или непосредственно оказывать влияние на формирование интеграционных организаций. Таким образом, характер национальных политических институтов стран может оказать существенное влияние на их отношение к созданию институтов для регионального сотрудничества. Стратегическое соперничество между государствами (а шире процессы баланса сил между соперничающими государствами) может подтолкнуть политиков к инициированию разработок архитектуры регионального сотрудничества.

Отличительной особенностью АСЕАН, по сравнению с ЕС и НАФТА, является существенный разрыв в уровнях дохода между богатыми и бедными странами. Вместе с тем наблюдается сближение в уровнях региональной эконо-

мической интеграции трех вышеназванных организаций и разрыв между АСЕАН и ЕС и НАФТА значительно сузился. Существует различие в распределении экономической мощи в каждом регионе: в Северной Америке — США, в Азии — КНР и Япония, в Европе — несколько крупных экономик, причем крупнейшая из них экономика Германии не намного опережает остальные. Различия в распределении власти находят отражение в региональных институциональных проектах. Крупные государства могут принять мультилатерализм в интересах эффективности переговоров, но их энтузиазм в региональных организациях, скорее всего, ослабнет, если это будет препятствовать самостоятельности их национальной политики.

Следующее институциональное отличие заключается в практике членства: в ЕС более строгие требования для вступления, в Азии порог требований для новых членов не высок.

Третье различие связано с первыми двумя: способностью региональных организаций сформировать национальные институты, направленные, главным образом, на развитие верховенства права.

Международные институты, которые способствуют развитию национальной правовой системы, станут фактором внутреннего блага и в то же время заложат основы сильных региональных институтов. ЕС включает региональные представительные органы, которые не существуют в других регионах. Сравнение интеграционных объединений Восточной Азии и других регионов свидетельствует об отсутствии единого успешного пути регионального сотрудничества. Европейские интеграционные институты не являются большей моделью для других регионов, чем восточноазиатские. Можно в равной мере сказать о Восточной Азии как о менее институционализированной, а о Европе — как о более чем институционализированной.

Некоторые формы экономической взаимозависимости, особенно внутрорегиональной торговли, и создание производственных сетей сегодня в Азии намного развитее, чем в Европе в 1960—1970 гг. Правительства стран Восточной Азии, с целью усиления регионального сотрудничества, предпринимают различные меры для создания основ макроэкономической и финансовой стабильности, а также представляют региональные общественные интересы. Несмотря на то, что экономическая взаимозависимость углубляется, официальные структуры для сотрудничества остаются слабыми и неразвитыми. Вместе с тем подходы стран Восточной Азии к проблеме регионализма являются прагматичными и гибкими: они легко адаптируют свои структуры сотрудничества под интересы различных подгрупп. Поэтому восточноазиатский регионализм характеризуется разноуровневым и разноскоростным подходом. Регионализм в Восточной Азии формировался снизу вверх и опирался на субрегиональное сотрудничество в качестве опоры для создания широкой и единой региональной архитектуры. Такой тип регионализма не требовал сильной институционализации. Однако пример ЕС доказывает, что в итоге активизация внутрорегиональных отношений потребует более структурированного сотрудничества между странами — участниками регионализма.

В 2008 г. АБР, с целью повышения уровня институционализации и эффективности и устойчивости интеграционных процессов в Восточной Азии, предложил организовать Секретариат по экономическому сотрудничеству и Диалог

8. Ellen, L. Frost Asia's New Regionalism. — London: Lynne Rienner Publishers, 2008. — Pp. 14—17.
9. Foreign Affairs. — Sept./Oct. 1997. — P. 10.
10. Global/Local. — Durham: Duke University Press, 1996.
11. Hadi Soesastro Towards an Anatomy of Institutions for Regionalism in Asia // Institutions for regionalism: enhancing Asia's economic cooperation and integration. — Manila: Asian Development Bank, 2009.
12. Keohane, R. International Liberalism Reconsidered // The Economic Limits to Modern Politics / Ed. by J. Dunn. — N.Y., 1990.
13. Bjorn Hettne. Globalization and the New Regionalism: the Second Great Transformation / Hettne, B., Inotai, A. and Sunkel, O. (eds.) // Globalism and the New Regionalism. — London: Macmillan, 1999. — Pp. 3—24.

Сотрудничество Казахстана и Венгрии в сфере образования и науки

САРЫБАЕВ М.С.

Международное сотрудничество в области науки и образования регулируется законодательством Республики Казахстан и осуществляется на основе международных договоров, соглашений и конвенций. В настоящее время подписаны соглашения о сотрудничестве более чем с 40 странами ближнего и дальнего зарубежья и международными организациями.

Одной из важнейших задач международного сотрудничества в области образования является интеграция системы высшего образования Казахстана в мировое образовательное пространство. С этой позиции особую значимость приобретает работа по признанию казахстанских документов об образовании и аналогичных иностранных документов в Казахстане. Данному процессу способствует подписание 11 апреля 1997 г., ратификация и утверждение Указом Президента РК от 13 декабря 1997 г. №202-1 Лиссабонской конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию. В этой же связи планомерно продолжается работа по подписанию двусторонних соглашений по признанию документов об образовании со странами, не подписавшими указанный рамочный документ, и странами, которые не присоединились к каким-либо международным соглашениям. Граждане Казахстана обучаются в 35-ти странах мира, и география сотрудничества в области образования и науки с каждым годом расширяется. Их обучение за рубежом идет по следующим основным направлениям: международные образовательные обмены; стипендии правительств иностранных государств и международных организаций; в частном порядке; по международной стипендии Президента РК «Болашак». На сегодняшний день за рубежом обучается около 19-ти тысяч граждан Казахстана [1].

Сотрудничество же в сфере науки и образования является приоритетным для Республики Казахстан, которая стремится интегрироваться в международную образовательную систему. И в этом не малую роль сыграли вузы и научные учреждения зарубежных стран. Поэтому с первых дней своей государственной независимости Казахстан взял курс на восстановление и реконструкцию международных образовательных связей с постсоциалистическими странами Европы, и в частности с Венгрией.

Казахстанско-венгерское сотрудничество в сфере науки и образования развивается с момента обретения независимости Республикой Казахстан. Началом сотрудничества между странами можно считать Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между Правительством РК и Правительством ВР, подписанный

8 февраля 1993 г. во время официального визита Премьер-министра Казахстана С. Терещенко в Венгрию, где говорится «что стороны заявляют о своем согласии развивать двустороннее научно-техническое и культурное сотрудничество» [2].

Большой интерес со стороны венгерской общественности проявился к сотрудничеству в области образования. Венгерская сторона затрагивала вопрос о возможности прохождения стажировок казахстанскими специалистами в Венгрии. К середине 1990-х гг. имелись предварительные договоренности с министерствами внутренних дел, обороны, труда, сельского хозяйства, земледелия, промышленности и торговли, здравоохранения о проведении двусторонних консультаций и обмена опытом, стажировок казахстанских специалистов в самых различных отраслях. В соответствии с Протоколом о сотрудничестве между Министерством культуры и образования Венгрии и Министерством образования Казахстана, в период с 1992 по 1995 г. венгерская сторона обязалась ежегодно принимать на обучение пятерых студентов в высшие учебные заведения страны [3].

Интерес сотрудничества с венгерской стороны в сфере образования был проявлен на высшем уровне, еще в 1993 г. Президент Венгрии Арпад Генц высказал идею, что «Венгрия могла бы принять на обучение студентов и организовать стажировку в областях сельского хозяйства, международных экономических отношений и оказать помощь в подготовке дипломатов» [4]. Эти идеи были реализованы посредством налаживания отношений между университетами двух стран.

14 декабря 1995 г. в г. Будапеште был подписан рабочий план сотрудничества между Министерством образования Республики Казахстан и Министерством культуры и образования Венгерской Республики. Данный рабочий план был рассчитан на три года, то есть до конца 1998 г. По этому договору казахстанская сторона ежегодно в Венгрию направляла на полное обучение до восьми человек, а венгерская сторона направляла в Казахстан ежегодно до пяти человек на 5—10-месячное обучение казахскому языку, этнографии и культуре [5]. На основе настоящего договора к концу 1997 г. в венгерских вузах обучалось 26 студентов из Казахстана [6].

Следующим этапом развития отношений в сфере науки и образования явилось подписание Соглашения о техническом, научном и экономическом сотрудничестве между РК и ВР в октябре 1996 г. во время официального визита Премьер-министра Казахстана А. Кажегельдина в Венгрию [7].

Несмотря на проявленный интерес с обеих сторон, не было достигнуто полного контакта, который бы соответствовал существовавшему потенциалу. Более тесное сотрудничество в сфере науки и образования можно наблюдать лишь последние пять-шесть лет.

Новые перспективы двустороннего сотрудничества открылись в связи с поставленными Главой государства задачами по развитию профессионального государства и необходимостью подготовки соответствующих кадров. С начала 1990-х гг. с казахстанскими вузами уже сотрудничали: университет им. Я. Кодолани г. Секешфехервар, Гёдельский научно-аграрный и Сегедский научный университеты. Казахские студенты сейчас также обучаются в других высших учебных заведениях Венгрии — Экономическом и Центрально-Европейском университетах, Международной школе бизнеса. Венгерская молодежь изучает казахский язык в Научном университете им. Э. Лоранда и Сегедском научном университете. С открытия программы «Болашак» в 1993 г. Венгерская сторона выразила заинте-

ресованность в обучении казахстанских студентов в высших учебных заведениях страны по программе «Болашак». На регулярной основе проводятся встречи с руководством Академии наук ВР, Гёдельского научно-аграрного университета. Также следует упомянуть и традиционные связи с Сегедским научным университетом, где с 1998 г. ведется обучение студентов казахскому языку и литературе. В октябре 2006 г., в целях изучения архивов Национальной библиотеки и фонда «Открытое общество», Венгрию посетили казахстанские ученые-историки.

3 марта 2006 г. в г. Астане состоялась встреча министров образования и науки Казахстана и Венгрии — Бырганым Айтимовой и Мадьяра Балинта по вопросам обмена опытом и дальнейшего развития двустороннего сотрудничества в области образования и науки. Б. Айтимова подчеркнула, что в Послании Главы государства народу Казахстана 2006 г. «Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира» были обозначены основные направления развития системы современного образования. В ходе встречи также были обсуждены вопросы информатизации образования, студенческого кредитования в вузах, интеграции вузов, обучения казахстанских граждан в вузах Венгрии в рамках международной стипендии Президента РК «Болашак», кредитной системы обучения в вузах Казахстана и Венгрии. Министр образования и науки Венгрии выразил готовность взаимного сотрудничества в области образования, в частности, в увеличении числа обучения казахстанских студентов в ведущих вузах Венгрии, в преподавании известных венгерских профессоров в вузах Казахстана, в участии по созданию первого технического университета международного уровня в Астане. Также в рамках встречи министров состоялась деловая и конструктивный разговор по вопросам реализации и перспектив развития дальнейших отношений в области образования и науки двух стран. По итогам встречи был подписан Протокол намерений о взаимовыгодном сотрудничестве Казахстана и Венгрии в области образования и науки [8].

По словам посла РК в Венгрии Р. Ибраева, в 2007 г. в Венгрии по другим стипендиям, не связанным с государственными, учились восемь казахских студентов в Экономическом, Центральноевропейском университетах, Международной школе бизнеса [9].

Тесные прямые связи были установлены между Казахским аграрным университетом и Аграрным университетом г. Гёделё после встречи министров двух стран. Между вузами было подписано Соглашение о разработке совместных программ по подготовке казахстанских специалистов по сельскохозяйственным специальностям в рамках президентской программы «Болашак». Активно начали сотрудничать Казахский национальный университет им. аль-Фараби и Университет им. Яноша Кодолани г. Секешфехервар в рамках Соглашения о сотрудничестве в сфере науки и образования, подписанного между ними в 2007 г. [10].

В области образования привилегия Венгрии заключается в том, что будущие болашаковцы могут выбрать среди входящих в список Международной стипендии Президента Республики Казахстан «Болашак» 11 университетов и институтов Венгрии [11].

В канун приезда в ноябре 2007 г. в Венгрию Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, 12 октября в Университете им. Яноша Кодолани совместно с посольством Казахстана в ВР была проведена конференция, посвященная Казахстану. Ректор университета Петер Сабо в своем выступлении сказал о том,

что вверенное ему учебное заведение установило прочные связи с Казахским национальным университетом им. аль-Фараби. Также он отметил, что в самое ближайшее время будут организованы взаимные обмены студентами и преподавателями и что для казахстанских молодых людей будет интересно учиться на факультетах туризма, курортного дела и ресторанного бизнеса. Университет им. Яноша Кодолани также был готов с радостью принять стипендиатов президентской программы «Болашак».

В ноябре 2007 г. во время визита в Венгрию Нурсултан Назарбаев отметил, что важно развивать контакты в области био- и нанотехнологий, малого и среднего бизнеса, туризма, культуры, образования и науки, здравоохранения и спорта. Также высказал, что Венгерские инвестиции и технологии могли бы оказаться востребованными в базовых отраслях казахстанской экономики в рамках реализации Стратегии индустриально-инновационного развития. Было отмечено об открывающихся новых перспективах сотрудничества с Венгрией в подготовке казахстанских кадров [12].

Вопросы обмена студентами и преподавателями между РК и ВР обсуждали в январе 2009 г. в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Чрезвычайный и Полномочный Посол ВР в РК Янош Балла отметил, что «Венгрия заинтересована в том, чтобы отношения между двумя странами развивались, несмотря на географическое положение. Три крупных университета ВР уже имеют контакты с Казахстаном. На этих основах есть возможность создать условия для сотрудничества в области образования». «Программа visiting professors активно действует в нашем государстве. Из республиканского бюджета на ее реализацию выделяются средства. Наше сотрудничество только начинается; мы надеемся пригласить ученых, профессоров Венгрии в рамках этого проекта», — в свою очередь сказал ректор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Бахытжан Абдраимов. Венгерский посол принял предложение ректора прочитать цикл лекций на факультете международных отношений [13].

Таким образом, ученые, преподаватели вузов и студенты двух стран принимают активное участие в научных и образовательных мероприятиях, проводимых в Казахстане и Венгрии. Установлены тесные контакты между научно-исследовательскими институтами, высшими учебными заведениями двух стран. Казахские и венгерские ученые продолжают проявлять взаимный интерес к изучению общих исторических корней. В этой связи проводились совместные археологические работы по выяснению истории расселения кыпчаков в Венгрии и мадьяр в Казахстане. В целом перспективы развития отношений в сфере образования с каждым годом становятся все шире.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://www.edu.gov.kz>.
2. Документы о признании суверенитета РК и установления дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Венгерской Республикой (копия меморандума, переписка) // АП Ф. 75-н, Оп. 4, д. 3. — Л. 1—10 (Л. 9).
3. Документы о создании и деятельности Межправительственной казахстанско-венгерской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству (проекты соглашений, перечень, переписка) // АП Ф. 75-н, Оп.4, д. 27. — Л. 1—78 (Л. 54).

4. Справки, информации об экономике внутривалютной ситуации в Венгрии, подготовленные сотрудниками Посольства РК в Будапеште // АП Ф. 75-н, Оп. 1, д. 28. — Л. 95—125 (Л. 92).
5. Бюллетень международных договоров, соглашений и отдельных законодательных актов РК. — 1997. — №2. — С. 19.
6. Ел мәртебесін көтерген // Түркістан. — 19—25 қараша 1997.
7. Рахметова Г. Депутаты Мажилиса «прорубили окно» в Европу // Казахстанская правда. — 1997, 18 ноября.
8. Дипломатический курьер. — 2006. — №1. — С. 228.
9. Венгрия — Казахстан: мост между Европой и Азией // <http://www.kurier.hu>.
10. Обсуждены перспективы казахстанско-венгерского сотрудничества // <http://www.kazinform.kz>.
11. Дипломатия жаршысы. — 2007. — №4.
12. Общие корни — общие цели // <http://www.kurier.hu>.
13. <http://www.kazinform.kz>.

Процессы нациестроительства и формирования идентичности на постсоветском пространстве (Казахстан, Узбекистан, Белоруссия)

ОМЕЛЬЧЕНКО Е.Е.

С распадом Советского Союза новообразовавшиеся государства встали на путь самостоятельного государственного и национального строительства. Если с государственным строительством изначально все было более или менее ясно — все новые независимые государства декларировали выбор модели демократического государственного устройства и переход к рыночной экономике и движение по этому направлению продолжается и в настоящее время по прошествии 18-ти лет, то с национальным строительством ситуация обстоит сложнее. Процессы формирования новых наций (наций в политическом смысле) на сегодняшний день в большинстве стран постсоветского пространства не завершены, как нет единообразного понимания национальных идентичностей на уровне правящих элит, которые являются основными конструирующими акторами в процессах идентификации и национального строительства.

Целью данной статьи является анализ процессов нациестроительства и поисков национальной идентичности в странах СНГ. В качестве аналитических кейсов рассматривается ситуация в трех республиках, а именно это — Казахстан, Узбекистан и Белоруссия. Выбор государств для анализа обусловлен следующими факторами:

- Казахстан, Узбекистан и Белоруссия обладают внешним сходством исходной ситуации (полиэтничность, унитарное устройство, отсутствие открытых гражданских конфликтов, у власти на протяжении всего периода независимости, чуть менее для Белоруссии, находится одна и та же элита);
- модель национального строительства в этих республиках обладает сложной и противоречивой структурой;
- значительную роль в процессах формирования национальных идентичностей играет транзитное положение стран.

Задачей анализа выступает определение моделей нациестроительства и ключевых параметров национальной идентификации в рассматриваемых государствах, что, в свою очередь, позволяет делать выводы о векторах развития государств в целом.

Методология анализа основывается на конструктивистском подходе, рассматривающем национальные сообщества и их идентичность не как вечные объек-

тивные сущности, а как продукты дискурсивных практик. Согласно классикам социального конструктивизма П. Бергману и Т. Лукману, социальные структуры сами являются продуктами человеческой деятельности: субъективные значения, придаваемые индивидами окружающему миру, подвергаются институционализации и тем самым превращаются в объективные социальные структуры, которые, в свою очередь, становятся источником систем значений [1]. Изначальной установкой анализа также является признание того, что процессы нациестроительства и идентификации протекают при определяющей роли правящей элиты. Правящая элита выступает главным конструирующим агентом, поскольку:

- во-первых, сама весьма заинтересована в построении единой консолидированной нации, в глазах которой ее положение было бы максимально долговременно легитимным;
- во-вторых, обладает необходимыми ресурсами для того, чтобы именно ее практики играли определяющую роль в складывании базовых схем национальной идентификации граждан.

В связи с вышесказанным следует отметить, что предметом исследования и основаниями для выводов являются официальные документы и тексты выступлений государственных деятелей и публичных политиков государств, а также практики самоидентификации граждан, зафиксированные в социологических опросах.

Казахстан — «мост между Востоком и Западом»

Согласно Конституции, Республика Казахстан является демократическим, светским, правовым государством с унитарной формой устройства. В Конституции Республики Казахстан говорится, что все граждане образуют единый казахстанский народ, гарантируется защита всех граждан в равной степени от какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам [2].

По составу населения республика представляет собой полиэтническое и поликонфессиональное государство. Согласно предварительным итогам переписи населения 2009 г., в Республике Казахстан казахи составляют более 67% населения [3]. Крупнейшими этническими группами являются русские, украинцы, узбеки, немцы, татары, уйгуры, белорусы, корейцы. О численности представителей этих этнических групп можно судить пока только по данным статистики предыдущих лет. По данным на 1 января 2006 г., наибольший удельный вес в общей численности среди других этнических групп занимают русские — 26,1%. На долю других этносов и этнических групп приходится 15,3% населения республики [4]. Важной особенностью этнической карты Казахстана, оказывающей существенное влияние на процессы самоидентификации граждан, является тот факт, что ряд многочисленных этносов Казахстана расселен неравномерно, имеет четко выраженные ареалы компактного проживания. Такое положение вещей сказывается на усилении культурно-этнического аспекта идентификации. Полиэтничность Казахстана — один из главных моментов, определяющих политику в сфере национального строительства и формирования национальной идентичности.

В Казахстане на протяжении 18-ти лет с момента обретения независимости концептуальные очертания национальной идентичности на политическом уров-

не подвергались изменениям, однако никогда национальная идентичность не позиционировалась с чисто этноцентристских или чисто гражданских позиций — всегда присутствовало смешение элементов этих подходов с доминированием первого или последнего.

Необходимость построения нации по смешанной гражданско-этнической модели в условиях полиэтничного государства с сильно выраженной этнической идентификацией у значительной части населения, как наименее конфликтной и в большей степени принимаемой населением, обосновывается Президентом Республики Казахстан в работе «В потоке истории». Президент говорит о стремлении создать двухуровневую модель идентификации [5]. На первом уровне идентификации должно происходить формирование единой гражданской политической общности казахстанцев, сплоченной общими ценностями не конкурирующего и не конфликтного характера. На втором уровне должна располагаться этническая идентификация. Модель, предлагаемая Президентом, имеет выраженный иерархический характер, тогда как на практике проводится не уровневая политика смешанных подходов в области национального строительства и идентификации, а простое соединение несовместимых порой аспектов, что тормозит процессы формирования единой политической нации в Казахстане. Данный вывод иллюстрируют нижеприведенные примеры.

Элементы этноцентристского подхода к определению национальной идентичности прослеживаются в признании государствообразующей роли казахского этноса и его особой ответственности за все процессы, происходящие в стране, а также в языковой политике Казахстана. В документе программного характера по вопросу национальной и государственной идентичности — Концепции формирования государственной идентичности Республики Казахстан, принятой в 1996 г., говорится, что в основе идентификации Казахстана должна лежать казахская идея, что обусловлено естественными историческими факторами: «Этническим центром казахов является Казахстан. Нигде в мире они не обладают другой государственностью, которая проявляла бы заботу о сохранении и развитии казахов как этноса, об их культуре, образе жизни, языке, традициях. Определение Казахстана как национального государства должно, прежде всего, идентифицировать его в этом качестве» [6]. Консолидирующая и системообразующая роль казахского этноса и казахского языка регулярно подчеркивается в выступлениях Президента и других представителей правящей элиты. Так, например, в декабре 2000 г. Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев, выступая на VII сессии Ассамблеи народа Казахстана, сказал, что «ядром, вокруг которого будет выстраиваться культурная общность всего Казахстана, должна стать казахская культура» [7].

Концепция титульной нации, практикуемая в Казахстане, уделяет также особое внимание языковому вопросу. Согласно Закону о языках Республики Казахстан, казахский язык является государственным, пользуется особой поддержкой со стороны государства и выступает «консолидирующим население фактором» [8]. Русский язык употребляется в работе и делопроизводстве государственных органов, организаций и органов местного самоуправления Республики Казахстан наравне с казахским языком. Другие языки могут быть использованы по необходимости в местах компактного проживания национальных групп. Однако, несмотря на мощную поддержку со стороны государства и проводимую политику развития государственного языка, процессы освоения казахского языка представителями

других этнических групп идут медленно. Согласно данным социологических опросов, проводимых независимыми агентствами, языковая ситуация свидетельствует в пользу мирного сосуществования казахского и русского языков, при котором на сегодняшний день доминантным языком разных видов общения в речевой практике городского населения и в межэтническом общении остается русский язык.

Главной проблемой этнического подхода является отношение к нему со стороны населения. Идея титульной нации и строительства национального, то есть этнического, государства была очень сильна в первые годы после обретения независимости и имеет широкий круг сторонников и сегодня, являясь мощным интегрирующим фактором для казахского этноса, отвечая его стремлениям и интересам. В то же время с реализацией данной модели связаны страхи представителей других этнических групп, что грозит, в случае следования ей, возникновением межэтнического конфликта и массового оттока населения из Казахстана. Другой угрозой использования этнического подхода является возможность диаспоризации страны, с чем Казахстан рискует столкнуться в ближайшем будущем. Политизация этнического вопроса и использования некоторых практик, таких, как раздельное обучение в учебных заведениях по этнолингвистическому признаку, вписывание этнической принадлежности при паспортизации и т.п., повышает вышеобозначенные риски.

Гражданская составляющая практически всегда присутствует параллельно этнической как в документах, так и в выступлениях государственных лиц и публичных политиков. В центре ее лежит демократическая идея построения гражданской политической нации на основе воспитания патриотизма как главной ценности в обществе. Место либерально-демократических ценностей в модели развития казахстанской государственности подчеркнуто в Концепции формирования государственной идентичности Республики Казахстан, принятой в 1996 г. В документе утверждается, что формирование государственной идентичности Казахстана должно опираться на принятую во многих странах мира модель демократической правовой государственности [9]. Для того, чтобы общество идентифицировало себя в первую очередь по принципу гражданства, делаются попытки поиска тех идей, которые могли бы заменить доминирование этнокультурных ценностей в сознании граждан. В качестве таких идей выдвигаются модернизационные концепции, фокусирующие свое внимание на развитии казахстанского общества по пути модернизации, выдвигающие такие новые ценности, как качество и конкурентоспособность. Конкурентоспособность в последние годы неоднократно артикулировалась со стороны политической элиты в качестве национальной идеи Казахстана, основы формирующейся национальной идентичности. Так, например, выступая на парламентских слушаниях «Стратегия устойчивого роста конкурентоспособности Казахстана» в 2007 г., председатель сената Касым-Жомарт Токаев заявил, что «национальная идея Казахстана — это конкурентоспособность нации». Акцент в этой концепции делается на технологический прорыв Казахстана, который должен вывести страну в число развитых стран. Проблематичным остается степень реальной идентификации граждан себя с гражданско-патриотическими ценностями модернизационного характера. Как свидетельствуют данные опросов, она остается достаточно низкой, что связано с потерей притягательного

духовного компонента в модернизационных концепциях и сосредоточением на материальной стороне.

Еще одной интересной попыткой соединить в себе противоположные подходы в процессе нациестроительства в Казахстане и провозгласить свой особый путь развития является концепция евразийства, активно продвигаемая на официальном уровне. Идеология евразийства строится на признании Казахстана в качестве особого культурного и геополитического пространства, для населения которого характерен особый евразийский тип ментальности, соединяющий в себе и уникальным образом переплавляющий черты западного и восточного менталитета. Так, для евразийского типа ментальности характерным становится открытость и высокая восприимчивость к инновациям, культурный синкретизм, толерантность, способность находить компромиссы, гармоничное сочетание мирозерцательно-го отношения к окружающему миру и активной преобразовательной деятельности, направленной на улучшение качества жизни. На уровне государственной политики идеи евразийства проявляются в политике многовекторности и одновременной ориентации в развитии — как на развитые страны Запада, так и на новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Эти идеи нашли образное отражение в Стратегии «Казахстан-2030»: «...казахстанский барс будет обладать и западной элегантностью, помноженной на передовой уровень развития, и восточной мудростью и выносливостью» [10]. Также идеология евразийства используется для обоснования интеграционных инициатив, выдвигаемых Казахстаном, на пространстве СНГ, в частности создание ЕврАзЭС. Во внутренней политике идеи евразийства используются не так широко. Практическими площадками их реализации служат такие структуры, которые должны работать на преодоление существующих линий раскола общества по этническому и религиозному (в меньшей степени) признакам, например, такие, как Ассамблея народа Казахстана и Съезд лидеров мировых и традиционных религий.

В целом концепция евразийства, обладающая значительным интеграционным потенциалом, используется в большей степени для создания образа государства во внешнем мире, то есть для процессов внешней идентификации, но практически не используется для процессов внутриказахстанской идентификации. Евразийство представляет собой надэтническую и наднациональную идею, которая хороша для создания идеологической платформы интеграционным процессам, однако слаба, чтобы быть фактором консолидации населения Казахстана и идентификации его с государством. Причина этого кроется в том, что изначально философия евразийства говорит о целостности намного большего пространства, нежели только Казахстан, что лишает концепцию главного, что должно быть в ней при претензиях на основу национальной идентичности, — некоего уникального духовного компонента, который отличал бы казахстанское население и объединял его в единое целое.

Таким образом, можно говорить о том, что в Казахстане на сегодняшний день предпринимается попытка направить процессы национального строительства и формирования национальной идентичности в русло смешанной этногражданской модели с целью перехода в будущем к построению политической нации на основании принципа согражданства. Однако в настоящем эти усилия наталкиваются на доминирование в сознании населения этнических идентификационных стереотипов.

Узбекистан — «страна с великим прошлым и великим будущим»

Республика Узбекистан, согласно Конституции, декларирует себя демократическим светским и социально ориентированным государством. Узбекистан обладает полиэтничным населением, в котором, однако, ни одна этническая группа, кроме узбеков, в общей структуре населения не превышает 6% [11]. В то же время некоторые диаспоры в Узбекистане оказывают ощутимое влияние на политические и социальные процессы в стране, что отражается и на процессах национального строительства.

Официально в стране декларируется построение общества с доминирующей гражданской идентичностью. Это проявляется в официальных документах, выступлениях главы государства и других официальных лиц, а также в аналитических материалах официальной прессы. Конституция Республики Узбекистан гарантирует и защищает права всех граждан независимо от их этнического происхождения, религиозной принадлежности или других признаков. Результаты социологических опросов, представленные в официальной прессе, также показывают, что и в общественном сознании понятия «национальность» и «гражданство» идентичны [12]. Анализ же элементов национального строительства позволяет сделать вывод о том, что де-факто нациестроительство в Узбекистане протекает на основе этнокультурной модели.

Процессы национального строительства в Узбекистане направлены с первых лет после распада Советского Союза на формирование жесткой связи этничности с государственностью и обеспечение долговременной легитимации правящей элиты, установившей свою власть еще до обретения независимости. Независимый Узбекистан характеризуется сильной и ярко выраженной идеологической политикой, направленной на формирование определенного образа страны как в глазах населения, так и во внешнем мире. Идеология выступает направляющим фактором в процессах построения нации в Узбекистане.

Основой государственной идеологии является идея «мустакиллик» (независимости). Независимость артикулируется в качестве фундаментальной ценности узбекской нации. На символическом уровне в качестве образов, используемых для конструирования идентичности, применяется, главным образом, наследие чагатайской эпохи из истории Средней Азии, и в частности образ эмира Тимура (в узбекской транскрипции амира Темура) как основателя узбекской государственности. Фигура эмира Тимура стала в Узбекистане персонифицированной национальной идеей. Проиллюстрировать это можно, пожалуй, небольшим отрывком из доклада президента Узбекистана И. Каримова на международной научной конференции, посвященной 660-летию юбилею эмира Тимура: «Значение духовного наследия эпохи Амира Тимура для современности заключается в следующем:

- Амир Тимур создал сильное государство. В наше время, когда перед нами стоит задача укрепления независимости Узбекистана, Амир Тимур ценен для нас в качестве основателя великого государства. Он заложил фундамент такого государства, создал его правовые основы. Ярким свидетельством тому служат его слова: “Девять десятых государственных дел я решал с помощью советов, мероприятий и аудиенций, и лишь десятую часть — с помощью меча”.

- Амир Тимур осуществил большую работу, послужившую укреплению взаимосвязей между Европой и Азией <...>.

▪ Бесценны исторические заслуги Сахибкирана в области строительства... География созидания не ограничивалась одним только Туркестаном. Амир Тимур вел благоустроительные работы, создавал оросительные сооружения в городах и кишлаках Мавераннахра и Хорасана и даже в дальних уголках Южного Азербайджана и Кабула.

▪ Прогресс ни одного общества невозможно представить без развития науки и просвещения. Глубоко осознавший это Сахибкиран с приходом к власти первые свои указы посвятил строительству медресе, назначению стипендий учащимся и студентам <...>.

▪ Религиозные учения и воспитание имеют большое значение и играют большую роль в жизни общества. Важная черта в отношении Амира Тимура к исламской религии — утверждение устоев ислама для обеспечения стабильности, расцвета общества, социальной справедливости, духовной чистоты» [13].

Фигура эмира Тимура в качестве национального символа приемлема для решения задачи консолидации полиэтнического общества, поскольку в многонациональном Узбекистане Тимур не является проблемной фигурой в восприятии неузбекских этносов (русских, корейцев, кавказцев и др.). Тогда как, например, в Казахстане эта проблема стоит куда более остро, когда возвеличивание Чингисхана вызывает исторически обоснованное отторжение у славянского населения, а также кавказцев. Несмотря на мифологизацию периода Тимуридов в Узбекистане, описанная выше оценка исторической фигуры эмира Тимура и его эпохи является более чем только прихотью представителей государственной власти или исторической науки, но уже прочно вошла в сознание некоторых слоев населения. Так, Институтом истории АН РУ было проведено исследование по определению уровня и характера исторической памяти у населения. Результаты анкетирования (в частности, студентов вузов Ташкента) показали, что наибольший интерес в истории, а именно свыше 40% ответов, у респондентов вызывают годы правления эмира Тимура и эпоха тимуридов, более того, почти 80% опрошенных хорошо знают этот пласт истории, а также считают Тимура наиболее выдающейся личностью в истории Узбекистана после Каримова [14]. Таким образом, эти показатели демонстрируют, что фигура эмира Тимура занимает одно из центральных мест в историческом сознании студенческой молодежи Узбекистана.

Общественно-политические и культурные деятели других исторических периодов, например золотоордынского, в частности такие, как Шейбани-хан и Абулхаир-хан, напротив, упоминаются довольно редко и не используются в качестве национальных символов [15]. Доминирование в процессах конструирования идентичности ориентации на период тимуридов связано с артикулированием, прежде всего, оседлого культурно-исторического элемента в качестве базового для узбекской идентичности и игнорированием кочевого, хотя, как показывают исследования по этногенезу узбекской нации (в данном случае понимается узбекский этнос), в нем участвовали в равной степени оба названных элемента. Одной из наиболее значительных работ периода независимости, в которой проводится эта идея и рассматривается проблема формирования узбекской идентичности, как этнической, так и национальной (в политическом значении), является коллективный труд «Этнический атлас Узбекистана» [16]. Одним из интересных моментов данной работы является то, что в статье А. Ильхамова «Археология узбекской идентичности», помещенной в Атласе, предлагается несколько отличающаяся

от официальной модель формирования идентичности. А. Ильхамов предлагает внести в символический капитал, вокруг которого конструируется узбекская национальная идентичность, золотоордынский элемент, связанный с фигурой Узбек-хана. Введение этого элемента могло бы снять ряд проблемных моментов, присутствующих в реализуемой модели, а именно:

- имя Узбек-хана четко обозначает истоки возникновения этнонима узбек;
- ссылки на Узбек-хана, известного в истории распространителя ислама, могли бы переориентировать действующую власть от конфронтации с религиозными элитами к диалогу;
- внедрение тюркского культурно-символического капитала в модель национальной идентичности могло бы снизить напряжение в отношениях с Таджикистаном по вопросу о культурном наследии Тимуридской эпохи [17].

Решение обозначенных дилемм, связанных с конфронтацией религиозного vs. светского, кочевого vs. оседлого, тюркского vs. персидского компонентов, является еще одной характерной особенностью процессов формирования национальной идентичности в Узбекистане. Представляется, что связано это с тем, что исторически природа узбекской этнической и национальной идентичности складывалась в сочетании этих противоположных начал, в современном же Узбекистане при ярко выраженной «заикленности на истории» [18] реализуется модель, игнорирующая персидско-таджикский культурно-исторический элемент и строящаяся вокруг тюркского историко-политического. В связи с этим у группы персоязычного таджикского населения возникает отторжение предлагаемой модели и запускаются процессы формирования конкурирующих идентичностей.

Конфронтация светских и религиозных ценностей в процессах идентификации связана с опасениями власти по поводу возможности усиления оппозиционных элит, использующих идеи политического ислама. Изначально в Узбекистане в процессах национального строительства была заявлена опора на традиционализм. В стране стремительно произошло укрепление традиционного социального института махалли, а также расширение традиционно связанной с ним исламской инфраструктуры. Эти процессы усиливались на фоне ужесточения политического режима и цензуры, а также фактического препятствования проникновению и укоренению демократических ценностей. В результате идеологический вакуум заполнился религиозными идеями. В то же время на фоне гражданской войны в Таджикистане, афганского конфликта, уверенного продвижения Талибана к границам среднеазиатских государств, а позднее после терактов 11 сентября 2001 г. в США и начала международной антитеррористической кампании, усиление позиций исламистов ставит правящую элиту под прямую угрозу. В Узбекистане начинается конфронтация на идеологическом уровне между светски окрашенным и религиозным традиционализмом и постоянно присутствующая в политическом дискурсе секьюритизация* «исламской угрозы».

Следующим важным моментом во всех постсоветских республиках в процессе нациестроительства было определение языковой политики. Языковой вопрос в Узбекистане решался в двух плоскостях: определение государственного языка и

* Секьюритизация — дискурсивный процесс (практика), посредством которого в политическом сообществе конструируется понимание и отношение к чему-либо как экзистенциальной угрозе ценному референтному объекту; процесс, позволяющий призывать к безотлагательным и исключительным мерам, направленным на то, чтобы справиться с этой угрозой. /Buzan, B., Waver, O. *Regions and Powers: the Structure of International Security*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. — P. 491/

выбор графики. Изначально узбекский язык был определен в качестве государственного. В 1992—1993 гг. дебаты развернулись по поводу выбора алфавита. В 1993 г. был принят Закон Республики Узбекистан «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике». С одной стороны, это свидетельствовало о стремлении порвать одну из нитей, связывавшую с советским прошлым, которое в первые годы независимости трактовалось не иначе как «колониальное прошлое». С другой — являлось показателем активизировавшихся в тот период пантюркистских настроений. В те годы Узбекистан поддерживал идею президента Турции Тургута Озала о создании содружества тюркоязычных стран. Позднее Ислам Каримов реанимировал эту идею в книге «Туркестан — наш общий дом». На сегодняшний день эта идея конкурирует с продвигаемой Казахстаном идеей создания союза центральноазиатских государств и по-прежнему эксплуатируется в политическом дискурсе Узбекистана. Что касается результатов введения новой графики для узбекского языка, то можно констатировать, что поколение независимости, получившее школьное образование уже с использованием нового алфавита, оказалось лишенным возможности читать огромный пласт литературы на кириллице. Таким образом, произошел ментальный отрыв молодого поколения Узбекистана от информационного пространства СНГ, функционирующего на русском языке или с использованием кириллической графики.

Наконец, еще одним важным моментом в определении процессов идентификации в Узбекистане, направленных как вовнутрь, так и во внешний мир, является идея величия и регионального лидерства. Узбекистан позиционируется не иначе как страна с великим прошлым и великим будущим, а также как бесспорный лидер в регионе, от которого «во многом зависит его (региона) будущее» [19]. В то же время весьма популярная на всем постсоветском пространстве идея «цивилизационного моста» в Узбекистане не поддерживается. Узбекский лидер И. Каримов в одном из своих интервью на вопрос журналистов о возможности некоей посреднической функции между западной и исламскими цивилизациями ответил однозначным отвержением такого рода идей и концепций, более того, охарактеризовав использование понятий, «окрашенных в религиозные или национальные тона», таких, как «исламская цивилизация», в качестве угрозы [20].

На уровне общественного сознания модель нации, продвигаемая официальной властью, сталкивается с одной интересной особенностью самоидентификации, которую фиксируют экспертные и социологические опросы. Так, согласно материалам полевых исследований, проводившихся в Центральной Азии в конце 1990-х гг. научно-аналитическим центром «Шарк» в рамках исследовательской программы по межэтническим отношениям, в ряде районов Узбекистана наблюдается высокий уровень территориально-цивилизационной идентификации, характерной также для представителей нетитульных этносов [21]. Жители старых среднеазиатских цивилизационных центров, расположенных в Бухаре, Самарканде, Ферганской долине, районах Южного Узбекистана (Сурхандарьинская область), используют не общегражданскую и не этническую самоидентификацию, а определяют себя в соответствии с регионом жительства (например, вместо этнонима, используют понятия «ферганец», «бухарец» и т.п.). Зачастую это характерно для выходцев из билингвистических ареалов, а также анклавов [22]. Эта особенность самоидентификации населения создает конфликтность в

отношениях с соседними государствами, а также внутри страны и препятствует формированию общегражданской идентичности.

В целом модель нациестроительства в Узбекистане можно охарактеризовать как этнокультурную, с высоким внутренним конфликтным потенциалом по линиям противостояния религиозных и светских, традиционалистских и модернизационных, тюркских и персидских, общенациональных и региональных ценностей, а также внешним конфликтным потенциалом, рождаемым идеями величия и претензиями на региональное лидерство.

Белоруссия — «маленькая уютная европейская страна»

Республика Беларусь, согласно Конституции, представляет собой унитарное демократическое социальное правовое государство. Вопреки устоявшемуся восприятию этой постсоветской страны как моноэтнического государственного образования, Беларусь является полиэтничным государством, в котором проживают представители 130-ти национальностей. Согласно данным официальной переписи, 80% составляют белорусы, что и создает в обычном понимании впечатление моноэтнического общества. Наиболее крупные другие этнические группы представлены русскими (11%), поляками (4%), украинцами (2,5%) и евреями (0,3%), армянами (около 1%), азербайджанцами (около 1%) [23]. Интересным моментом в случае с Белоруссией является тот факт, что полиэтничность артикулируется на официальном и общественном уровне как характерная черта белорусского общества и один из факторов, оказывающих влияние на процессы формирования его общенациональной идентичности. Этот момент нашел отражение и в основном законе страны. Так, в Конституции Республики Беларусь говорится об ответственности государства «за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь» [24]. Главный принцип языковой политики в республике также закреплен в Конституции РБ, согласно которой государственными в стране являются белорусский и русский языки. Языковая проблематика также является одним из немаловажных аспектов национального строительства в Белоруссии, однако, как будет рассмотрено далее, совершенно иначе, нежели в Казахстане.

На протяжении уже многих лет после обретения страной независимости в процессах национального строительства в Белоруссии наблюдается конкуренция нескольких проектов на уровне политического дискурса и общественного сознания. Об этом свидетельствует анализ политических текстов официальной власти и оппозиции, также данные независимых социологических опросов. Остановимся на описании проектов национального строительства, продвигаемых в Белоруссии на современном этапе.

Модель, предлагаемая оппозиционным политическим дискурсом, построена с позиций этнокультурализма. Беларусь позиционируется как часть европейской цивилизации, поэтому для оппозиционного проекта характерна конфронтация с советским пластом в истории Белоруссии, а также и с современным независимым белорусским государством, которое использует трансформированное советское наследие в процессах национального строительства. Нивелирование значения советского этапа становления белорусской нации дополняется стрем-

лением вывести Белоруссию из объективно существующей сферы российского цивилизационного притяжения, обусловленной этноязыковой и культурно-исторической близостью, и ввести ее в «европейскую семью». Особенностью оппозиционного проекта построения белорусской нации является тесная связь идеей национализма с идеями демократизации и либерализации [25]. Это связано в значительной степени с теми процессами, которые происходили в соседних с Белоруссией странах Восточной Европы после бархатных революций. Выступая за полную либерализацию экономики и демократизацию политической системы с возвратом к парламентской форме правления, просуществовавшей в Белоруссии после распада Союза до 1994 г., националистические моменты оппозиционного проекта проявляются, например, в языковом вопросе. Оппозиция выступает за «белорусизацию» общественной жизни. Несмотря на то, что значительная часть теле- и радиовещания в стране происходит на белорусском языке, присутствует ассоциативная связь оппозиции с белорусским языком, негативным последствием чего становится экстраполяция отношения к оппозиции на отношение к языку. На символическом уровне оппозиционный проект опирается на идею «белорусского возрождения», конструируя новую национальную мифологию вокруг «золотого века» белорусской истории, связанного с периодом Великого княжества Литовского. Символика Белоруссии первых лет независимости, используемая в настоящее время оппозицией для противопоставления себя официальной власти и ее модели нацистроительства, представляет собой практически точную копию герба Литвы и дает отсылку на исторический период в развитии Белоруссии в составе Великого княжества Литовского, то есть «европейский» период истории становления белорусской нации.

В целом оппозиционный проект белорусской нации носит протестный характер, построен на этнокультурном подходе к определению нации, однозначно направлен в сторону европейской интеграции, что говорит о таком видении белорусской нации, при котором национальная белорусская идентичность иерархически находится ниже уровня надэтнической и наднациональной европейской идентичности.

Модель национального строительства, реализуемая официальной властью в Белоруссии, сложнее поддается описанию. Первое, что бросается в глаза, — это использование советского наследия на символическом уровне: белорусская государственная символика представляет собой несколько видоизмененную советскую символику; по всей стране стоят памятники В. Ленину; в качестве национального праздника был выбран не день провозглашения государственного суверенитета, а день освобождения Белоруссии от фашистской оккупации. С другой стороны, советское наследие используется избирательно и в трансформированном варианте с целью воспитания гордости не за распавшееся государство Советский Союз, а за новое независимое государство Беларусь. Особое место в используемом в процессах нацистроительства советском прошлом занимают два трагических момента в новейшей истории белорусского народа, которые призваны выполнять консолидирующую функцию, — это Великая Отечественная война и Чернобыль. Память об этих двух катастрофах в Белоруссии чем-то сродни армянской памяти о геноциде или еврейской — о Холокосте, являясь одним из символов и одновременно способов самоидентификации. Этот момент активно используется в процессах нацистроительства, проводимых в Белоруссии. В работах, посвященных

вопросу о национальной идентичности Белоруссии, этот феномен оформился в метафору «белорусы — народ Катастрофы» [26].

Советский элемент в формировании белорусской национальной идентичности не связан, как это может показаться на первый взгляд, с ориентацией на Россию. Официальный проект нацистроительства связан с дилеммой выбора между Востоком в лице России и Западом, то есть Европой. Однозначно эта дилемма на сегодняшний день не разрешена, но можно говорить о том, что, скорее всего, присутствует стремление преподнести Белоруссию как некий мост, соединяющий Россию и Европу. Несмотря на наличие союзного договора с Российской Федерацией, для официальной власти Белоруссии так же, как и для оппозиции, независимость является неоспоримой фундаментальной ценностью. Поэтому белорусская нация преподносится как транзитная и обеспечивающая диалог Востока с Западом, присутствующая одновременно в культурно-историческом и геополитическом пространстве и Востока, и Запада, и в то же время ни там, ни там. Как свидетельствуют результаты социологических опросов, значительный процент белорусского населения (40%) сегодня хотят одновременно интеграции и с Россией, и с Евросоюзом [27]. На практике с Россией возникает серьезное непонимание по вопросам строительства союзного государства, конфликты коммерческих интересов по транзиту газа, «торговые войны», обусловленные геополитическими интересами, а с Евросоюзом отношения испорчены из-за авторитарности режима и одиозности лидера. Это приводит к тому, что вместо образа места встречи восточной и западной цивилизаций Белоруссия приобретает образ осажденной врагами крепости как на международном уровне, так и в массовом сознании самих белорусов. Это иллюстрирует характерная для лидера Белоруссии цитата из его выступления 1996 г.: «Мы, как в 1941-м, находимся во вражеском кольце» [28].

Еще одним важным моментом в модели национального строительства, реализуемой официальной властью, является тот факт, что она лишена этнического компонента и является практически полностью гражданской. Упоминание полиэтничной и поликонфессиональной структуры общества происходит в контексте мультикультурализма и толерантности, которые артикулируются как базовые ценности в белорусской идентичности. Однако в Белоруссии нет политизации ни этнического, ни языкового вопроса — они вынесены в культурную плоскость. Как уже упоминалось ранее, государственным наравне с белорусским является русский язык, что связано с объективной реальностью, когда в речевой практике на всех уровнях доминирует русский язык, и выход в международное информационное пространство также обеспечивается русским языком. Более того, в конструируемом образе белоруса лингвистический элемент не доминирует: чтобы называться белорусом, не обязательно говорить по-белорусски, на первый план выходит любовь и ответственное отношение к своей Родине. На практике этот момент проявляется также в том, что, например, в белорусских паспортах отсутствует графа «национальность» в смысле этнической принадлежности, а есть только графа «гражданство». Неполитизация этнического и языкового вопросов связывается в логическую цепочку, в которой национализм рано или поздно перерастает в нацизм и фашизм, что связано с величайшей трагедией, через которую прошел белорусский народ, вся Европа и Советский Союз в период Второй мировой войны, и повторения чего нужно избежать во что бы то ни

стало. Вывод о гражданском характере формирующейся белорусской национальной идентичности подтверждают данные социологического исследования, посвященного проблемам этничности и гражданства, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2004 г. Полученные результаты свидетельствуют, что представители всех поколений демонстрируют высокий уровень гражданской идентификации с Беларуссией, причем самое молодое поколение (люди 16—24 лет) периода «реализации белорусской государственности» показывает рост этого показателя относительно предыдущих поколений, что демонстрирует укрепление тенденции [29].

При отсутствии этнического элемента в модели национального строительства в ней велика доля компонента идеологического, что связано с методами продвижения модели. Оппозиционный проект, несмотря на то, что имеет своих сторонников и помощников в продвижении, в том числе и за рубежом, однозначно уступает официальному проекту, который пользуется полномасштабной институциональной поддержкой со стороны государства и осуществляется через систему образования и СМИ.

Таким образом, конкурирующие в Беларуссии проекты нациестроительства представляют собой соперничество этнического и гражданского подходов в определении нации, а также соперничество в определении места Беларуссии на геополитической карте Евразии.

Заключение

На основании проведенного анализа можно говорить, что в трех описанных в работе республиках правящая элита выступает главным конструирующим агентом в процессах формирования национальной идентичности, обладая необходимыми ресурсами для того, чтобы именно ее практики играли определяющую роль в складывании базовых схем национальной идентификации граждан.

Модели национального строительства, реализуемые в Казахстане, Узбекистане и Беларуссии, хотя и существенно отличаются друг от друга, имеют ряд важных общих характеристик. Все рассмотренные модели относятся к смешанному типу и имеют конфликтный внутренний потенциал. В Казахстане конфликтность связана с совмещением в одной модели взаимоисключающих этнических и гражданских компонентов. В Узбекистане конфликтными являются включенные в одну модель культурные ценности разных этносов, а также религиозный компонент. В Беларуссии главным конфликтным моментом в модели национального строительства является дилемма внешней культурно-ценностной и геополитической ориентации.

При декларируемом гражданском национализме реально к нему близка только белорусская модель. Узбекская модель является ярко выраженной этнокультурной, а казахстанская располагается где-то между белорусской и узбекской в спектре между этническим и гражданским национализмом.

Общим для всех трех рассмотренных кейсов является также то, что на сегодняшний день дискурс идентичности в этих странах представляет собой достаточно социально укорененную структуру, язык которой, однако, неоднозначен, мифологизирован и идеологизирован, что делает предельно сложной его адекватную интерпретацию и создает трудности для научного анализа. Чаще всего за

используемыми словами скрывается целый ряд смыслов, тем более что дискурс идентичности осуществляется в повседневной речевой практике, что создает потребность в его деконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995 // <http://www.people.nnov.ru>.
2. Конституция Республики Казахстан. Астана, 21 мая 2007 г., №254-III ЗПК // <http://www.procuror.kz>.
3. Агентство Республики Казахстан по статистике // <http://www.kz2009>.
4. О национальном составе населения Республики Казахстан // <http://www.nomad>.
5. Назарбаев Н. В потоке истории // <http://www.akorda>. — С. 180—185.
6. Концепция формирования государственной идентичности Республики Казахстан. Одобрена Распоряжением Президента Республики Казахстан 23 мая 1996 г. №2995 // <http://www.bureau.kz>.
7. Выступление Н. Назарбаева на VII сессии Ассамблеи народа Казахстана. 15 декабря 2000 г. // <http://www.akorda.kz>.
8. Закон Республики Казахстан о языках от 11 июля 1997 г. №151-1 // <http://www.pavlodar>.
9. Концепция формирования государственной идентичности Республики Казахстан...
10. Стратегия «Казахстан-2030» // <http://portal.mfa.kz>.
11. Этнический атлас Узбекистана. — ООФС — Узбекистан, 2002. — 452 с.
12. О соцопросе. Узбекистан многонациональный // <http://www.ia-centr.ru>.
13. Каримов И.А. Значение духовного наследия эпохи Амира Тимура для современности, доклад на международной научной конференции, посвященной 660-летию юбилею Амира Тимура, 24 октября 1996 г. // <http://www.president.uz>.
14. Алимova Д., Гуломova Д. Об изучении исторического сознания студенческой молодежи на современном этапе // <http://www.history.uzsci.net>.
15. Ильхамов А. Археология узбекской идентичности // Этническое обозрение. — 2005. — №1. — С. 25—47.
16. Этнический атлас Узбекистана...
17. Шозимов П. Археология узбекской идентичности. Переосмысление символического пространства узбекской идентичности // <http://www.analitika>.
18. Самоидентификация узбеков. О специфическом феномене узбекского общества // <http://www.svoboda>.
19. Аннотация к первому тому собрания работ И.А. Каримова «Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология» // <http://2004.press-service.uz/rus/knigi/9tom>.
20. Каримов И. Мы убеждены в правильности избранного пути // <http://2004.press-service.uz/rus/knigi/9tom/4tom>.
21. Олимова С. Национальные государства и этнические территории // <http://www.carnegie.ru>.
22. Там же.
23. Национальный статистический комитет Республики Беларусь // <http://belstat.gov.by>.
24. Конституция Республики Беларусь // <http://www.belarus.net>.
25. Бекус Н. «Белорусская нация» в свете различных стратегий национального строительства // <http://nmbny.eu>.
26. Шатров И. Белорусский феномен, или почему Белоруссия не Россия? // <http://www.rosbalt.ru>. — 2006, 19 марта.
27. Существует ли белорусская идентичность? // <http://arche.bymedia.net/2007>.
28. Олегов А. Лукашенко метит в президенты России // <http://www.ogoniok>. — 2008, 22—28 декабря. — №52.
29. Володажская Т. Гражданская общность в современной Беларусии // <http://nmbny.eu>.

Этническое социально-экономическое пространство Казахстана: особенности и проблемы развития

МУХАМЕДЖАНОВА Д.Ш.

В современных условиях интерес к этническим проблемам обусловлен изменением экономической среды развития этносов под влиянием глобализации. С одной стороны, существует глобальная тенденция к региональной интеграции и унификации производства, обостряющая конкуренцию в сфере производства и потребления и меняющая традиционные представления о возможностях территориальной локализации как сферы жизнедеятельности отдельных этносов. С другой — глобализация создает предпосылки для формирования полиэтнической культурной общности как нового экономического субъекта — гаранта экономических прав составляющих его этносов.

В контексте мировых исследовательских традиций этническая экономика (этноэкономика) относится к сфере неформальной экономики, охватывающей деятельность неоплачиваемых сельскохозяйственных работников, самозанятых лиц, а также лиц, занятых в домашне-бытовом хозяйстве [1]. В западной теории неформальная экономика зачастую рассматривается как остаточное явление доиндустриального этапа общественного развития, что логически предполагает ее исчезновение по мере развития постиндустриального технологического уклада.

На постсоветском пространстве под этноэкономикой обычно понимается совокупность производственных отношений, сложившихся на базе хозяйственного уклада этноса и на территории проживания этнической группы. Один из наиболее существенных признаков этноэкономики — применение традиционных для этнически выраженных регионов методов ведения производственной деятельности, личного подсобного и домашнего хозяйства [2]. К наиболее характерным чертам этноэкономики относятся: господство традиционных, преимущественно аграрных форм хозяйственной деятельности, экстенсивный тип занятости с использованием сырьевой хозяйственной инфраструктуры, доминирование ручного труда и т.п.*

Что касается перспектив и роли этноэкономики, наиболее приемлемой для стран постсоветского пространства, на наш взгляд, является версия российских

* Для этноэкономики характерно: сочетание натуральных и мелкооптовых форм производства, замкнутость домохозяйств и малоразвитость обмена; низкая социальная и территориально-пространственная мобильность населения; неформальный характер обмена ресурсами и услугами и доминирование неформальных методов регулирования рынка труда.

экспертов, согласно которой пространство этнической экономики, представленное типичным хозяйственным укладом традиционной экономики или системообразующим в структуре хозяйственных укладов национальной экономики, устойчиво сохраняет свои позиции на индустриальной и постиндустриальной стадиях общественного развития.

К особенностям этноэкономики как объекта экономического анализа относится синтетический характер проблемы, предполагающий сочетание традиционных экономических методов исследования с историческими, культурологическими, этнографическими, демографическими и другими оценками жизнедеятельности этноса.

Особенности этноэкономики Казахстана

Для Казахстана и стран постсоветской экономики как полиэтнических регионов, находящихся в стадии переходного экономического развития, характерным становится развитие этноэкономического сектора (далее — этносектора) как особой формы хозяйственной деятельности. Следует иметь в виду, что если макро-, микро- и мезоуровень национальной экономики официально выделяется и оценивается статистическими, налоговыми и другими государственными организациями, то этноэкономика в значительной степени остается отдельным и не наблюдаемым сегментом экономики.

Актуальность исследования этнических проблем в экономике Казахстана обусловлена следующими причинами:

1. Этнический сектор является важной составляющей экономик, имеющих полиэтническую структуру*. Казахстан — это не однозначное по своей структуре общество, состоящее из 130-ти различных этнических групп. Ассамблея народа Казахстана объединяет 818 этнокультурных объединений. Свои культурные центры имеют 46 этносов [3].

2. В экономической практике отсутствует оценка ресурсов и экономического потенциала этносектора с точки зрения его устойчивости и адаптивности к стратегическим национальным программам модернизации экономики в условиях глобализации.

3. Не учитываются возможные социально-экономические последствия неизбежного изменения форм ведения хозяйства в этносекторе — от традиционных, унаследованных этносом способов хозяйствования, к инновационным, обусловленным глобальными воспроизводственными процессами.

4. Отсутствуют механизмы управления процессами эволюционного развития этносектора в условиях глобализации национальной экономики. А неконтролируемое резкое свертывание социально-экономического этнического пространства ведет к утрате экономических позиций этноса и становится предпосылкой возникновения межэтнических противоречий.

5. В периоды кризиса и реформирования национального хозяйства этноэкономика способна, по некоторым оценкам [4], выполнять роль «компенсационного механизма», смягчающего негативные явления. Например, снижать уровень безработицы, которая рассматривается в качестве основного показателя эффективности мер по преодолению последствий кризиса.

* Всего в мире насчитывается около 5 тыс. этносов и примерно 10 тыс. обществ со своими культурными и лингвистическими, хозяйственными и социально-политическими особенностями.

Особенности развития этнической экономики в Казахстане определяются рядом закономерностей:

Во-первых, этноэкономика Казахстана формировалась под влиянием советской экономики и идеологии. Этнические процессы в СССР рассматривались с точки зрения формирования новой социалистической общности — советского народа*. Наиболее общие, на наш взгляд, характеристики этноэкономики этого периода сводятся к следующему:

- «в бывшем СССР экономическая дифференциация этносов приобрела такие формы, которые делают невозможным прямые аналогии с другими странами» [5]. В частности, и в США, и в Западной Европе этническое предпринимательство встраивается в систему существующих экономических отношений на принципах монетарной экономической школы без учета особенностей национального менталитета [6]. Для советской экономики характерной являлась этническая экспансия или распространение отдельных этнических укладов на территорию других этносов;

- предпринимательская активность в СССР не «была окрашена в этнические тона» [7], что было обеспечено проводимой национальной политикой**;

- общие условия протекания социальных процессов, характерные для всех советских народов, не исключали национальных особенностей, связанных с отраслевой занятостью, профессиональной ориентацией;

- система организации советской экономики ограничивала возможности развития этносектора ввиду использования в нем индивидуально-частных форм производства, так как в целом экономика была ориентирована на свертывание индивидуального сектора***.

Во-вторых, происходит активизация процессов региональной идентификации и социально-экономического позиционирования этносов на всем постсоветском пространстве. В значительной степени это было обусловлено невосприимчивостью этноэкономики ко многим компонентам рыночных реформ и отсутствием последовательной региональной политики в отношении этносектора.

В-третьих, мировой тенденцией становится возрастание роли этнического фактора в экономической практике разных стран. Спецификой современного социально-экономического развития общества становится опережающий рост отношений, базирующихся на нерыночных ориентирах, стимулах, мотивах, национальных традициях, особенностях быта, религии. Ценностные компоненты национальных экономических отношений (традиция, религия, идеология, история, мировоззрение, особенности развития и т.д.) становятся основными при формировании макроэкономической политики государства.

В-четвертых, возрастает роль этноэкономической составляющей в мировом аграрном секторе и, в частности, в аграрной сфере Казахстана, что обусловлено:

- экспортными возможностями аграрной отрасли;
- решением проблем занятости населения, особенно в условиях глобального кризиса;
- значимостью аграрного сектора для экономики страны, который в наибольшей степени отвечает «исторически сложившимся условиям и национальному характеру», что рассматривается в мировой практике как важный фактор устойчивости социально-экономической системы [8];
- устойчивостью аграрной сферы как векового уклада жизнедеятельности на территории республики.

В-пятых, меняется роль казахского этноса как преобладающего в этнической структуре республики в вопросах сохранения этнокультурного многообразия и устойчивости этнического социально-экономического пространства.

Проблемы этнического социально-экономического пространства

Под этническим социально-экономическим пространством (или пространством этнической экономики) нами понимается территория проживания этнической группы, на которой осуществляются традиционные для этнически выраженных регионов методы ведения хозяйственной деятельности, формируются и развиваются культурно-цивилизационные ценности данного этноса.

Этническое социально-экономическое пространство в Казахстане сформировалось в следующих условиях:

- меняющейся под влиянием исторических, политических, экономических факторов полиэтнической структуры населения республики;
- этноэкономика являлась неформальной сферой экономики, не имеющей официального статуса;
- пространство этнической экономики Казахстана не рассматривалось в качестве самостоятельного объекта научных исследований;
- этносектор в период становления рыночных отношений оказался вне интересов рынка;
- этносектор оказался также вне приоритетов государственной экономической политики, так как не был отнесен к сфере гуманитарного развития общества.

Основные факторы этнической экономики создаются в сферах традиционной экономической деятельности, предпринимательской активности и в гуманитарной сфере, связанной с вопросами самореализации личности (стремление к образованию, развитие творческих способностей и др.).

Ресурсно-хозяйственная база для этнического предпринимательства формируется в таких отраслях мелкотоварного производства, как:

- переработка продукции аграрного сектора (например, изготовление изделий из меха, шерсти, кожи, производство ковров, войлока);
- производство промышленных товаров массового спроса (переработка шерсти, обработка кож и изготовление готовых изделий из них и сувениров);
- сбор и переработка дикорастущих растений и их плодов (сбор лекарственных трав) и т.п.

Развитие этих сфер деятельности способствует расширению сырьевой базы переработки, росту налогооблагаемой базы экономики страны. Ресурсы этноэкономики можно инвестировать в развитие малого и среднего предпринимательства,

* В 50—70-е гг. прошлого века были проведены широкомасштабные исследования, подтверждающие значимость этнической специфики в развитии общества наряду с экономическими факторами. С распадом СССР этноэкономические исследования на постсоветском пространстве активизировались в конце XX — начале XXI в. преимущественно в России.

** Имеется в виду формирование единой советской «этничности», ликвидация этнических общин в 30-е гг., разрушение механизма передачи этничности в процессе социализации.

*** Термин «этническое предпринимательство» официально появился с началом формирования рыночных отношений.

развитие сырьевой базы для отраслей легкой и пищевой промышленности, в строительстве, сферу услуг и торговлю. Кроме того, формирование этноэкономики обеспечивает развитие человеческого потенциала, дополнительную занятость населения, развитие социальной инфраструктуры.

Главная проблема этноэкономики Казахстана, на наш взгляд, связана с приданием ей официального статуса в целях сохранения и качественного развития этнического социально-экономического пространства. Острота проблемы усугубляется отсутствием механизмов управления устойчивостью этнического пространства — как на уровне отдельных экономик, так и на мировом. Как отмечают российские эксперты, для решения проблемы «сохранения биоразнообразия существует масса разных международных организаций, включая Фонд дикой природы, а для защиты этнокультурного многообразия это считается ненужным» [9].

Встраивание этноэкономики в программу модернизации экономики страны невозможно без учета специфических особенностей этнической хозяйственной деятельности, одновременно относящейся как к сфере малого и среднего бизнеса, так и к сфере традиционной этнической культуры, нуждающейся в государственных дотациях.

Специфика этносектора обуславливает появление экономических проблем, связанных с экстенсивным типом ведения хозяйства, использованием сырьевой хозяйственной инфраструктуры, низкой социальной и территориально-пространственной мобильностью населения, неравнозначностью участия представителей отдельных национальных меньшинств в экономической жизни.

Важным проявлением специфики этносектора является его гуманитарный аспект. Этническая экономика в Казахстане остается элементом экономической культуры традиционного общества*. То есть к ней не применимы западные идеалы модернизации, меняющие «менталитет общества» путем «неконтролируемого, эволюционного, поступательного развития, естественного генетического дрейфа» [10] составляющих его этносов. Для современной экономической культуры страны естественным является сочетание в трудовой деятельности народа предшествующего коллективного опыта этноса (традиций) с опытом нового поколения (инновациями).

Отсутствие надежной информации и базы оперативного статистического учета усугубляет проблемы оценки фактического состояния этноэкономического пространства [11]. Комплексный характер проблемы предполагает использование, наряду с экономическими, системы социально-демографических, социально-культурных, политических показателей. На практике основным методом анализа становится метод социологического опроса населения, но, как известно, возможности этого метода ограничены выборочными, пространственными и другими анкетными рамками.

Основные деструктивные тенденции в сфере этноэкономики республики, связанные со свертыванием этнического социально-экономического пространства, формируются сегодня по двум взаимосвязанным направлениям:

- негативные тенденции в сфере использования этнических ресурсов**. К ним относятся: деградация традиционных отраслей хозяйства на фоне сокращения

* Экономическая культура в данном случае рассматривается как аналог понятию «этнические традиции».

** К этническим ресурсам относятся ресурсы природной среды обитания и приобретенный в ходе исторического развития неовещественный капитал — навыки, традиции и обычаи этнических групп, адаптирующихся к существующей макроэкономической среде.

объемов земледелия и животноводства, возврат к натуральному хозяйству, формирование «экономики примитивного выживания», разрушение материальной базы традиционной культуры и сужение культурного общения;

- негативные тенденции, связанные с изменением этнической структуры населения, формирующиеся под влиянием миграционных процессов. Миграционные процессы рассматриваются сегодня в числе основных факторов напряженности межнациональных отношений (в частности, на постсоветском пространстве России). Вследствие внутренней миграции (процесса активного перемещения жителей из маленьких населенных пунктов в крупные) возникает опасность формирования своеобразного слоя населения, концентрирующегося часто по этническому признаку, с неизвестной системой ценностей, источниками существования и социальным статусом [12]. Кроме того, появляется опасность «обезлюдения ранее освоенных территорий» [13]. Другая деструктивная тенденция связана с изменением этнической структуры населения в результате иммиграции рабочей силы из стран СНГ и дальнего зарубежья*. Главная опасность этой тенденции заключается в изменении этнокультурного пространства на фоне сокращения численности этносов, сформировавших казахстанское общество, и притока иммигрантов (оралманов) из Китая, Монголии и других стран со специфическими этническими особенностями, образованием, трудовыми навыками, а также экономическими проблемами адаптации. Так, «с момента провозглашения независимости» произошло увеличение численности «государствообразующего этноса... во многом благодаря репатриации более полумиллиона оралманов» [14].

Свертывание этнического социально-экономического пространства ведет к потере региональной социально-экономической стабильности по следующим направлениям:

- уменьшается функциональное присутствие этноса в экономическом пространстве, что ведет к перемещению и потере части имущественных прав и финансовых потоков, хозяйственных институтов;

- образовавшиеся ниши формируют условия для внедрения на региональные рынки «капиталов корпораций — нерезидентов других территорий» [15];

- спад в развитии этносектора ведет к росту неполной, вторичной и сезонной занятости населения;

- осуществляется отток населения в теневой сектор;

- происходит массовая миграция незанятого сельского населения;

- появляется опасность формирования «иммигрантских социальных сетей, не связанных с этничностью» [16], которые строятся по рыночным критериям и в рамках которых некоторые преимущества имеют родственники и земляки;

- появляется опасность «параллельной этнической экономики», эксплуатирующей дешевую рабочую силу иммигрантов (например, из Китая и Центральной Азии).

В этих условиях сохранение, обеспечение устойчивости и качественного развития этнического социально-экономического пространства должны стать главной задачей государственной политики в сфере этноэкономики.

К принципиальным вопросам этноэкономики, требующим решения в рамках государственной экономической политики, нами отнесены:

* Сегодня в этнической структуре населения Казахстана казахи составляют более 60% от общей численности. Увеличение доли казахского этноса произошло, в частности, за счет миграционных процессов.

- идентификация этнического сектора экономики в национальной экономической стратегии, отнесение его к сфере гуманитарного развития общества;
- признание экономической целесообразности и обеспечение государственной поддержки развития мелкотоварных форм труда и производства;
- создание механизма взаимодействия «неформальной» этноэкономики и официальной экономики;
- изменение региональной политики в сторону наращивания воспроизводственного потенциала за счет развития социальной инфраструктуры, обустройства территории в регионах, улучшения качества жизни;
- признание трудовой активности доминирующим фактором производства, учитывая такие формы трудовой активности, как самозанятость, занятость в личных подсобных хозяйствах, в том числе в домашних хозяйствах с использованием традиционных форм ведения хозяйственной деятельности и т.п.;
- формирование специального механизма финансовой поддержки хозяйствующих субъектов в этноориентированных отраслях мелкотоварного производства (малокапиталоемкого и самоинвестируемого);
- включение структур этноэкономики и ее потенциала в программы модернизации экономики страны.

Таким образом, этноэкономика как раздел общей экономической теории, посвященный изучению экономического поведения этнических общностей, и как специфическая форма национальной экономики, унаследовавшая территориально-хозяйственные уклады, имеющие ярко выраженные этнические корни, востребована в условиях существования различных этносов и формирования полиэтнической культурной общности.

Глобальной тенденцией становится, с одной стороны, усиление межкультурных, межцивилизационных, межэтнических взаимодействий, с другой — отказ от поиска универсальной экономической модели по образу и подобию какой-то одной национальной общности или какой-то цивилизации. Так, на постсоветском пространстве неприемлема западная модель этноэкономики и, наоборот, евразийская модель весьма специфична для западной экономики.

Исторически сложившиеся культурно-цивилизационные отличия и этнокультурные ценности влияют на возникновение конкретного типа хозяйственного устройства, придают своеобразие сложившейся экономической системе и обеспечивают ее устойчивое развитие.

Свертывание этнического социально-экономического пространства ведет к потере социально-экономической стабильности и возникновению деструктивных тенденций в экономике страны, поэтому сохранение и качественное развитие этнического пространства становятся главной задачей государственной политики в сфере этноэкономики.

Перспективы развития этносектора Казахстана зависят от решения ряда проблем, связанных с определением особенностей этнической экономики, а также ее роли в формировании экономической политики государства.

Основные проблемы этноэкономики связаны с отсутствием национальных программ поддержки и развития сектора традиционной экономики как гуманитарной сферы экономики. Всесторонняя оценка экономического влияния этносектора на национальную экономику затруднена ввиду отсутствия статистической базы для объективного экономического анализа.

Встраивание этноэкономики в программу модернизации экономики страны невозможно без учета специфики этнической хозяйственной деятельности, одновременно относящейся как к сфере малого и среднего бизнеса, так и к сфере традиционной этнической культуры, нуждающейся в государственных дотациях.

Сокращение пространства этнической экономики обуславливает появление негативных тенденций, которые формируются в сфере использования этнических ресурсов и связаны с деградацией производственной базы традиционных отраслей, а также в сфере формирования этнической структуры населения и связаны с ее изменением под влиянием миграционных процессов.

Пересмотр приоритетов государственной экономической политики в сторону развития и поддержки этнического социально-экономического пространства следует начать с идентификации этнического сектора экономики в национальной экономической стратегии, отнесения его к сфере гуманитарного развития общества, создания механизма взаимодействия «неформальной» этноэкономики и официальной экономики.

Роль этнического фактора возрастает в свете глобальных тенденций, придающих первостепенное значение развитию социально-экономических систем, сохранивших традиционные формы хозяйственной деятельности, для обеспечения устойчивости национальной и глобальной экономики в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинников В.Н. Этноэкономический уклад в теоретических координатах неформальной экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2005. — Т. 3. — №2.
2. Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Этноэкономика как фактор развития // <http://www.ecfor.ru>.
3. Текст проекта Доктрины национального единства Казахстана // <http://www.russkie-kz.info>.
4. Колесников Ю.С., Латушко Н.А. Этноэкономика как сегмент национального хозяйства России // Проблемы прогнозирования. — 2005. — №4.
5. Андреев А. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // Общественные науки. — 1996. — №1.
6. Печура О.Ю. Этнический фактор в развитии экономики региона // Известия УрГЭН. — 2009. — №2 (24).
7. Воронков В. Существует ли этническая экономика? // <http://www.indepsocres.spb.ru>.
8. Павлов В.К. Экономическое славяноведение как перспективное направление исследований // Вестник Челябинского государственного университета. — 2005. — №1.
9. Попков Ю. Многие проблемы возникают из-за отсутствия надежной информации // <http://www.tolerance.ru>.
10. Визер Т.В. // <http://www.region.mcnlp.ru>.
11. Попков Ю. Указ. соч.
12. Там же.
13. <http://www.rusdoctrina.ru>.
14. Алияров Е.К. и др. Национальное строительство в Казахстане: проблемы и суждения. — Алматы: Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры, 2009.
15. Воронков В. Указ. соч.
16. Там же.

Послания Президента РК Н.А. Назарбаева народу о стратегическом управлении страной — важная особенность правления в Казахстане

КУБАЕВ К.Е.

Десять лет назад, в год выхода в свет исторически значимого документа — Послания Президента страны народу Казахстана «Казахстан-2030», автор настоящей работы обращался к этой теме, подчеркивая научную значимость инициативы Президента РК Н.А. Назарбаева, в своей статье «На повестке дня — профессионализм управления» в издании «Азия — экономика и жизнь» [1997, декабрь, №48 (124)] [1]. Главное, подчеркивалось в работе, «что при выработке этого документа использован программно-целевой метод, являющийся научной формой планирования и прогнозирования, основанный на системном подходе к организации управления. Этим уже заложены предпосылки к выработке системно-целевого механизма реализации долгосрочных приоритетов программы. Он в единстве и взаимосвязи должен предусмотреть использование духовных, трудовых, материальных, природных, финансовых и информационных ресурсов для достижения генеральной цели, поставленной Президентом РК в Послании: «Построение независимого процветающего и политически стабильного Казахстана с присущим ему национальным единством, социальной справедливостью, экономическим благосостоянием всего населения». Генеральная цель определила «дерево целей» в виде долгосрочных приоритетов: национальной безопасности, внутривластной стабильности и консолидации общества, экономического роста, базирующихся на открытой рыночной экономике с высоким уровнем иностранных инвестиций и внутренних сбережений; здоровье, образование и благополучие граждан Казахстана; энергетические ресурсы; инфраструктура, в особенности транспорт и связь, профессиональное государство.

Сегодня очевидно, что, несмотря на скептические замечания некоторых экспертов того времени, в настоящем документе Президентом страны Н.А. Назарбаевым уже заложены основы стратегического государственного управления. К этому времени стало понятно, что Президент свое конституционное право [2] использует в качестве действенного и эффективного инструмента стратегического управления страной. Это должно быть признано *первой особенностью* казахстанского пути государственного управления. Был выработан и осуществлен на практике механизм реализации долгосрочной экономической политики государства.

Проследим логику последовательности и содержательности посланий Президента народу Казахстана за прошедшие годы реформ [3—18]. Первое послание Президента 1992 г. «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства» вполне логично посвящено выработке стратегии построения суверенного государства и практически нового национального хозяйства, но на фундаменте сырьевой, фондовой и затратной экономики предыдущих десятилетий. Политическое руководство понимало и учитывало *вторую и экономическую особенность* на тот момент. Надвигался супертяжелый системный кризис. А Президент уже говорил и отдавал распоряжения по укреплению государственности, социальной рыночной экономики и выходу на мировой рынок.

Оценивая итоги развития Казахстана в условиях экономической реформы, можно выделить несколько крупных этапов экономической политики, проводимой высшей политической властью под руководством Президента страны Н.А. Назарбаева:

I этап (1992—1996 гг.) — политика макроэкономической стабилизации;

II этап (1997—2003 гг.) — политика экономического роста и устойчивого экономического развития;

III этап (2003—2015 гг.) — политика диверсификации, инновационного развития с социальной направленностью.

В 2008 г. разразился мировой финансовый кризис, где Н.А. Назарбаев также выступил с инициативой о введении мировой гарантированной валюты [19].

Началу этапов этих реформ предшествовали реформы в составе бывшего Союза. Под эгидой Госплана группой ученых-экономистов была разработана первая Концепция экономической независимости Казахстана, которую рассмотрел Председатель Совета Министров Н.А. Назарбаев. В декабре 1991 г. Казахстан провозгласил свою независимость, и с этого времени экономической реформе политическое руководство придает качественно новый характер.

В 1992—1996 гг. руководству страны в исторически короткий период удалось преодолеть системный кризис, создать институциональные и правовые основы рыночной экономики и вывести страну на уровень макроэкономической стабилизации. Было построено новое государство, рассматривающее бизнес в качестве стратегического партнера, создан институт частной собственности, инфраструктура рынка, финансовая и банковская система, система бухучета, аудита и национального счетоводства на уровне международных стандартов, введена национальная валюта.

В результате к 1997 г. была достигнута макроэкономическая стабилизация и наметилась тенденция экономического роста в 1,7% ВВП. ВВП на душу населения достиг 1446 долларов США. В период с 1997 по 2003 г., благодаря деятельности высшей политической власти под непосредственным руководством Президента страны Н.А. Назарбаева и кропотливой работе Правительства РК, в стране была осуществлена громадная работа по эффективному взаимодействию с зарубежными партнерами, развитию бизнеса и достижению стабильного экономического роста. На данном этапе рост ВВП составил от 3-х до 13% в год, а на душу населения ВВП превысил 2000 долларов США. Это происходило ввиду того, что государству удалось создать стимулирующие условия для развития бизнеса путем улучшения институциональной среды деятельности государства и бизнеса.

Таким образом, обеспечив серьезные успехи в формировании экономики республики, Глава государства на первое место выдвигает проблемы социального и

человеческого развития, мысль о необходимости решения которых красной нитью проходит через все последующие послания Президента РК народу Казахстана.

В недрах политики экономического роста руководством страны создавались предпосылки нового этапа развития экономики Казахстана — политики диверсификации на базе индустриализации инновационного развития для преодоления сырьевой направленности и зависимости экономики от углеводородного сырья и от цен на них. Для этого по поручению Президента страны Правительством РК была разработана Стратегия индустриально-инновационного развития на 2003—2015 гг. Пути и механизмы реализации экономической политики настоящего этапа развития Главой государства озвучены в посланиях 2004, 2005 гг. и в своей лекции «К экономике знаний через инновации и образование», с которой Нурсултан Абишевич выступил перед студентами и профессорско-преподавательским составом в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева на десятилетним юбилее вуза в мае 2006 г. [20].

Главным здесь является создание специального механизма поддержки государства инновационного производства в виде системы Институтов развития (ИР). В последующем политическое руководство ставит задачу повысить инновационную активность национальных компаний и компаний частного сектора. В качестве цели экономической политики государства определено обеспечение конкурентного преимущества Казахстана (КПК). Данная экономическая политика в 2003—2006 гг. обеспечивала стабильный экономический рост в 9—10%, а ВВП на душу населения превысил 5200 долларов США. Итак, сделанный анализ ежегодных посланий Президента Казахстана Н.А. Назарбаева показывает, что им найден и реализован на практике путь эффективного стратегического государственного управления социально-экономическим развитием страны, притворен в жизнь новая формула государственного управления в условиях глобализации — «государство и бизнес — стратегические партнеры в решении социально-экономических задач».

В Послании народу Казахстана 2010 г. «Новое десятилетие — новый экономический подъем — новые возможности Казахстана» Н.А. Назарбаев уже говорит о десятилетнем стратегическом плане до 2020 г. и намечает основные вехи индустриально-инновационного развития республики [21]. Первая пятилетняя Государственной программы форсированного индустриально-инновационного развития страны с 1 апреля 2010 г. уже запущена.

Процесс глобализации Глава государства глубоко научно проанализировал в одной из последних своих книг «Критическое десятилетие» [22], где подчеркивается, что в XXI в. возникают совершенно новые условия для деятельности государств. В наиболее общем случае считается, что глобализация является следствием еще более глубоких и масштабных тенденций устройства мира. Высшему политическому руководству страны приходится работать фактически в условиях открытой национальной экономики и при непосредственном взаимодействии ее субъектов с субъектами глобальной экономики. Здесь государство попадает в другие глобализированные условия деятельности и возникает новая функция — функция стратегического партнерства государства с корпоративными структурами.

Кроме того, детальный анализ ежегодных посланий Президента РК народу Казахстана показывает, что последовательность реформ не противоречит сло-

жившимся канонам экономической теории о том, что устойчивое экономическое развитие «катится на четырех колесах» — факторах: *люди* (человеческий фактор — приложение труда, дисциплина, образование и мотивация); *капитал* (земля, машины, фирмы и инфраструктура); *природные ресурсы* (материалы, топливо и качество окружающей среды); *технология* (наука, инженерное искусство и организационные инновации). Именно в этой последовательности руководством страны ведутся реформы. Сейчас Республика Казахстан находится на этапе индустриализации и инновационных преобразований.

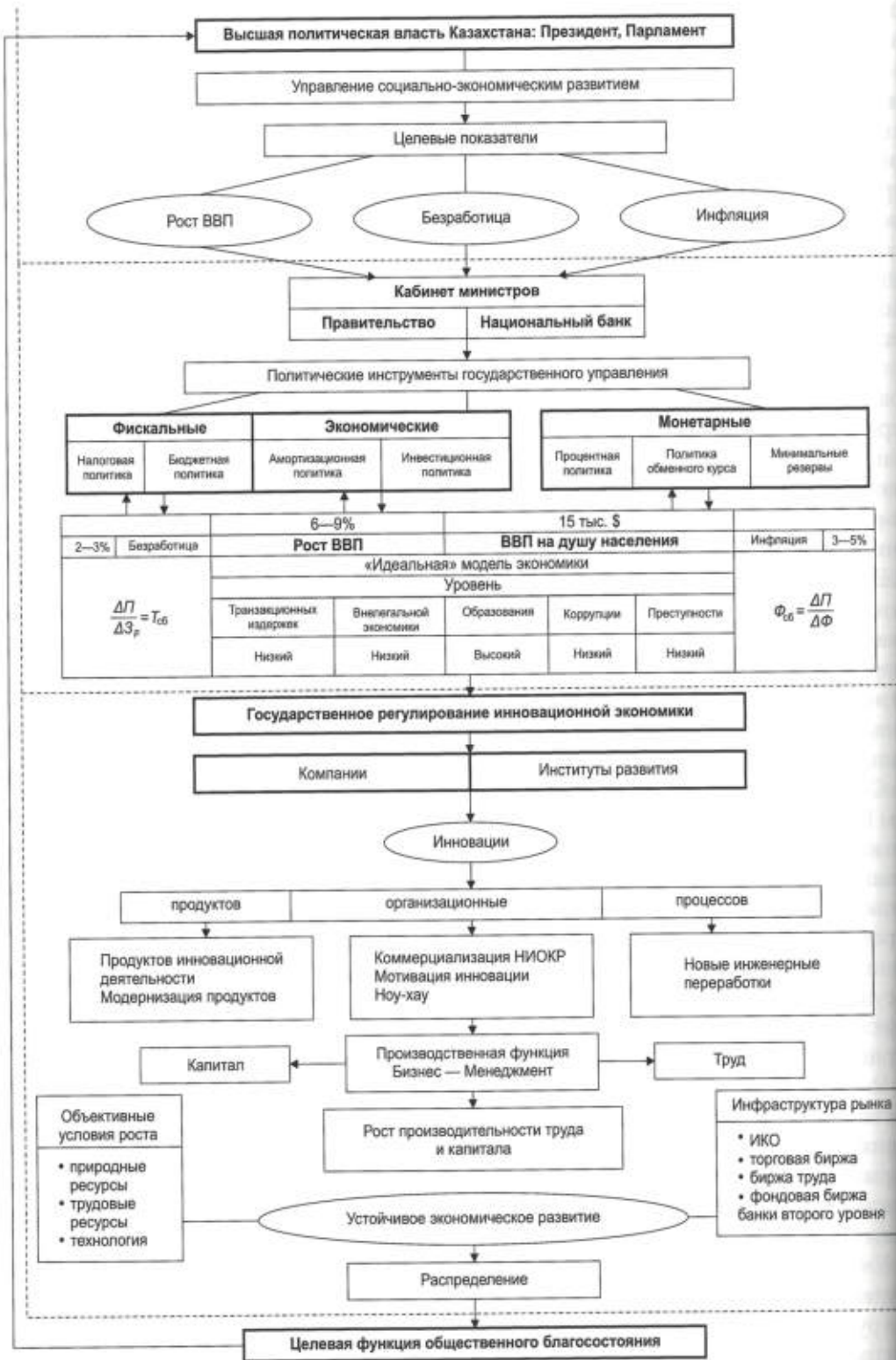
История многих стран мира подтвердила позитивную роль государства в их экономическом развитии. Однако представления о степени этого влияния мировым сообществом только за вторую половину ушедшего XX-го столетия менялись неоднократно.

Тем не менее уже стало явным, что проблема отношений государства и рынка, правительства и бизнеса не является нерешенной научной задачей. Проблема перешла в другую плоскость — в сферу эффективности самого государства и его взаимодействия с бизнесом. Это происходило под давлением глобальных сил в гражданском обществе и рыночных механизмах. Отмечается опережение темпов изменений масштабных факторов в сравнении с темпами адаптации государства к ним. Сейчас совершенно очевидно, что важнейшим условием развития страны в XXI в., чему направлены все действия Президента РК Н.А. Назарбаева, становится эффективное государство как отражение требований современной мировой экономики. Слабое государство приведет любое общество к нестабильности, коррупции и бедности. Причем эффективное государство не противопоставляется бизнесу. Как раз, наоборот, через институциональную структуру государства — к повышению продуктивности частного сектора и эффективному предоставлению важнейших общественных благ.

Сегодня уже высшее политическое руководство страны во главе с Президентом РК Н.А. Назарбаевым подчеркивает, что развитие только экономической политики государства уже недостаточно. В дальнейшем необходимо кардинальное развитие институциональной среды, в которой она практически реализуется и функционируют рынки. Слабая институциональная структура может нанести огромный вред развитию общества, свести на нет макроэкономическую стабилизацию. Более того, как отмечалось, особенностью Казахстанского опыта государственного управления является не проблема противостояния государства и экономики, а, наоборот, партнерство, их взаимодействие в долгосрочном периоде.

В этой плоскости экономическая власть страны уже занимается проблемами институционального характера: защита правомочий, преодоление кризиса доверия, система сдержек и противовесов, социальная ответственность бизнеса, формирование норм и климата долгосрочного инвестирования и др. Ибо самым опасным для деятельности экономических агентов является неопределенность и институциональный вакуум.

Учитывая эти проблемы и основываясь на теории экономической политики лауреата Нобелевской премии Яна Тинбергена [23], политическая власть страны под руководством и непосредственным участием Главы государства выработала и за эти годы осуществила на практике Казахстанскую модель механизма реализации экономической политики государства (см. рис.).

Рисунок

Для макроэкономического регулирования и оценки состояния экономики по принципу «управление по изменениям» предлагается Правительству расширить индикаторы: ВВП, ВВП на душу населения, инфляцию, безработицу, транзакционные издержки, наличие нелегальной экономики, уровень образования, уровень коррупции, уровень преступности, соотношение темпов роста производительности труда и фондовооруженности и соотношение темпов роста производительности труда и заработной платы. Эти одиннадцать параметров социально-экономического развития страны в целом и с различных ее сторон характеризуют состояние экономики. И, главное, их отклонение в ту или другую сторону (+; -) позволяет Правительству и Нацбанку управлять (воздействовать) ходом экономического развития.

Валовой внутренний продукт позволяет оценить рост и устойчивость экономики. Уровень инфляции характеризует состояние финансового сектора экономики. Уровень безработицы — ее социальность.

Транзакционные издержки и уровень нелегальной экономики характеризуют уровень «цены» бизнеса. Транзакционные издержки, уровень образования, коррупции и преступности методологически трудно определить количественно. Поэтому в практике управления мы предлагаем на этом этапе исследования проблемы оценивать их по трехбалльной шкале — *высокий, средний и низкий* уровень.

Устойчивое развитие экономики количественно оцениваем из Послания Президента РК через общепринятый рост — Δ ВВП — 6—9%, ВВП на душу населения — 15 тысяч долларов США, инфляция — на уровне 2—3%, уровень безработицы — 3—4%, транзакционные издержки — низкие, уровень нелегальной экономики — низкий, уровень образования — высокий, уровень коррупции — низкий, уровень преступности — низкий, уровень опережения темпов роста производительности труда и темпа роста заработной платы — заметный, уровень фондосбережения — высокий. Особо следует остановиться на двух последних параметрах состояния экономики. Это критерии оценки эффективности труда и основного капитала.

Высшая политическая власть страны (Президент, Парламент) формирует функцию общественного благосостояния (см. рис.), определяет социальную направленность государственного регулирования и утверждает *целевые показатели* деятельности Правительства. В Республике Казахстан на текущий период такими государственными властями определены экономический рост, уровень инфляции и уровень безработицы. Исполнительная власть в лице Кабинета министров и Национального банка обеспечивает эти целевые показатели с помощью своих *политических инструментов*, осуществляя, таким образом, функцию государственного управления.

Для косвенного управления экономикой Правительство располагает *фискальными, экономическими и монетарными* инструментами через выработку и реализацию экономической политики государства. *Фискальные инструменты*: налоговая политика, бюджетная политика; *экономические инструменты*: инвестиционная и амортизационная политика; *монетарные инструменты*: процентная политика, политика обменного курса, уровень минимальных резервов. Эффективная налоговая система, прежде всего, должна стимулировать отечественное производство и реализовывать принцип социальной справедливости. Для экономического роста важнейшим признаком налоговой политики является стимулирующая функция

налогов. Это преимущественно стимулирующие ставки, налоговые льготы на инвестиции, ускоренная амортизация, расширение фискальных функций налогов до воспроизводственного цикла.

С точки зрения одного из новых разделов теории управления «управление изменениями» в модель (см. рис.) нами [24] введен блок «Идеальная модель экономики РК», имея в виду, что, для повышения эффективности деятельности Правительства, государственные решения вырабатываются в сравнении с «поведением» идеальной модели экономики РК.

В условиях индустриально-инновационного развития экономики особое значение приобретает интенсивный рост экономики, рост производительности труда. А для этого предстоит отлаживать трудосберегающие и фондосберегающие типы воспроизводства.

Например, в Германии, в соответствии с оценкой уровня трудосбережения, широко используется индикатор соотношения темпов роста производительности труда и заработной платы. Государство отслеживает, чтобы рост зарплаты не превышал рост производительности труда. Этот индикатор может определяться путем соотношения темпа роста производительности труда (ΔP_p) и темпа роста заработной платы (ΔZ_p), назовем его показателем трудосбережения (T_{cb}) [25]:

$$T_{cb} = \frac{P_p}{Z_p}.$$

Теоретический анализ показывает, что глубинными факторами экономического роста является процесс взаимодействия двух основных категорий общественного воспроизводства — труда и капитала, их соотношение, темпы и их изменения.

Причем рост реального продукта, как известно, может идти двумя путями: а) за счет вовлечения дополнительных ресурсов труда и капитала (экстенсивный) и б) за счет использования достижений научно-технического прогресса и роста качества прилагаемого труда (интенсивный). Учитывая, что исторический путь мирового общественного производства пошел по пути индустриализации, применения наукоемких технологий, нами в других работах [26] разработана теория интенсивного экономического роста.

Анализ динамики соотношения труда и капитала в единице продукции показал, что объективным критерием уровня интенсификации воспроизводства может служить соотношение темпов роста производительности труда и его фондовооруженности:

$$\Phi_{cb} = \frac{\Delta P}{\Delta \Phi_n},$$

где Φ_{cb} — показатель фондосбережения;
 ΔP — темп роста производительности труда;
 $\Delta \Phi_n$ — темп роста фондовооруженности.

Теперь если Φ_{cb} меньше единицы ($\Phi_{cb} < 1$), то имеем дело с фондоемким, а если Φ_{cb} больше единицы ($\Phi_{cb} > 1$) — то с более эффективным фондосберегающим типом интенсивного воспроизводства. Два последних индикатора оценивают эффективность использования труда (T_{cb}) и основного капитала (Φ_{cb}) в условиях индустриально-инновационного развития экономики.

Выводы

1. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев свое конституционное право ежегодного Послания народу Казахстана использует в качестве действенного и эффективного инструмента стратегического управления страной.

2. Все послания Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана имеют свою логику, последовательность и четко отображают содержание реформ прошедших годов, в кризисный и посткризисный периоды. Так, согласно первому Посланию Президента РК 1992 г. «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства», видим, что, несмотря на тяжелый кризис, охвативший республику после распада Советского Союза, Президент уже тогда выносил на повестку дня важные для государства и его народа вопросы и отдавал распоряжения по укреплению государственности, социальной рыночной экономики и выходу страны на мировой рынок.

3. Оценивая итоги развития Казахстана в условиях экономической реформы, можно выделить несколько крупных этапов экономической политики, проводимой высшей политической властью под руководством Президента страны Н.А. Назарбаева:

I этап (1992—1996 гг.) — политика макроэкономической стабилизации;

II этап (1997—2003 гг.) — политика экономического роста и устойчивого экономического развития;

III этап (2003—2015 гг.) — политика индустриально-инновационного развития с социальной направленностью. Всемирный финансовый кризис 2008 г. внес свои «коррективы». Антикризисная политика Казахстана, в основу которой положен критикуемый в свое время Национальный фонд, осуществлена. И теперь новый этап политики воплощен в Государственной программе форсированного индустриально-инновационного развития страны до 2020 г.

4. За двадцать лет Президентом РК Н.А. Назарбаевым выработан и воплощен в жизнь новый метод стратегического управления, который и далее следует изучать и преподавать в вузах Казахстана.

5. Автор статьи подтверждает свое раннее предложение открыть Институт стратегического управления им. Н.А. Назарбаева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубаев К.Е. На повестке дня — профессионализм управления // Азия — экономика и жизнь. — 1997, декабрь. — №48.
2. Конституция Республики Казахстан. Принята на Республиканском референдуме 30 августа 1995 г. — Алматы: Жеті Жарғы, 1996. — 48 с.
3. Назарбаев Н.А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. Послание Президента страны народу Казахстана как суверенного государства // Казахстанская правда. — 1992, 16 мая.
4. Назарбаев Н.А. Идеальная консолидация общества — как условия прогресса Казахстана // Казахстанская правда. — 1993.
5. Назарбаев Н.А. Казахстан-2030: процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. — Алматы: Білім, 1997. — 176 с.
6. Назарбаев Н.А. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики: демократизация общества, экономическая и политическая реформа в новом столетии // Казахстанская правда. — 1998, сентябрь.

7. Назарбаев Н.А. Стабильность и безопасность в новом столетии // Казахстанская правда. — 1999, сентябрь.
8. Назарбаев Н.А. Свободному, эффективному обществу // Казахстанская правда. — 2000, октябрь.
9. Назарбаев Н.А. О положении в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики на 2002 год // Казахстанская правда. — 2001, сентябрь.
10. Назарбаев Н.А. Об основных направлениях внутренней и внешней политики на 2003 год // Казахстанская правда. — 2002.
11. Назарбаев Н.А. Основные направления внешней и внутренней политики на 2004 год // Казахстанская правда. — 2003, апрель.
12. Назарбаев Н.А. К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации // Казахстанская правда. — 2004, март.
13. Назарбаев Н.А. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации // Казахстанская правда. — 2005, февраль.
14. Назарбаев Н.А. Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии: Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира // Казахстанская правда. — 2006, март.
15. Назарбаев Н.А. Новый Казахстан в новом мире. Послание Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Астана, 28 февраля 2007 г.
16. Назарбаев Н.А. Повышение благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики. Послание Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Астана, 7 февраля 2008 г.
17. Назарбаев Н.А. Через кризис к обновлению и развитию. Послание Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Астана, 6 марта 2009 г.
18. Назарбаев Н.А. Новое десятилетие — новый экономический подъем — новые возможности Казахстана. Послание Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Астана, январь 2010 г.
19. Назарбаев Н.А. Ключи от кризиса // Казахстанская правда. — 2009, 3 февраля.
20. Назарбаев Н.А. К экономике знаний через инновации и образование. Лекция в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева // Казахстанская правда. — 2006, 27 мая.
21. Назарбаев Н.А. Новое десятилетие — новый экономический подъем — новые возможности Казахстана...
22. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. — Алматы: Атамұра, 2003.
23. Сакс Дж.Д., Ларрен Ф.Б. Макроэкономика. Глобальный подход / Пер. с англ. — М.: Дело, 1996. — 848 с. (С. 641—647).
24. Там же.
25. Кубаев К.Е. Эффективное государственное управление. Монография. — Алматы: Қазақ университеті, — 2006. — 218 с.
26. Кубаев К.Е. Основы интенсивного экономического роста: Теория фондосбережения. — Алматы: Экономика, 1998. — 64 с.

Развитие платежных систем Казахстана: аналитический обзор

КЛЯХИНА И.В.

Глобальный финансово-экономический кризис продемонстрировал недостатки существующих моделей финансовых отношений как в общемировом масштабе, так и на национальном уровне. Слабые стороны были выявлены в структуре государственного регулирования и в деятельности самих финансовых институтов. Проблемы последних проявились в вопросах несовершенства и несоответствия систем управления рисками современным тенденциям и уровню принимаемых рисков (как по степени, так и качеству рисков), низкого уровня корпоративного управления, недостаточной прозрачности и, как следствие, неэффективности бизнес-моделей, оказавшихся чувствительными к негативным тенденциям.

Платежные системы представляют собой крупнейший канал, посредством которого различные потрясения могут распространяться на всю финансовую систему и рынки. Именно поэтому обеспечение устойчивого и надежного функционирования платежных систем является одним из ключевых условий поддержания и укрепления финансовой стабильности страны. Устойчивое и эффективное функционирование платежных систем, которые выступают в качестве связующего звена между субъектами экономической деятельности, тем самым обуславливая непрерывность производства и кругооборот товаров и денег, имеет крайне важное значение для обеспечения стабильности финансовой системы страны. Так, развитые платежные системы снижают операционные издержки в экономике и повышают стабильность финансовой системы, эффективность использования финансовых ресурсов и ликвидность финансового рынка.

Реформирование платежной системы Казахстана было начато в 1991 г. и основной целью реформы было увеличение скорости прохождения платежей между отправителями и получателями денег, обеспечение безопасности платежных систем, а также более широкое внедрение в обращение различных платежных инструментов (поручений, чеков, платежных требований-поручений, платежных карточек).

По итогам проведенных работ были созданы платежные системы (Межбанковская система переводов денег и Система межбанковского клиринга), обеспечивающие своевременный расчет между хозяйствующими субъектами и характеризующиеся высоким уровнем эффективности и безопасности проведения платежей.

Кроме того, платежные системы Казахстана были неоднократно высоко оценены такими международными финансовыми организациями, как Международ-

ный валютный фонд, Всемирный банк и Банк международных расчетов в части обеспечения ими своевременного и безопасного проведения межбанковских платежей. Так, согласно оценкам консультантов МВФ, Межбанковская система переводов денег соответствует всем Ключевым принципам для системно-значимых платежных систем, разработанным Комитетом по платежным и расчетным системам Банка международных расчетов и предназначенным в качестве универсальных директив в целях содействия построению безопасных и эффективных платежных систем.

Вместе с тем Национальным банком ежегодно проводятся работы по дальнейшему совершенствованию и развитию платежных систем Казахстана в соответствии с последними достижениями в области научного и технического прогресса и совершенствованию нормативных правовых актов в области платежей и переводов денег. Постоянно проводится работа по модернизации технической инфраструктуры платежных систем, совершенствованию механизмов надзора за платежными системами, мониторинга платежей и управления рисками. В рамках работ по приближению платежных систем Казахстана к стандартам Европейского Союза Национальным банком проводятся работы по реформированию структуры банковских счетов, присваиваемых банками второго уровня своим клиентам. В целях обеспечения бесперебойного функционирования платежных систем и повышения уровня безопасности деятельности Национального банка, проводятся мероприятия по созданию нового резервного центра в г. Астане, гарантирующего непрерывное функционирование Национального банка и платежных систем в случае возникновения нештатных и аварийных ситуаций в районе нахождения основного центра. Особое внимание уделяется построению «платежного шлюза» в рамках создания «Электронного Правительства Республики Казахстан».

Влияние мирового финансового кризиса на платежные системы Казахстана сказалось на снижении используемой для осуществления платежей и переводов денег ликвидности БВУ и организаций, осуществляющих отдельные виды банковских операций, к примеру, на 10,9% в 2008 г. по сравнению с предыдущим годом. Вместе с тем указанное снижение ликвидности в платежной системе не вызвало роста неплатежеспособности БВУ, что связано с постоянным мониторингом платежных систем, применением таких методов управления рисками, как управление очередью платежей, перевод денег с корреспондентского счета пользователя на его позицию в системе, использование межбанковских кредитов.

Также особое внимание НБРК в кризисный период было уделено надзору (оверсайту) за платежными системами в целях обеспечения их эффективного функционирования, что способствует эффективности использования финансовых ресурсов и обеспечению ликвидности финансового рынка.

В рамках проводимых стабилизационных мер для экономики Казахстана одной из основных задач остается поддержание устойчивого и эффективного функционирования платежных систем. Принимаемые государством меры по поддержке банков второго уровня позволили снизить проблемы ликвидности в банковском секторе и способствовали росту объемов платежей в платежных системах Казахстана.

В течение двух лет развития мирового финансового кризиса функция финансового посредничества в стране претерпела существенные изменения. Перерас-

пределение ресурсов в экономику в этот период осуществлялось за счет активной государственной поддержки финансовых институтов.

Потеря прежних источников фондирования сказалась на невозможности реализации своей функции финансового посредничества со стороны банков, что потребовало вмешательства государства с целью обеспечения стабильного функционирования экономики страны. Однако направленные в рамках государственных антикризисных мер средства явились недостаточными для удовлетворения спроса на кредитные ресурсы со стороны экономических агентов, и отрицательные показатели экономического роста являются закономерным последствием данного процесса.

В целом в 2009 г. наблюдается рост количества и объемов платежей в платежных системах Казахстана (табл. 1, рис. 1).

Табл. 1. Потоки платежей в платежных системах Казахстана

Наименование показателя	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	9 мес. 2009 г.*
Объем платежей, в трлн тенге	15,5	22,4	30,0	51,7	94,7	143,5	141,9	114,0
Количество платежей, в млн транзакций	11,5	12,8	17,4	23,2	24,1	23,6	24,4	18,6
Изменение объема платежей, в %	50,6	44,9	34,1	72,1	83,2	51,5	-1,1	15,4
Изменение количества платежей, в %	7,2	11,3	35,7	33,4	3,8	-2,1%	3,6	3,7

* 9 мес. 2009 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Источник: НБРК.

За 9 месяцев 2009 г. через платежные системы Казахстана было проведено 18,6 млн транзакций на сумму 114,0 трлн тенге. По сравнению с аналогичным периодом 2008 г. количество платежей в платежных системах увеличилось на 3,7% (на 668,5 тыс. транзакций), а объем платежей вырос на 15,4% (на 15,2 трлн тенге).

В Межбанковской системе переводов денег (далее — МСПД), системно значимой платежной системе страны, за 9 месяцев 2009 г. было проведено 98,3% от общего объема безналичных платежей в стране и 38,6% от общего количества (7,2 млн транзакций на сумму 112,0 трлн тенге), что свидетельствует о выполнении МСПД предназначения в проведении наиболее крупных и высокоприоритетных платежей.

В Системе межбанковского клиринга (далее — СМК) было обработано более половины всех безналичных платежей в стране от их общего количества — 61,4% и 1,7% от их общего объема (11,4 млн документов на сумму 1934,2 млрд тенге), что также характеризует выполнение системой своего предназначения в проведении значительного количества розничных платежей на небольшие суммы.

Основной объем платежей в платежных системах Казахстана приходится на операции финансового сектора: по ценным бумагам и векселям, выпущенным резидентами Республики Казахстан (42,6% от общего объема платежей), межбанковским депозитам и переводам собственных средств банков и их клиентов (28,3%) и операции с иностранной валютой (11,9%).

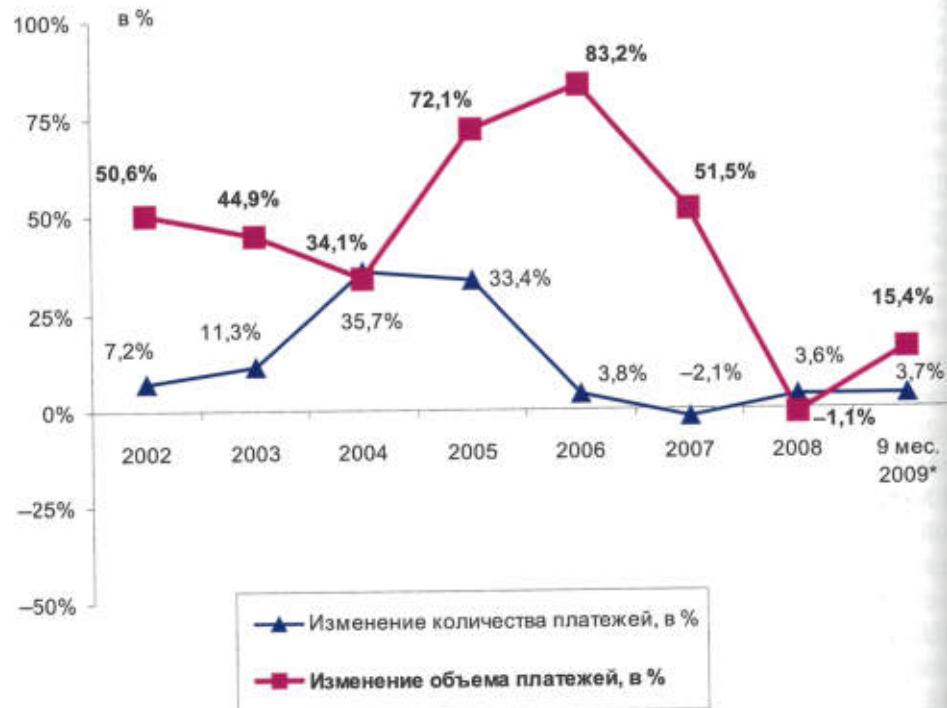

Рис. 1. Поток платежей в платежных системах Казахстана

Следует отметить наибольшую активность субъектов финансового сектора в переводе/снятии средств, размещенных на депозитных счетах в банках второго уровня.

Так, объем операций по переводу межбанковских депозитов и собственных средств банков и их клиентов за 9 месяцев 2009 г. по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. вырос на 13,3 трлн тенге (на 70,1%).

При этом объемы платежей за товары и услуги составили за 9 месяцев 2009 г. 7,5% от общего объема платежей в стране, снизившись по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. на 7,5% (табл. 2).

Табл. 2. Объемы платежей в разрезе видов назначения платежей

Наименование показателя	9 мес. 2008 г.		9 мес. 2009 г.		Изменение	
	в млрд тенге	в % к общему объему	в млрд тенге	в % к общему объему	в млрд тенге	в %
Операции с ин. валютой и драгоценными металлами	19 656,9	19,9%	13 542,2	11,9%	-6114,7	-31,1%
Депозиты	18 998,3	19,2%	32 307,1	28,3%	13 308,8	70,1%
Займы	1686,6	1,7%	1145,1	1,0%	-541,5	-32,1%
Ценные бумаги, векселя и депозитные сертификаты, выпущенные нерезидентами РК	572,3	0,6%	1187,7	1,0%	615,4	107,5%
Ценные бумаги и векселя, выпущенные резидентами РК	39 896,3	40,4%	48 586,3	42,6%	8690,0	21,8%
Товары и нематериальные активы	5077,2	5,1%	4252,3	3,7%	-824,9	-16,2%
Услуги	4163,4	4,2%	4292,2	3,8%	128,8	3,1%
Прочие платежи*	8710,2	8,8%	8654,6	7,6%	-55,6	-0,6%
Итого	98 761,2	100,0%	113 967,3	100,0%	15 206,2	15,4%

* включают пенсионные платежи и пособия, специфические переводы, платежи в бюджет и выплаты из бюджета.
Источник: НБРК.

Одной из отличительных черт посткризисного периода является необходимость устранения выявленных проблем финансового сектора, исправление допущенных ошибок и обеспечение стабильного диверсифицированного роста. Необходимо продолжить работу по созданию современной, устойчивой и конкурентоспособной платежной системы суверенного Казахстана.

Основные задачи государственного регулирования финансовой системы

ТУСУПОВА Л.А.

Одной из ключевых проблем общественного развития является вопрос об определении места и роли государства в системе воспроизводства. Особую значимость его решение приобретает в кризисный период развития сложившейся социально-экономической модели.

Механизм государственного регулирования социально-экономических процессов должен быть нацелен на корректировку рыночного равновесия в случаях, когда последнее не соответствует общественному благополучию. Данный механизм должен обеспечить возможность производства общественных товаров и услуг, необходимых для поступательного развития страны.

Реализация объективно существующей потребности в централизованном воздействии на экономику и социальную сферу во многом зависит от ресурсного обеспечения проводимых мероприятий, вследствие чего необходимым условием решения основных задач государственного регулирования выступает процесс формирования и использования общегосударственных денежных фондов. Их предназначение — способствовать удовлетворению совокупных воспроизводственных потребностей, реализацию которых конкурентный механизм не в состоянии обеспечить в принципе либо должным образом. Названные фонды формируют материальную базу для выполнения возложенных на государство функций, их размер является объективным ограничителем масштабов соответствующего регулирующего воздействия. Одной из важнейших предпосылок повышения эффективности централизованного управления сегодня становится обязательный учет при разработке государственных программ зависимости между типом рынка и способами воздействия на него, с одной стороны, и уровнем развития производительных сил, зрелостью организационных структур и тенденциями изменения производственных отношений — с другой. Это требует систематического совершенствования форм организации финансов, которые, обеспечивая возможность формирования и использования государственных фондов денежных средств, опосредуют значительную часть экономических взаимосвязей и оказывают существенное воздействие на воспроизводство.

Изучение финансовых проблем, связанных с регулярным ведением государственной деятельности, с воздействием финансов на развитие страны, отдельных отраслей или групп населения прослеживается с эпохи возникновения раннеклассовых обществ. При этом подходы зарубежных ученых к анализу финансово-

аспектов государственного регулирования отличаются ярко выраженной эмпирической направленностью.

Функционирование отдельных элементов механизма финансового регулирования экономики и социальной сферы, организация одноименного процесса в конкретных государствах, безусловно, являются предметом изучения достаточно большого круга экономистов.

Исследование таких вопросов, как развитие основополагающих вопросов теории финансового регулирования социально-экономических процессов, выявление проблем практической реализации регулирующих возможностей финансов, разработка рекомендаций по совершенствованию средств и способов организации финансового регулирования в современных условиях, представляется актуальным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Систему общественного воспроизводства образует функциональная совокупность отдельных элементов и процессов социальной действительности. Воспроизводственный процесс на макроуровне представляет собой непрерывное развитие натурально-вещественных и стоимостных форм движения экономических ресурсов, постоянный кругооборот и предпосылку обеспечения целостного функционирования всей социальной системы. В последней существует вполне определенное экономическое пространство, а именно сегмент непривлекательных для частного бизнеса товаров и услуг, в котором рыночный механизм не срабатывает ввиду отсутствия или искажения ценовых сигналов. Это, безусловно, накладывает целый ряд ограничений на ход воспроизводственного процесса, порождает объективную потребность в производстве общественных товаров и услуг — благ, которые потребляются всеми субъектами общественной системы, но оплата которых индивидуальным пользователем на основе соотношения спроса и предложения невозможна либо нерациональна с позиций совокупных интересов.

Неоспоримый факт наличия в хозяйственном механизме, помимо собственно рынка, еще одного звена, осуществляющего функции, которые рыночная организация производства в принципе не может реализовать либо выполняет с меньшим для общества эффектом, доказывает, что целесообразность централизованного вмешательства в социально-экономические процессы общественной системой необходима. Централизованное вмешательство требуется для:

- обеспечения общих условий жизнедеятельности и правовой реализации экономических решений (безопасности существования соответствующей национально-территориальной общности, установления и поддержания правового режима, направленного на защиту прав собственности и свободное развитие личности, на поддержание и развитие эффективной конкуренции);
- проведения стабилизационных мероприятий (регулирования темпов экономического роста, уровня инфляции и занятости, поощрения прогрессивных сдвигов в отраслевой и региональной структуре экономики, поддержания внешнеэкономического равновесия и курса национальной валюты);
- осуществления социально-ориентированного перераспределения ресурсов (организации производства нужных обществу благ, которыми не занимается частный сектор, гарантирования минимального уровня заработной платы, пенсий, пособий, помощи социально незащищенным гражданам, осуществления индексации фиксированных доходов).

Целенаправленное макроэкономическое регулирование реализуется посредством функционирования специального общественного института, которым является государство. Государственное регулирование воспроизводственного процесса выступает как совокупность действий властных структур, корректирующих функционирование системы общественного воспроизводства в целях обеспечения ее стабильного развития. Возможность осуществления централизованного воздействия на экономику и социальную сферу во многом зависит от ресурсного обеспечения проводимых мероприятий. Поскольку в условиях товарного производства удовлетворению подавляющей массы личных, коллективных и общественных потребностей предшествует движение денег, ресурсные возможности для производства и предоставления общественных товаров и услуг появляются у государства лишь при наличии специально предназначенных для этого денежных фондов. Это дало основание констатировать, что необходимым условием решения основных задач системы государственного регулирования выступает опосредуемый финансами процесс создания и использования общественных фондов денежных средств.

В сформировавшейся к настоящему времени зарубежной теории государственных финансов выделяются общая и прикладная составляющие. Во второй, более емкой ее части, финансы рассматриваются как находящиеся в руках государства средство регулирования экономики, средство достижения «всеобщего благоденствия». Подходы зарубежных ученых к проблемам финансового регулирования социально-экономических процессов отличает эволюционный, динамичный характер и ярко выраженная практическая направленность.

Общей тенденцией современности является повышение роли финансов в механизме государственного регулирования воспроизводства. Это связано с существованием целого ряда причин и, прежде всего, с ростом расходов на экологические и научно-технические программы, программы по социальному обеспечению, здравоохранению, по поддержанию уровня доходов. Государственное вмешательство ограничивается, главным образом, областью перераспределения и потребления, что повышает значимость для общества финансовых отношений. Наконец, учет требований конкурентного рынка расширяет сферу применения косвенных форм регулирования экономики, в которой существенную нагрузку несут финансовые регуляторы.

Объективные предпосылки целенаправленного регулирования воспроизводственных параметров предопределены экономической природой данных отношений и проявляются в функциях исследуемой категории. Так, в процессе создания и использования общегосударственных фондов денежных средств стоимость перераспределяется в отраслевом и территориальном масштабе, а также между отдельными группами населения. В результате в социально-экономической системе создается материальная база для удовлетворения основной части коллективных потребностей в образовании, науке, здравоохранении, инфраструктуре. Кроме того, в обществе появляется возможность устранить такой недостаток рынка, как «дефект распределения доходов», который воспроизводит существенное социальное неравенство. Централизация денежных ресурсов, позволяющая поддерживать определенный жизненный уровень пенсионеров, нетрудоспособных, многодетных, безработных и других нуждающихся в этом граждан, повышает в конечном счете совокупное потребление общества. Последнее, в свою очередь, является

фактором повышения эффективности производства. С помощью финансов как связующего звена между распределением и производительным потреблением может обеспечиваться первоочередное развитие прогрессивных звеньев экономики, ограничиваться деятельность монополий, смягчаться потери от просчетов при определении рыночной конъюнктуры, регулироваться уровни производства и безработицы. Перечисленные мероприятия поддерживают социально-экономическую стабильность и сбалансированное развитие на микроуровне, оказывают существенное воздействие на формирование макроэкономических пропорций, на темпы экономического роста и эффективность хозяйствования в целом, на обеспечение непрерывности воспроизводства. Кроме того, финансы являются важнейшим средством общественного контроля производства и распределения создаваемого продукта, посредством которых общество, в лице государства, располагает сведениями не только о движении средств общегосударственных денежных фондов. Оно получает доступ к информационной базе о составных элементах стоимости, о ходе и состоянии непосредственно процесса производства, а, следовательно, обеспечивается данными, без которых просто невозможно осуществление централизованного воздействия на хозяйственную систему.

Степень и направления реализации рассмотренных объективных предпосылок использования финансовых отношений для регулирования социально-экономических процессов зависят от того, в каких организационно-правовых формах материализуется их содержание, ибо на происходящие в экономике и социальной сфере процессы оказывают влияние конкретные виды доходов и расходов государства или их отдельные компоненты.

Государственные расходы представляют собой затраты на производство и приобретение материальных благ и услуг в целях удовлетворения совокупных потребностей общества. Они выражают экономические отношения, связанные с распределением и использованием по различным направлениям денежных средств государства.

С экономической точки зрения финансовое регулирование, осуществляемое в процессе расходования средств общегосударственных денежных фондов, базируется на реальной способности финансов изменять размеры и приоритеты совокупного спроса, влиять на величину накоплений и структуру совокупного предложения, корректировать распределение суммарного дохода между его членами.

Государственные доходы — это экономические отношения по поводу безвозмездного и безвозвратного изъятия в распоряжение государства части стоимости общественного продукта и национального богатства. Огосударствление доли ресурсов, которыми располагают физические и юридические лица и которые используются ими для оплаты своих текущих расходов и инвестирования, уменьшает уровень доходности названных субъектов общественной системы, сокращает масштабы и изменяет структуру их потребления. Это позволяет корректировать степень социальной дифференциации и ограничивать пределы необоснованно низкой или высокой эффективности производства.

В совокупности государственных доходов выделяются изъятия, воздействующие на ценообразование, издержки производства, величину накоплений, занятость. Разнообразие видов рассматриваемых доходов и механизмов их взимания предоставляет государству возможность целенаправленно регулировать спрос на

определенные товары и услуги, научно-исследовательские и опытно-конструкторские изыскания, внешнеэкономические связи, загрязнение окружающей среды и многие другие процессы.

Сущность финансового регулирования как явления общественной жизни сводится к реализации имеющихся у финансов корректирующих свойств. Финансовое регулирование, базируясь на использовании конкретных форм и методов мобилизации финансовых ресурсов и конкретных форм и методов осуществления государственных расходов, олицетворяет централизованное влияние государственных структур, являющихся непосредственными субъектами регулирования, на жизнедеятельность участников общественной системы, на их доходы и расходы, которые выступают непосредственными объектами регулирования.

Основная задача, решаемая в ходе финансового регулирования, связана с установлением пропорций распределения накоплений, обеспечивающих максимально возможное на данном этапе удовлетворение потребностей общества как на микро-, так и на макроуровне. Это предполагает наиболее разумное сочетание личных, коллективных и общественных интересов, установок и ценностей и отражает финансовый аспект проблемы соединения системы государственного воздействия с эффективно работающим механизмом рынка.

Финансовыми регуляторами рыночного хозяйствования являются: налоги и неналоговые платежи в бюджет; финансовые льготы и санкции; эксплуатационные расходы бюджетных учреждений; общие и целевые субсидии (включая предназначенные для оплаты государственных заказов); доходы и расходы внебюджетных фондов; доходы и расходы государственных предприятий и организаций.

Мотивационный механизм финансового регулирования, его диапазон, характер и способы практического осуществления определяются условиями исторического развития, типом государственного устройства, сложившейся социально-экономической структурой и иными специфическими для каждой страны факторами.

Механизм финансового регулирования социально-экономических процессов объединяет в себе элементы, посредством которых осуществляется передача и преобразование регулирующего импульса, то есть представляет совокупность средств и способов организации регулирования. Преобразование посредством финансов реальной социально-экономической ситуации в том или ином направлении может осуществляться только в ходе конкретного процесса регулирования. Речь идет об организованной государством последовательности конкретных мероприятий по целенаправленному воздействию на отдельные сегменты воспроизводства.

Основные составляющие моменты процесса финансового регулирования экономики и социальной сферы формируются на базе решения вопросов о масштабах и способах государственного перераспределения стоимости. Центральное место среди них занимает поиск оптимальных пропорций деления вновь созданного дохода между общегосударственными фондами денежных средств, отдельными предприятиями, организациями и населением. Высокий уровень изъятия доходов у предприятий и населения ведет к падению хозяйственной активности, уменьшению потребительских расходов, снижению совокупного спроса на рынке, что способствует падению произведенного ВВП, а впоследствии и потенциальных доходов самого государства. Установление же низкого уровня изъятий одновременно сокращает государственные доходы и, естественно, сужает масштабы возможного государственного регулирования. Равенство поступления и расходов

финансовых ресурсов — свидетельство того, что формируемая государством часть платежеспособного спроса обеспечена материальным покрытием в виде общественного продукта.

Говоря о сознательном использовании финансов для регулирования воспроизводственного процесса, необходимо учитывать наличие двух тенденций, накладывающих отпечаток на уровень финансовой централизации. При определении уровня централизации ресурсов в общегосударственных фондах денежных средств обязательным является предвидение негативных последствий как от чрезмерного расширения, так и от экономически необоснованного сужения сферы финансового перераспределения стоимости. Рассматриваемые пропорции отчуждения созданного продукта имеют объективные границы, обусловленные необходимостью удовлетворения общегосударственных потребностей. Часть этих расходов является социально определенной величиной, формирующей минимальный уровень централизации. Оптимальный же их размер образуется под воздействием многих факторов, но, главным образом, упирается в решение проблемы обоснованного определения объемов государственных функций, в том числе в региональном разрезе.

Общую направленность изменений темпов роста общегосударственных денежных фондов обуславливает динамика важнейших макроэкономических показателей (ВВП, ВНП, НД и др.). Однако, несмотря на тесную связь финансов с общественным продуктом и национальным доходом страны, между ними не существует линейной зависимости, иными словами, отсутствует стабильное соотношение между объемом финансовых ресурсов и стоимостью созданного продукта. Степень централизации определенной доли денежных средств зависит от конкретных условий и способов хозяйствования, от достигнутого уровня развития экономического потенциала и степени зрелости экономических отношений, от масштабности патернализма, значимости и приоритетности намеченных к решению на данном историческом этапе экономических и социальных задач и, соответственно, от объема и структуры принятых к удовлетворению на совместной основе общественных потребностей. На величину общегосударственных денежных фондов оказывает непосредственное влияние не только внутренняя, но и международная экономическая и политическая обстановка. Сочетание этих факторов, их взаимное влияние друг на друга и предопределяют конкретный объем денежных средств, находящихся в руках государства. Поскольку недостаточное или избыточное государственное вмешательство является тормозом социально-экономического развития, необходимость приближения к оптимальной норме финансовой централизации бесспорна так же, как и отнесение последней к одной из важнейших характеристик макроэкономического равновесия.

Для обеспечения стабильности финансового положения страны, помимо уменьшения, а в перспективе ликвидации дефицита финансовых ресурсов, требуется поддерживать устойчивую сбалансированность между объемом общественных потребностей и размером денежных средств, аккумулируемых для этих целей в общегосударственных фондах. Соответствие между поступлением и расходованием финансовых ресурсов страны в целом должно служить одним из важнейших критериев рациональности того или иного варианта социально-экономической политики. В случае превышения прогнозируемого объема затрат над финансовыми ресурсами должны предусматриваться меры, направленные

на корректировку структуры производства, распределения и использования общественного продукта.

Таким образом, необходимым условием эффективного функционирования механизма финансового регулирования социально-экономических процессов, затрагивающим главнейшую сферу производственных отношений — отношения собственности — является опора на экономические интересы субъектов хозяйствования. Кроме того, законодательный характер государство должно придавать только тем перераспределительным отношениям, которые не только в данный момент, но и на ближайшую перспективу выступают для общества как жизненно необходимые и наиболее важные. В этом заключается достаточно условие успешного функционирования механизма финансового регулирования социально-экономических процессов.

К 20-летию Независимости Республики Казахстан

Культурное наследие и развитие философии современного Казахстана*

НЫСАНБАЕВ А.Н.

Философская рефлексия над культурным наследием не только возвращает нас к духовным истокам прошлого, но и заставляет задуматься о судьбах настоящего и будущего. Порой кажется, что, реконструируя прошлое, мы возвращаем исторический долг, но это не совсем так. В реконструкции прошлого заключена история прошлого и настоящего, а значит, не только мы интерпретируем прошлое, но и прошлое интерпретирует нас, и в этой герменевтике мы постигаем событийность самих себя.

Стратегический национальный проект «Культурное наследие (2009—2011 гг.)», инициированный Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым, стартовал в Казахстане в 2004 г. Смысл этого проекта заключен в том, что он является гуманистическим инструментом формирования духовно-нравственных ценностей. Проект содержит целый ряд важных стратегических задач: приобщение к мировому культурному наследию, сохранение преемственности и духовных связей человечества, формирование патриотизма, гражданского самосознания, определение культурной идентичности, уважение и признание культурного и языкового разнообразия и, наконец, признание национального культурного наследия.

Стратегической задачей проекта «Культурное наследие» являлось создание интегрального гуманитарного фонда для суверенного Казахстана на государственном языке. Программа включала в себя задачу перевода трудов представителей мирового философского наследия на казахский язык, а также реконструкцию философского наследия казахского народа с древнейших времен до наших дней. Необходимо было осуществить переводы классических, неклассических, постнеклассических философских трудов объективно и профессионально, без включения в этот процесс каких-либо субъективных факторов. Чтобы Платон, Аристотель, Кант, Гегель, Шеллинг, Хайдеггер, Деррида заговорили на казахском языке, потребовались колоссальные усилия профессионалов как в филологической области, так и философской.

* Статья опубликована в авторитетном международном журнале Российской академии наук «Вопросы философии», Москва, 2009, №11.

Казахский язык — один из богатейших языков мира — имплицитно содержит в себе философскую рефлексию о мире, поэтому многие мировые философские шедевры вполне ему созвучны. Однако представитель той или иной философской культуры является носителем национального философского языка, поэтому возникает проблема передачи логики смысла философского текста логически-смысловыми понятиями универсального профессионального философского языка.

Феномен перевода включает в себя две философские проблемы: понимание и взаимопонимание. Как известно, обозначенная Ф. Шлейермахером проблема понимания в герменевтике сегодня приобретает смысловую направленность от понимания к взаимопониманию, которую мы находим в «предпонимании» (Х.-Г. Гадамер).

Предпонимание в феномене перевода заложено в традиции философствования. Понимание, передающееся посредством языка в герменевтическом опыте, ведет к взаимопониманию в пространстве коммуникативной диалогической философии. Естественно, что возникает сложнейшая задача при переводе — задача сохранения уникальности чужого и собственного языка. Проблема интертекстуальности в переводе, представленная в герменевтической связке «оригинал — перевод» представляется нам как проблема межкультурной, межъязыковой коммуникативной практики.

Еще Гумбольдт отмечал, что невозможно найти «чистый» эквивалент перевода того или иного слова. И это справедливо, особенно по отношению к философии и поэзии. Известные работы Ортеги, Рикера и других авторов подвигают нас к философскому осмыслению феномена перевода. Он объединяет различные многополярные точки зрения, снимает разобщенность, способствует цивилизационному диалогу. Все эти моменты учитывались учеными Казахстана при переводе и интерпретации мирового философского наследия. В советский период перевода философского наследия на казахский язык был «дозированным», а герменевтика западных философских текстов осуществлялась только под углом зрения «диалог-мат-истматовского» подхода. Переводилось, конечно, и классическое наследие, но лишь фрагментарно.

Интенсивная переводческая деятельность в Казахстане сегодня связана с проводимыми в республике социальными, политическими, культурными и гуманитарными реформами. Трансляция европейских и восточных философских знаний способствует развитию отечественной философской мысли, именно поэтому перевод должен быть глубоким, комментарии к философским текстам должны соответствовать авторам текстов или, по меньшей мере, находиться в их проблемном поле. Популяризация мирового философского наследия — это еще одна актуальная задача современности, решение которой находится в русле философии образования и философии истории. Сегодня в Казахстане создана научно-теоретическая база на казахском языке, открывающая возможность простор для интерпретаций, компаративистики, для профессиональных исследований, для развития и формирования различных философских и культурологических школ.

Таким образом, проблема культурного наследия является философской проблемой. Постановка самого вопроса о том, что мы наследуем, какова истина наследия, заставляет задуматься об онтологии наследия. Именно поэтому необходимо выработать методологическую позицию по отношению к наследию, требующую

рассмотрения ее не с точки зрения прошлого, а с точки зрения настоящего. Философствуя над прошлым, мы, вольно или невольно, исходим из существующей идеологии, политики, но ведь философская рефлексия должна быть освобождена от идеологизированного «метода» исследования, поэтому и необходимы научные подходы в интерпретации наследия и глубокие профессиональные переводы.

Герменевтика и перевод философской классики, неклассики, постнеклассики на государственный язык осуществляется с учетом проблем современного глобализирующегося мира, духовных потребностей нашего общества. Как известно, XXI в. будет веком гуманитарных наук, в связи с чем создание гуманитарного фонда страны в перспективе — это создание арсенала духовного оружия.

Один из важнейших этапов в государственной программе «Культурное наследие» — реконструкция «Философского наследия казахского народа с древнейших времен до наших дней». Сегодня в Казахстане так же, как и в других государствах постсоветского пространства, актуален и стратегически важен вопрос о преемственности и связи нашего прошлого с современными реалиями. Как в условиях глобализирующегося мира сохранить собственную уникальность, определить культурную идентичность? Как преодолеть «искусительную» возможность подражания западным или восточным образцам? Как развивать свою национальную философию в контексте мировых философских проблем? Все эти непростые вопросы решались при реконструкции отечественного философского наследия.

Казахстанский Ренессанс в освоении духовного наследия, начавшийся именно с реализации программы «Культурное наследие», обнажил проблемы самоидентичности, самобытности, соотношения национального и глобального. Все эти проблемы назревали в связи с декадансом и кризисом в философии XX в. Уже в советский период разразился кризис отечественной философии, а после распада Советского Союза даже пришлось доказывать, что философия необходима. Этот кризис был связан как раз с постепенным угасанием интереса к национальной философии, что привело к нивелированию и полному пренебрежению к ней. В этот сложнейший период для философской науки Казахстана реконструкция казахской философии была своего рода гражданским подвигом.

В советское время казахская национальная философия понималась только в контексте философии Просвещения, в русле просветительских идей изучались и интерпретировались труды казахских мыслителей. Именно поэтому большое количество философских исследований являло собою хаотичный альманах отдельных текстов и высказываний, соответствующих идеологии «Просвещения», что отнюдь не вело к истокам подлинной казахской философии. Вопрос о «непрофессиональности» национальной философии поднимался все чаще и чаще, звучали обвинения в ее теоретической, аналитической ущербности. Все это приводило к неконструктивной критике философского наследия прошлого. Раскрыть казахскую философию как глубочайшую метафизическую рефлексию позволило новое историческое время, современное мироощущение Казахстана и продуманная гуманитарная политика Президента нашей республики. Благодаря реализации проекта «Культурное наследие», открылась возможность современной аксиологической интерпретации философской мысли казахов.

Философия как квинтэссенция исторического сознания раскрывает нам смыслы тюркской, номадической рефлексии, вливаясь в поток всемирной человеческой истории. Изучение культурного наследия связано с вызовами и угрозами

современного мира, поэтому необходимо было разработать приоритеты, новые подходы и методы в изучении и реконструкции наследия, а особенно в реконструкции казахского философского наследия, которое является идентификационным сущностным кодом, заключающим в себе историческую и этническую память, духовную практику и коммуникацию с миром.

Издание в рамках программы «Культурное наследие» 20-ти томов, охватывающих философское наследие казахского народа, начиная с древнейших времен до наших дней, 10-ти томов собрания сочинений аль-Фараби, 20-ти томов мирового философского наследия способствует не просто переоткрытию культурного наследия. Оно помогает духовно-нравственному развитию человека, который будет укоренен в своем подлинном человеческом бытии, способным к подлинной культурной коммуникации.

В выступлении Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева было отмечено, что программа «Культурное наследие» отнюдь не ограничивается сугубо утилитарными целями восстановления историко-культурного достояния прошлого. Ее главное предназначение — достичь позитивных сдвигов в общественном сознании, и в этом контексте она имеет важное идеологическое общегосударственное значение. Речь идет об усилении роли и расширении пределов исторического сознания нации, что является одной из важнейших духовно-нравственных основ нашей государственности [1].

Переоценка советских ценностей за годы независимости Казахстана привела и к пониманию того, что философия может быть схвачена не только в логической форме, но и в поэтической. Казахская философия не вписывается в стандарты европейской философской мысли: как и любая национальная философия, она выходит за пределы и границы научного знания. Уникальный философско-поэтический дискурс номадов раскрывает предельные основания и смыслы бытия собственными, выработанными в ходе духовно-материальной практики средствами, формами, номадическими концептами.

Мудрецы Великой Степи создали этическую систему философии, в которой категории «совесть», «свобода», «счастье», «справедливость» созвучны этической философии Канта, Фихте, Хайдеггера. Экзистенциальные рефлексии Асана Кайгы, Шалкиза жырау, Бухара жырау, философская антропология Абая, религиозная философия Шакарима являются частью мирового философского наследия, той частью, которая составляет герменевтический круг диалога философии Запада и Востока.

В последнее время высказываются идеи об экзистенциальном характере творчества Абая, который в своих знаменитых «Словах назидания» раскрывал сущностные пласты бытия через свой индивидуальный жизненный опыт страдания и счастья. Мне же представляется, что именно Абай дал герменевтическое истолкование традиционной культуры казахов как целостного текста. Такой продуктивный подход обнаруживает национальную уникальность не только философии Абая, но и казахской философии вообще. Абай — выразитель казахского менталитета, основанного на целостном отношении «человек — мир». В его антропологии появляется особый тип личности, умеющей мыслить сердцем и разумом. Уметь мыслить сердцем — значит уметь смягчить слишком рафинированную, рационалистическую коммуникативную практику столетия. Абай ратует за просвещение и изучение науки, но в то же время он предупреждает о тающихся угрозах в науке

лишенной совести и нравственности. В своей философии он осуществляет принцип разумного сердца или совестливого разума. «В ком господствуют чувства любви и справедливости — тот мудрец, тот учен» [2], — указывает Абай.

Можно провести здесь параллели с идеями фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, который стремится к восстановлению целостного отношения «человек — мир» и вводит термин «внутримировость». В современном мире, согласно мнению Хайдеггера, сокращаются все дали и расстояния. Но, приближаясь, вещи от нас удаляются. Они перестают «вещиться», потому что человек хочет их только использовать, потреблять. Целостность восприятия мира утрачена. И Хайдеггер старается вернуть западному человеку то мироощущение, которое в философии Абая называется «разумным сердцем». Когда мы подносим кому-то чашу с водой, то «в подносимой воде присутствует источник. В источнике присутствует скала, в ней — темная дрема земли, принимающая в себя дождь и росу неба. В воде источника присутствует бракосочетание неба и земли» [3]. Спасение западной цивилизации Хайдеггер связывает с обращением к богатому духовному опыту Востока. Конечно, он, как известно, тяготел к японскому стилю философствования и, возможно, усматривал единство Dasein и Дзэн. Но ведь и Абай мыслил в том же онтологическом направлении поиска истока, из которого бы высвечивалась истина философии и которую бы человек вносил в мир.

Если западная философия в XXI в. осознает необходимость возвращения к той онтологии, которая ориентировалась на гармонично-целостное отношение человека к миру, то философия казахского народа сохранила в себе это гармоничное миропонимание и мироотношение. Она отшлифовывала каждую поэтическую философскую форму в своей традиционной культуре, в творчестве великих акынов и жырау, в фольклоре, произведениях казахских мыслителей. В тяжелые времена, когда насаждалась идеология советского тоталитаризма, подлинная жизнь казаха соотносилась с его традиционной культурой, способствуя той философской рефлексии, которую можно идентифицировать с казахской философией. Именно это мироотношение оказалось актуальным в эпоху формирования интегрального мировоззрения человечества, вступившего в новое тысячелетие. Казахская философия является важнейшим выражением духовной независимости Казахстана и целостного мировоззрения, складывавшегося на рубеже тысячелетий.

Освоение культурного и духовного наследия казахского народа всегда осуществлялось с позиции личностного подхода. Абай в своем творчестве, как и мы сегодня, не только философствует над прошлым, оно является его духовной опорой. В текстах мыслитель ностальгирует по номадической открытости, безыскусной простоте, императивам нравственности. Не зная прошлого своего народа, невозможно глубоко понять настоящее, а тем более будущее, стать духовно богатой личностью. Философия тюрков и номадов существовала в художественно-поэтической форме. Поэтому важно познание современной молодежью исторического бытия собственного народа, необходима сама трансляция социокультурных предпосылок, ценностей и особенностей богатой и уникальной философии номадов.

Казахская философия имеет громадный и богатый материал традиционной культуры, сложный зашифрованный текст, который еще требует своего истолкования. Эту важнейшую герменевтическую задачу решает казахстанская фи-

лософия XXI в. Осуществляя свою важнейшую миссию, казахская философия включается тем самым в контекст мировой культуры и философии, чтобы сказать свое слово.

Западная философия в лице постмодернизма фиксирует объективную ситуацию в культуре, когда происходит утрата реальности, формируется множество искусственных миров, «демонтируется логика знака» (Ж. Деррида) и человек вовлекается в сложные сети коммуникаций, информационных потоков, становится подданным империи Интернета. Он принят в текстуру иных отношений более комплексных и мобильных, чем когда-либо. Но над ним нависает угроза — затеряться в лабиринтах искусственных миров, самому превратиться в «симулякр», копию без оригинала, без реального мира. Но там, где обнаруживается угроза, всегда найдется спасение. И, как всегда, в самые ответственные моменты истории на помощь призывается философия. Она должна определить сегодня свое предназначение как «спасение мира» (термин М. Мерло-Понти), возвращение реальности, земного бытия, жизни. Именно эту задачу и решает казахская философия. Кстати, можно сказать, западная философия сегодня все чаще обращается к Востоку, который сохранил исток бытия, удержав реальность, предотвращая угрозу забвения подлинного бытия.

Современный Ренессанс казахской философии привел к осознанию того, что необходимо задуматься и о существовании казахской философии. Если казахская национальная философия разворачивалась в диалоге этики и антропологии, то современная казахстанская философия, проистекая из своего национального духовного истока, вливается в диалог с философией Запада и Востока, пытаясь найти собственную философскую нишу и развиваться в контексте мировых философских течений.

Проект «Культурное наследие» решает ряд важных проблем. Во-первых, перевод и герменевтика текстов мирового философского наследия осуществлена с новых, постнеклассических, подходов. Освобожденные от прежних догматических интерпретаций тексты великих философов говорят сегодня на казахском языке, вливаясь в сотворческий коммуникативный диалог с современной казахстанской философией. Во-вторых, герменевтика казахского философского наследия, реконструкция казахской духовности, тюркского духовного опыта исламского, номадического и традиционного культурфилософского дискурса способствует формированию философии взаимопонимания в нашем непростом мире. В-третьих, освоение мирового философского наследия, частью которого является и казахская философия, необходимо для духовно-нравственного развития и духовного Ренессанса человечества.

В этом освоении представленный философский опыт подвигает на разработку казахскими философами проблем в русле актуальных направлений современной философии: герменевтики, фундаментальной онтологии, постструктурализма, постаналитической философии, постмодернизма. Казахская философия должна также иметь свой философский голос в диалоге современных философско-культурологических школ, решая важнейшую актуальную проблему XXI в. — духовно-нравственное развитие человека.

Проект «Культурное наследие» — это основа для разработки темы духовно-нравственного развития личности в контексте аксиологической казахстанской философии. Этический смысл казахской философии, раскрывающийся в ин-

терпретации духовного наследия, должен быть доминирующим в философии ценностей казахстанского общества.

Концепт триединства Абая — любовь к Богу, к человечеству и справедливости — является квинтэссенцией казахской этической философии. Имея в своем духовном арсенале такие концепты, казахстанская философия просто обязана выходить за пределы своего «исторического сознания». Эти философские концепты транснациональны, они открывают возможность преодоления замкнутости национальной философии, формируя гуманитарную систему знания, где «схоятся» гармонично философия и религия, поэзия и музыка, наука и мистицизм, исполненные нравственного содержания.

Проблема духовного становления личности связана, прежде всего, с философией образования. Современная модель образования по своей сути — это модель западного образца. Конечно, ориентированность Запада на традиции рационализма является в ней преобладающей. Провозглашенные философами Запада эмпирические лозунги: «Знание — сила», «Знание — власть» в прагматической модели современного образования актуальны, но не являются абсолютно адекватными современным запросам человечества. Сегодня необходима такая модель образования, которая нацеливала бы на интегральное понимание мира через призму духовно-нравственной парадигмы. В этой модели образования необходимо развивать духовный потенциал человека, формируя в нем нравственное начало. Опора на учения великих западных философов, представленные в их философско-педагогических трудах, на учения выдающихся мыслителей казахской философии: аль-Фараби, Ясави, Абая, Алтынсарина, Шакарима позволяет нам сегодня разработать такую модель образования, в которой человек должен стать человеком, не столько *приобщенным* к нравственным ценностям, сколько *нравственным человеком*. Реконструируя мировой философский опыт, мы возвращаем человечеству источник духовной живительной силы, пробуждающий способность к сотворческому взаимопониманию.

Духовное становление личности в сочинениях казахских мыслителей раскрывается через постановку проблем онтологии духовного. Традиции казахского народа, религия, весь строй души и мыслей входят в структуру и содержание философии образования, которая ориентирует на созидание гуманистического потенциала, развивающего феномен духовности в контексте общечеловеческих и казахских ценностей. Сегодня этот вопрос актуален и сложен, ведь под духовным становлением личности мы должны понимать и процесс воспитания, а значит, в него вовлекается проблема соотношения не только традиционных и общечеловеческих ценностей, но и ценностей религиозных. Невозможно понять душу той или иной культуры вне религии. Казахстан, как и Россия, — государство полиэтничное и многоконфессиональное, поэтому необходимо изучение основ религиозной культуры народов, проживающих на территории Казахстана, но особенно — изучение исламской традиции, так как ее значение в духовном становлении и развитии личности в казахской культуре очень велико.

В серии «Философское наследие казахского народа» были изданы труды таких мыслителей, которые наметили важные подходы к феноменологии тенгрианства и феноменологии ислама. В этих учениях явно проглядывает модель непрерывного образования, смысл которой заключен в непрерывности процесса духовного становления человека. Возможно ли создать систему образования как систему

духовного становления личности, не имея духовных истоков? Невозможно. Только имея наличный богатый духовно-нравственный опыт, духовно-гуманитарный капитал, передающийся от поколения к поколению, соединивший в себе традиции, обычаи, духовную высоту, мы можем создать концепцию нравственно-философии образования.

В этой концепции наибольшую значимость представляет язык. В духовном становлении личности он играет наиважнейшую роль, поэтому издание мирового и отечественного философского наследия на казахском языке — это стратегическая задача формирования культуры речи, культуры разговора, культуры диалога. В осуществленных переводах необходимо было избежать малейшего искажения языка, потому что искажение неизбежно ведет к утрате уникальности слова, впоследствии к утрате смысла бытия. Прекрасно об этом сказал Хайдеггер, по мнению которого, язык — это дом истины бытия.

Осуществленная в программе «Культурное наследие» гуманитарная миссия реконструкции духовного является и миссией реконструкции классического казахского языка. Это возрождение классического языка было возрождением языка философского, который является выражением национальной философской самоидентификации и рефлексии. В «Словах назидания» Абай раскрывает через слово самопонимание и самотрансцендирование казахского способа философствования. Абай, являясь приверженцем идей просвещенного гуманизма, тем не менее, считал, что «предельные смыслы» можно выразить только собственным языком, языком своей культуры — единственно возможным способом выражения своего «Я» в мире. Мир в себе. Подстраиваясь под европоцентристские методы философской артикуляции, мы зачастую, даже пытаясь преодолеть картезианскую программную установку на рациональность, избавиться от притязаний трансцендентальной субъектности и философской страсти по Декарту, фатально и безотчетно стремимся выделить рефлексивный потенциал мыслительных процедур. А вот Абай считал философию великим искусством, способным извлечь гармонию метафизики бытия из души человека, а способом звучания при этом должен быть язык народа. Абай в своей философии провозгласил приоритетными духовную, нравственную и коммуникативную практику жизни человека. В его этической философии фундаментальные гуманистические ценности выступают в качестве структуры философского самосознания. Духовность и человечность он считал главными в обучении, воспитании и образовании человека.

Проясняя семантически смысл феномена «духовность», мы не очень задумываемся над его отличием от материального. Как часто мы употребляем выражения «духовное обогащение», «духовные смыслы», «духовные поиски», в последнее время все чаще — «духовная деградация», «духовная дезинтеграция», «духовная нищета» и порой апплицируем их на какие-то внешние формы обыденности, которыми утрачивается и ускользает смысл духовности. Но что же такое духовность? В различных философских и энциклопедических словарях под духовностью понимается соотносительность с духом, с Вечным, с Богом, с душой. Кстати надо заметить, что в последних философских словарях «духовность» не является предметом философской рефлексии и этот печальный факт нашей эпохи, постмодерна и постистории (надеюсь, не постдуховности), возможно, знаковый.

Не призывая, подобно Ницше, философствовать молотом, тем не менее, считаю необходимым вернуть духовность в лоно философии, а философию призвать

творить духовно, философствовать из души, из потаенных уголков человеческой души рождать знание о Вечном и конечном, возвышая человека в его духовности и придавая духовности смысл человечности. Именно таким способом философствования отмечены учения аль-Фараби, Абая, Шакарима.

Современный процесс становления личности, как уже было отмечено, не может состояться без качественного образования. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своих выступлениях по проблемам реформирования отечественного образования отмечал, что угрозой национальной безопасности является непрофессиональное образование, а также образование, лишенное нравственно-духовных принципов. Совершенно верно, ведь национальная безопасность любого государства включает бережное отношение к культурному и духовному наследию, а популяризация культурного наследия должна быть не столько дескриптивной, сколько действенной. А для этого в созданном сегодня казахстанском гуманитарном фонде существуют образцы духовно-нравственной стратегии.

В национальном проекте «Культурное наследие» заложены принципы культурного возрождения Казахстана в условиях глобализации. В этой культурной стратегии осуществляется национальный проект социокультурной идентичности. Для прояснения указанных идей и решения задач социокультурного характера казахстанскими учеными разрабатываются философско-политологические направления в русле этих современных актуальных и весьма перспективных тенденций.

Если после распада Советского Союза речь шла вообще о легитимности философии, то сегодня перед нами другая проблема — проблема релевантности философии современным реалиям. Прошедшие философские конгрессы, конференции самого высокого уровня поднимали те вопросы, которые жизненно актуальны в мировом социуме. Конгрессы и конференции, проводимые в Казахстане, в повестку дня ставят вопрос о самости и сущности казахстанской философии. Сегодня в результате развития информационных технологий, расширения международных и личностных (философских) связей мы уже не можем сетовать на то, что западные источники нам не доступны. Сегодня, наконец-то, представляется более или менее ясной картина западной философии, а потому мы можем определить свою, казахстанскую философию, во-первых, как философию, свободную от внешних идеологических императивов, во-вторых, как философию, возрождающую национальную духовность в современной ценностной парадигме.

Меня могут спросить о том, не пытаюсь ли я реанимировать диалектическую философию, приспособленную к новым условиям? Реконструкция советской модели диалектики уже невозможна, она остается одним из философских дискурсов, не более. Не дистанцируясь абсолютно от диалектики и критической философии, современная казахстанская философия — это философия, которая должна быть интегральной и в то же время критичной. Некритичность, однако, не означает «всеядность», а мы должны осознавать, что в абсолютном критицизме всегда скрывается угроза превращения в тоталитарную философию. В связи с этим меня также можно упрекнуть в размывании смысла философии, в позиционировании постмодерна. Но реальность такова, что мы должны принимать любые философские направления как обладающие правом легитимности. Если же мы говорим о самоопределении казахстанской философии, мы должны понимать ее как некое целое, которое разворачивается в дискурсе современного проблемного поля.

Однако можно ли сказать, что сегодня в мировой философии узнаваем этот казахстанский дискурс? К сожалению, нет. Сложности здесь вот какого порядка. Можем ли мы полностью демаркироваться от своего советского философского прошлого и нужно ли нам это? Все ли было так плохо в советской философии, отрицая которую абсолютно, мы превращаемся в лицемеров, ибо более чем семидесятилетнее философствование исходило из советской онтологии, в которой мы искренне бытийствовали. Блестящая плеяда советских философов того времени и сегодня является лицом современной философии на постсоветском пространстве. У нас в Казахстане в советский период развивались две философские школы — диалектическая логика и философия и методологии науки, успешно разрабатывавшие фундаментальные философские проекты, которые были известны за пределами Союза. Конечно, в это время на Западе уже вышла работа Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», постмодернистские теоретические работы Ж. Деррида, Р. Барта, М. Фуко и др., а мы все еще интенсивно изучали экзистенциализм, который уже и не выражал суть времени, и только в начале 1990-х пришла «запоздалая» любовь к постмодерну.

Последний XXII Всемирный философский конгресс в Сеуле с его экзистенциальной направленностью на переосмысление философии, по сути дела, возвращает нас к прошлому. Что значит переосмыслить, означает ли это произошедшее уже факт осмысления философии вчера и готовность к переосмыслению как пересмотру, переоценке, перепрочтению? В этом «переосмыслении» кроется множество смыслов, подводных камней, ведущих нас к творческому осмыслению, к творчеству философии и философскому сотворчеству.

Казахстанская философия, реконструируя богатейшее философское наследие казахского народа и благодаря свободной герменевтике мирового философского наследия, выявила для себя новые возможности и перспективные направления исследований. Среди них: философия взаимопонимания, современная тюркская философия, планетарная этика, феноменология ислама, номадическая эпистемология, философия тенгрианства, неофарабиеведение, казахстанское евразийство. В контексте современных глобальных проблем вновь развиваются когда-то в совсем перспективные направления в Казахстане — философская компаративистика и философская герменевтика, которые актуализировали перспективность диалога философии Казахстана в коммуникативном пространстве Востока и Запада. Особо перспективными для казахстанской философии являются компаративистика и герменевтика философского наследия Китая и России. Русская философия в советский период, как и казахская философия, содержащая в себе национальную самобытность и уникальность, была предметом несвободной, но объективной философской рефлексии. Сегодня же, благодаря проекту «Культурное наследие», мы перевели труды выдающихся русских философов Н. Бердяев, В. Соловьева, Л. Шестова, работы многих евразийцев и по возможности воссоздали значительную философскую «руссиану» в ее национальной неповторимости и индивидуальности. Это возрождение русской философии на казахском языке открывает возможность изучения русской философии в контексте национальных идей, идеи евразийства, идеи диалога философских традиций России и Казахстана. Опыт подобных исследований показал, что укрепились научные контакты с российскими учеными, также занимающимися этой важной геополитической и геофилософской проблемой.

Следующее направление в философской компаративистике и философской герменевтике — это прочтение китайской философии в казахстанском дискурсе. Все эти направления являются перспективными для дальнейших исследований в области онтологии и антропологии. Казахскими философами достигнуты значительные результаты, связанные с творческой реализацией национального проекта «Культурное наследие». Удалось трансформировать онтологический и антропологический концепты с учетом достижений современной восточной и западной философии и современными данными наук о человеке. Главной интенцией этих исследований является формирование культуры толерантности и планетарной этики взаимосогласия и доверия с ориентацией на духовные ценности и приоритеты.

Остается актуальным значение методологической составляющей философии в формировании современного концептуального мышления, как в процессе собственно научного образования, так и для развития общенационального менталитета. Актуальность поддержки методологических исследований для развития научного мышления связана с утратой прежних канонов воспроизводства научных знаний, необходимостью введения новых моделей подготовки научных кадров. Для этого инновационного перехода необходимо разработать собственные теоретико-методологические подходы, синхронизированные с тенденциями в развитых странах, где имеется опыт соизмеримости в развитии фундаментальных и прикладных исследований, результативность которых направлена на эффективность управления социумом. Актуальность с позиций динамики ментальности общества в целом вызвана ситуацией утраты массовым сознанием рационального отношения к миру, возрастанием эклектичности мировосприятия и тягой к иррационализму. Поэтому необходимо осуществление методологического подхода к выявлению алгоритма мыслительных процессов в обществе, их постоянному научному мониторингу как неперемennomу условию и предпосылке принятия эффективных управленческих и политических решений.

Тематика эпистемологических исследований связана с изучением оснований современного научного знания, типами научного мышления, осмыслением арсенала научных методов и изучением тенденций в сдвигах базисных теорий, при помощи и на основе которых исследуются все ключевые вопросы динамики современной жизни, ее различных сфер: экономики, политики, культуры, науки, образования.

Ядром всех философских исследований является фактический потенциал научного мышления. Последний формируется в определенной традиции подготовки научных кадров в университетах, в творческих мастерских и лабораториях, научных центрах. Изучение науки и познавательного процесса в целом совершенно необходимо для исследований в когнитивных науках, синергетике, социальных и гуманитарных дисциплинах.

Осмысление динамики научного процесса, измерение его разнообразных характеристик (не только количества публикаций и индексов цитирования, а в первую очередь новой дисциплинарной структуры знания, динамики научных сообществ, развития направлений и школ, трансформирующихся научных стилей, взаимосвязи достижений науки с практикой обучения в университетах) требуют институциональной поддержки. Все эти проблемы проясняются в связи с духовным осмыслением культурного прошлого. Благодаря реализации национального

стратегического проекта «Культурное наследие», мы также пришли к пониманию связи философии с конкретной исторической практикой и начали интенсивную разработку научно-прикладных исследований в области казахстанской социологии и политологии.

Развитие эпистемологических исследований поможет воспроизвести целостность казахстанской науки как социального института, вида особой деятельности, образа мышления, существенно влияющих на достижение искомой государственной идентичности в современном цивилизационном пространстве.

В настоящее время философия — феномен разнообразный и весьма относительный. Должны ли мы сегодня в различных философских течениях выяснять, какие направления и тенденции считать современными, должна ли быть конструктивная критика современного философского дискурса? Как не согласиться в этой связи с М. Фуко: «Есть всегда нечто смехотворное в философском дискурсе, который хочет извне диктовать закон другим, указывать им, где лежит их истина и как ее найти, или же когда он берется вести расследование по их делу в наивно-позитивном духе. Его право, напротив, в том, чтобы разыскивать то, что в его собственной мысли можно изменить через работу со знанием, ему чуждым» [4].

Тем не менее нам необходимо выявить определенные тенденции в философии, репрезентирующие наше время и бытие, и, более того, определиться с ними в казахстанском философском дискурсе.

Несмотря на открывающуюся для казахстанских философов радужную перспективу свободной интерпретации современных философских течений, нужно уметь вовремя задуматься над тем, что интерпретировать и как. Зачастую в раздолье герменевтического плюрализма стираются и этические грани, составляющие духовный смысл тех или иных философских текстов. Сегодня казахстанская философия не испытывает кризиса, но я не был бы очень оптимистично настроен на будущее. И вот почему. Всякий расцвет ведет всегда к упадку, и потому необходимо сбалансированное понимание того, что философия — это всегда рефлексия над нашим настоящим. Но такая рефлексия возможна только при осознании и понимании собственного прошлого. Великие философы, раскрывая предельные смыслы человеческого бытия, искали причины духовной нищеты или духовного расцвета любого общества. Философия XX в. (а впрочем, и XXI в.) заявляет о том, что налицо кризис европейской культуры, но ведь истоки этого кризиса коренятся в далеком прошлом.

Кризис европейской культуры — нечто большее, чем кризис европейской ценности, потому что с Нового времени Европа стала флагманом общечеловеческой цивилизации. И это, прежде всего, благодаря, конечно же, развитию европейской науки, которая не только преобразовала всю европейскую историю и цивилизацию, но и принесла новую форму рабства для тех народов, которые оказались неспособными противостоять могущественным силам, которые даровала наука народам Европы. Однако наука, которая не принимала в расчет этические принципы, полагая, что они не определяют содержание и форму науки, что сама этика должна быть подчинена принципам научного доказательства, привела общественное развитие к чудовищным практическим результатам, которые поставили под подозрение величие и истинность научного мышления. И теперь недоверие к науке, которая коррелирует с европоцентризмом, грозит негативными

последствиями не только Европе, но и науке как таковой. Когда сейчас говорят о повороте к восточному мировоззрению, восточной метафизике, порой имеют в виду и «отвращение» от научного мира. Мы видим, что критика европоцентризма сопровождается усилением роли ненаучных форм представлений, которые поддерживаются представителями и религиозных конфессий, стремящихся к реваншу за «научный» атеизм, растоптавший чувства и жизнь верующих в странах социализма. И зачастую в восточной метафизике видят спасение для индивидуального, личностного философствования, скрытого за некими универсально-всеобщими формами. В философии Востока видят «пробуждающийся» разум. Уже давно пора прекратить считать философию Востока нерациональной, ненаучной и т.д. Еще в средние века Абу Наср аль-Фараби обосновал тип исламской философской рациональности.

Мне очень импонирует понимание философии итальянским философом Н. Аббаньяно, считавшим философию диалогом свободных людей, а путь человека в мире — этическим [5].

Резкого противостояния философии Запада и Востока не существует в метафизическом или онтологическом смысле. Философия — это действительно диалог свободных людей. А диалог, разворачивающийся в атмосфере свободы, приближает к философскому взаимопониманию.

Философия взаимопонимания — одно из основных и весьма перспективных направлений в казахстанской философии сегодня. Истоки этой философии — в традиционной казахской философии и философии аль-Фараби. Вобрав в свой духовный опыт эти трансцендентные этические образцы, современная казахстанская философия соединяет в себе духовный потенциал Востока и Запада, Азии и Европы [6].

Философия взаимопонимания — это философия, стремящаяся не просто понимать, но найти в этом процессе взаимопонимание. Феномен такого философствования был в интенциях казахских мыслителей, и сегодня он высвечивается в свободной казахстанской философии.

Аль-Фараби, заложивший основы философии взаимопонимания через принципы толерантности к другим культурам, религиям, духовным практикам, осуществивший этический толерантный диалог философии античности и средневековья, ислама, христианства и иудаизма, органично вошел в современный дискурс казахстанской философии взаимопонимания. В своей философии аль-Фараби раскрыл неограниченные возможности интегрального коммуникативного диалога между совершенно различными духовными и интеллектуальными мирами. Принцип взаимопонимания как способ освоения смыслового философского пространства античного наследия позволил аль-Фараби раскрыть диалогическую сущность философии и понять ее как диалог свободных, равноправных духовно-интеллектуальных практик. Через призму философского наследия аль-Фараби проясняется великий смысл философии взаимопонимания — коммуникативный.

Феномен взаимопонимания является онтологическим фундаментом для развития открытого диалога национальных философий и современных философских дискурсов, раскрывающих уникальность мира уникальными способами философской рефлексии.

Меня часто спрашивают о том, что я понимаю под философией взаимопонимания, и даже часто искренне удивляются, что такая философия вообще возможна.

Я считаю, что направление философии в контексте взаимопонимания — это одно из тех направлений, которые соединяют и содержат в себе все то лучшее, что было выработано европейской и восточной философией, все то, что сегодня входит в сокровищницу мировой философской мысли, где Восток и Запад сходятся в понимании вечного, непреходящего смысла бытия.

Опыт философствования аль-Фараби уникален тем, что мыслителю удалось раскрыть смысл взаимопонимания между греческой и исламской философией. Доказать их влияние друг на друга не представляется возможным, да в этом и нет необходимости. Но факт признания того, что существует единое интеллектуальное пространство взаимопонимания и оно своими истоками пребывает в философии — вот что главное. Основываясь на таком опыте, мы в казахстанской философии создаем сегодня полнокровную диалогическую философию взаимопонимания.

Таким образом, культурное наследие является питательной средой, формирующей сознание народа, осознание же собственного «Я» каждого народа невозможно вне и независимо от собственной истории, его героических или трагических событий, без боли и горечи за ее незаслуженно забытые страницы или огромную радость от свершенных побед. Историческое самосознание наиболее чувствительно к культурному наследию, оно, не побоюсь утверждать, ответственно за духовную пустоту и обнищание потомков некогда великих предшественников.

Самосознание народа в принципе не может быть оторванным от культуры и истории и, тем более, оно не может развиваться без опоры на прочную культурную и философскую традицию, «вписанную» в тенденцию новаторского развития, как, в свою очередь, трудно представить себе какие-либо культурные новации вне учета традиции. Я считаю, что проблема корреляции традиции и новации в культуре, соотношения с проблемой самосознания народа, во многом правильно решается тогда, когда она основывается на развитии деятельных, творческих возможностей человека, формировании свободной творческой личности, что является целью и условием развития суверенного Казахстана.

Казахстан — полиэтническое и поликонфессиональное государство, важнейшим условием и основанием устойчивого развития которого в условиях глобализации является межэтнический, межкультурный и межконфессиональный диалог. Он может быть продуктивным в условиях свободного духовного развития и обеспеченности этого свободного развития. Немаловажным фактором такого развития является предоставление свободного доступа к изданиям мировой культуры на государственном языке для казахского этноса, преобладающего в республике и являющегося государствообразующим этносом, и к изданиям богатого культурного наследия казахского народа для других этносов нашей страны, среди которых особенно выделяется русский этнос, чей язык, русский язык, является на настоящий период времени языком межэтнического общения.

Сохранение культурного наследия — естественная функция любого государства. Оно может называться полноценным, когда народ имеет доступ к конкретным предметам, в которых выражаются его духовные ценности, активно использует накопленный культурный опыт. Это, во-первых,

Во-вторых, так как мы, люди, являемся главным субъектом нашего государства, оно должно заботиться о внутреннем развитии каждого человека. Между тем сохранение и освоение культурного наследия являются важным элементом

укрепления самосознания всех этносов, проживающих здесь, основой их полноценного взаимодействия — межэтнического, межкультурного, межконфессионального. А это, в свою очередь, залог внутренней стабильности и безопасности Казахстана.

Таким образом, активное освоение культурного и философского наследия служит важнейшим инструментом динамики роста национального самосознания, укрепления национальной идентичности народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Н.А. Назарбаева на заседании Общественного Совета по реализации Госпрограммы «Культурное наследие». Опубликовано 19.02.2007 // Пресс-служба Президента РК, 14.02.2007.
2. Абай. Книга слов — Алма-Ата, 1993. — С. 90.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. — М., 1993. — С. 320.
4. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. — М., 1996. — С. 1.
5. Аббаньяно Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни / Пер., коммент. А.Л. Зорина. — СПб.: Алетейя, 1998. — С. 3—4.
6. Нысанбаев А. Философия взаимопонимания. — Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2001.

«Евразийский» бренд и поиск «золотого века» в контексте конструирования «национальной истории» Казахстана

КОЗЫРЕВ Т.А.

Общезвестным фактом является то, что одним из стратегических направлений любого нациестроительного проекта является конструирование *национальной истории* — целостного исторического нарратива, ставящего целью органично связать воедино прошлое и настоящее данного социума, а также определить основной вектор его самопроецирования в будущее. Как показывают многочисленные исследования в области теории нации и национализма, двумя ключевыми понятиями в любой национальной версии историографии являются так называемые «Золотой век» и «идеальное Отечество».

«Золотым веком» называют период в истории, воспринимаемый как наиболее благоприятный и служащий источником национальной гордости для данного национального коллектива. Например, для англичан такую роль играет викторианский период истории Британии, для монголов — времена Чингис-хана и возвышения Монгольской империи и т.п.

«Идеальное Отечество» есть приблизительно очерченная территория, которую данный национальный коллектив воспринимает как «свою по праву» и придает этому определенное сакральное значение на уровне коллективного сознания.

При этом территория современного национального государства (в случае наличия такового) далеко не всегда совпадает с «идеальным Отечеством» соответствующей нации. Например, Северный Кавказ или Сахалин входят в состав Российской Федерации, но не в «идеальное Отечество» русской нации (что, впрочем, не означает готовности последней добровольно расстаться с соответствующими территориями); при этом в «идеальное Отечество» русской нации входит территория другого государства — Украины, что постоянно придает особую психологическую остроту любым российско-украинским противоречиям. Другим ярким примером может служить город Стамбул/Константинополь

* Также следует особо отметить, что ассоциирование себя с определенной территорией (NB: при обязательном реальном проживании на ней) является одним из основных признаков этноса, согласно определению Э. Смита. Нация, безусловно, не является синонимом этноса, однако подавляющее большинство состоявшихся наций имеют явный этнический субстрат.

являющийся неотъемлемой частью «идеального Отечества» одновременно для турков и греков*.

Безусловно, проблематика «идеального Отечества» и «Золотого века» в любой национальной историографии составляет в немалой степени единое целое. Так, возвращаясь к приведенному выше примеру с «идеальным Отечеством» современной греческой нации, можно сделать следующее небезынтересное наблюдение. Упорное стремление современных греков по возможности «удревнять» свою историю и производить себя напрямую от Платона и Сократа, порой удивляющее сторонних наблюдателей, в действительности имеет вполне рациональное объяснение: хотя в культурно-цивилизационном отношении современная Греция является преемником не столько античной Эллады, сколько Византии — также великой цивилизации с тысячелетней историей, — последняя, как известно, закончилась сокрушительным поражением, концентрация на воспоминании о котором, очевидно, никак не способствует укреплению позитивной идентичности у потомков ромеев-византийцев. Безвозвратная потеря столицы (и в целом азиатской части бывшей Восточно-Римской империи) с последующим образованием нового греческого государства на территории древней Аттики (в 1830 г.) со столицей в Афинах, очевидно, актуализирует именно «воспоминания» — в основном позитивные — об античном периоде, помогающие существенно смягчить историческую травму падения Византии и потери Константинополя.

Тем не менее, несмотря на взаимосвязанность указанных двух проблематик, далее мы не будем подробно развивать тему «идеального Отечества» применительно к Казахстану ввиду малой ее актуальности в контексте евразийской тематики, а также (к счастью) отсутствия явно выраженных «конфликтов идеальных Отечеств» между РК и сопредельными странами**. Вместо этого мы далее сосредоточимся на проблематике *казахского «золотого века»*, приобретшей реальную актуальность в последние годы.

Особое внимание в этой связи привлекают имеющиеся в последнее время попытки «казахизации» исторической фигуры Чингис-хана и создания представления о казахской государственности как о прямом наследнике и правопреемнике Монгольской империи. При всем скептицизме, который может вызывать «мегаломания» такого рода, она лишь отражает *реально существующую проблему* — искусственную *вырванность* казахской историографии, оставшейся нам в наследство от советского периода, из *общего контекста* центральноазиатской и, шире, евразийской истории.

Здесь мы хотели бы отдельно остановиться на понятии «евразийство» и на его роли для развития Казахстана — в том числе отечественной *историографии*. Общеизвестным является определение, данное Казахстану Президентом Н.А. Назарбаевым в Стратегии «Казахстан-2030»: «Мы — евразийская страна,

* Такого рода ситуации в научной литературе называют «конфликтом идеальных Отечеств»; в некоторых случаях, к сожалению, конфликты могут переходить из «виртуальной» сферы коллективного сознания в реальный мир и приводить к вполне материальному кровопролитию. Территориальные конфликты между государствами, а также сепаратистские и ирредентистские конфликты приобретают особую остроту в случае присутствия фактора «идеального Отечества» хотя бы для одной из сторон. Здесь мы намеренно рассматриваем примеры, далекие от Казахстана, с целью наглядно продемонстрировать суть данного явления, избегая при этом эмоционально значимых для нас ассоциаций.

** Вероятно, можно утверждать, что «идеальным Отечеством» казахов является вся «Великая Степь» — географическая зона настолько широкая и в то же время нечетко очерченная, что невозможность каких-либо конкретных ирредентистских политических проектов на этом основании самоочевидна (не говоря уже об их противоречии реальным интересам Казахстана).

имеющая собственную историю и собственное будущее» [1]. На сегодняшний день «евразийство» можно определить как направление в творчестве публицистов, как определенную школу геополитической мысли; можно также говорить о «евразийском» мотиве в литературе, в поэзии [2].

Под вопросом при этом оказывается «классическое» понимание евразийства как культурологической концепции: так, например, сам Глава государства в качестве «трех китов евразийской идеи» называет ЕврАзЭС, СВМДА и ШОС [3]. Очевидно, что два из трех названных проектов, реализованных по инициативе Казахстана (СВМДА и ШОС), основаны на понимании «евразийства» как прагматичной стратегии сотрудничества и безопасности на всем большом Евразийском континенте, включая Китай и Ближний Восток, что, очевидно, не имеет уже никакого отношения к культурологическим построениям классиков евразийства 1920-х гг.*

Тем не менее мы со всем основанием можем говорить о евразийстве, как об эффективном политтехнологическом продукте, призванном выполнить текущие и перспективные задачи его авторов [4]. Более того, по нашему мнению, идею евразийства можно адекватно расценивать как один из казахстанских брендов, притом уже давно и успешно «раскручиваемых».

Как уже говорилось выше, основными задачами успешно выстроенной версии национальной истории являются нижеследующие:

- органично связать прошлое данного общества с его настоящим;
- определить основной вектор его самопроецирования в будущее.

Помимо этого, весьма желательным является предъявление также следующих требований к национальному историческому нарративу:

- внутренняя связность и непротиворечивость;
- определенный уровень научности — иначе говоря, отсутствие явного противоречия известным историческим фактам;
- способствование формированию позитивной самооценки у членов конструируемой национальной общности (иначе говоря, «национальной гордости»);
- отсутствие явных противоречий с прагматическими интересами внутренней и внешней политики — если речь идет о независимом национальном государстве.

По нашему мнению, обращение к наследию евразийства может обеспечить эффективное решение всех перечисленных выше задач, а также успешно решить проблему «поиска золотого века» для казахстанской историографии.

Нашим основным тезисом в данной связи является следующее положение: за отправную точку в истории становления казахской государственности следует принимать, конечно, не основание Монгольской империи Чингис-ханом — но также и не образование Казахского ханства в XV в.; таковой отправной точкой следует считать образование Джучиева улуса — Золотой Орды (Алтын Орда) после распада империи Чингиса.

Обращение именно к наследию Золотой Орды — великого евразийского имперского государства — представляется наиболее перспективным как с прагматической точки зрения, так и с точки зрения исторической правды.

* Заключенный Таможенный союз с Россией и Беларусью мы здесь не упоминаем, так как под этот проект «евразийское» идеологическое основание не подводилось; речь с самого начала шла лишь об экономических и (возможно) политических его аспектах.

С прагматической точки зрения преимущества такого проекта заключаются в следующем:

- безусловно, позитивная самооценка для казахского этноса, являющегося консолидирующим ядром казахстанского общества («ұлыстың ұйытқысы») [5];
- дальнейшее укрепление евразийского бренда Казахстана;
- своего рода «историческое обоснование» полиэтничности и поликультурности современного Казахстана, причем без ущерба для казахской доминанты.

С точки зрения объективной исторической правды такой подход также во многом оправдан, поскольку:

- все родоплеменные группы, составляющие сегодня казахский народ, так или иначе, входили в состав Золотой Орды*;
- практически вся территория современного Казахстана также входила в состав Золотой Орды**;
- династия, управлявшая впоследствии Казахским ханством, восходила к Джучи (Жошы) — основателю Золотой Орды; с точки зрения политической истории докапиталистического периода именно династический фактор играет важнейшую роль.

В советское время, когда период золотоордынского протектората в истории России расценивался однозначно негативно, а идеи евразийства (как и многие другие) находились под запретом, любая попытка обращения казахских или, например, татарских историков к наследию Золотой Орды однозначно расценивалась как «буржуазно-националистический» антирусский вызов. Так, далеко не случайно оказался под запретом эпос «Едіге» («Идэгэй»), общий для казахов и казанских татар и восходящий к золотоордынскому периоду общей истории***.

Однако сейчас, когда евразийство и связанная с ним идея «тюрко-славянского симбиоза»**** стали фактически доминирующим брендом казахстанского государственного строительства и внешней политики, обращение к золотоордынскому наследию может быть осуществлено именно в этом идеологическом русле.

Следует также обратить внимание на такой момент. Одной из актуальнейших задач национального и государственного строительства в Казахстане является конструирование такой версии национальной истории, которая соответствовала бы жизненным интересам государствообразующего казахского этноса, но в то же время могла бы быть воспринята как «своя собственная история» не только этническими казахами, но и подавляющим большинством всего полиэтничного населения Казахстана.

* Помимо предков казахов, в состав Золотой Орды входили также предки целого ряда других современных тюркоязычных народов, однако это в данном контексте не столь важно, точнее, данный факт может расцениваться как «дополнительный плюс», учитывая, что многочисленные представители этих этносов проживают сегодня в Казахстане.

** Тот факт, что, помимо территории современного Казахстана, в состав Золотой Орды входили также Западная Сибирь, Поволжье, Предкавказье и Крым, также не столь важно в данном контексте: отсутствие у Казахстана каких-либо претензий на перечисленные территории слишком очевидно. Напротив, если бы значительная часть территории нашей страны и/или некоторые казахские роды не входили в свое время в ее состав — это действительно могло бы сделать проблематичным «золотоордынский» подход к вопросу о становлении казахской государственности.

*** Более того, постановлением ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 1944 г. изучение истории Золотой Орды было запрещено как таковое.

**** Кавычки мы употребляем по той причине, что со строго научной точки зрения данная теория является лишь гипотезой, что, однако, ничуть не умаляет ценности самой этой идеи как инструмента политтехнологии.

Для Казахстана наиболее трудной задачей в этом плане является написание такой версии истории для школьных учебников, которая могла бы быть принята как *своя* история *всеми* казахстанцами, независимо от их этнических корней и конфессиональной принадлежности. По целому ряду объективных причин задача эта весьма и весьма непростая в силу избирательности исторической памяти и ее разделения по «этническим квартирам» [6]. Фактически приходится признать, что «общее прошлое» для казахстанцев еще только предстоит «сконструировать».

На данный момент как общее прошлое всех казахстанцев воспринимается только период после 1917 г. Напротив, история *Казахского ханства* вряд ли может восприниматься как «своя» кем-либо, кроме этнических казахов, притом, что этот период истории Казахстана *принципиально* не может быть «изъят» или «вычеркнут» из нее каким бы то ни было образом.

Настоящая историографическая коллизия, являющаяся таковой, по крайней мере, с точки зрения *гражданского* нацистроительного проекта и кажущаяся на первый взгляд неразрешимой, в действительности снимается очень легко: для этого достаточно «спуститься» совсем ненамного «глубже» в прошлое и концептуализировать Казахстан как наследника великого *имперского полиэтничного* государства в центре Евразии — уже упомянутой неоднократно *Алтын Орды*.

Несмотря на то, что современный Казахстан как таковой не является ни имперским, ни постимперским государством (таким, как, например, Россия* или Турция), тем не менее, та проблема, которую публицисты национал-патриотического толка обозначают сегодня как «казахский вопрос», типологически во многом схожа с «русским вопросом» в постсоветской России: в обоих случаях имеет место ситуация, когда часть *государствообразующего этноса* (в т.ч. политиков, выступающих от его имени) проявляет недовольство пренебрежением (реальным либо мнимым) его интересами со стороны государства, решающего задачу построения *гражданской нации* на базе этнически и конфессионально гетерогенного общества. Иначе говоря, развитие этнонациональной идентичности казахов объективно протекает сегодня в условиях, схожих с положением государствообразующей нации/этноса в *имперском* государстве**.

К слову сказать, в данном контексте совершенно по-новому начинают выглядеть, например, утверждения А. Тойганбаева об «имперской миссии» Казахстана, которые несправедливо воспринимаются многими комментаторами как одиозные или, как минимум, утопические***.

Более менее успешное строительство *гражданской* нации при отсутствии развитой *социально-политической идеологии*, не связанной с *традиционными ценностями*****, бывает возможным именно на (пост) имперском субстрате:

* В этой связи следует заметить, что современная Российская Федерация представляет собой, скорее, переходный тип между имперским и собственно постимперским государством.

** См.: Разумов Я. *Однажды в... многонациональной стране, или Как одно имя может «раствориться» в другом. А может, и нет* // <http://www.zolazk.net>. Автор указанной статьи, сравнивая современный Казахстан с другим имперским государством — Британией 1760—1770-х гг., проводит параллель между современным казахским этнонационализмом и движением английских националистов под руководством Джона Уилкса.

*** Такого рода оценки основаны на ошибочной презумпции, согласно которой подобные утверждения должны отражать объективную реальность текущего момента, в то время как в действительности речь идет о проекте. Мы в данном случае рассматриваем «имперскую» идею не как внешнеполитический проект, а исключительно в контексте конструирования исторического самосознания казахстанцев.

**** Подробнее см.: Козырев Т.А. *Нацистроительство в современном Казахстане: вызовы и перспективы* // *Казахстан-Спектр*. — 2009. — №2. — С. 24—34.

ярким примером может служить кемалистская Турция*, в меньшей степени — постсоветская Россия. Иначе говоря, отсутствие реального имперского прошлого непосредственно у современного Казахстана означает лишь необходимость сознательно «сконструировать» таковое. Обращение к историческому наследию Золотой Орды как нельзя лучше (!) соответствует данной задаче.

Оно же самое, как уже отмечалось выше, весьма органично вписывается в развитие «евразийского» бренда Казахстана. *Во-первых*, общеизвестна та видная роль в истории «континента-Евразии», которую классики евразийства отводили Золотой Орде. *Во-вторых*, обращение к золотоордынскому наследию может создать вполне реальное ощущение «общего прошлого» для большинства этнических групп, проживающих в Казахстане:

- с одной стороны, для представителей целого ряда *тюркоязычных* этносов оно является реальным пластом общей средневековой истории и культуры;
- с другой стороны, для *славянского* населения оно может ассоциироваться с упомянутой выше идеей тюрко-славянского симбиоза на евразийском пространстве — для этого также имеются достаточно весомые историографические основания.

Итак, по нашему мнению, «евразийский» бренд на данный момент далеко не исчерпал своих возможностей как инструмент формирования казахской и казахстанской идентичности.

Выше мы рассмотрели проблематику «золотого века» в казахстанской историографии в связи с идеологическим наследием евразийства и историей Золотой Орды, которую именно евразийская парадигма позволяет переосмыслить в продуктивном ракурсе.

Изучение и осмысление золотоордынского периода истории Казахстана являются особо значимыми для конструирования внутренне связного, непротиворечивого нарратива отечественной истории в будущем. По нашему мнению, принятие именно золотоордынского периода за отправную точку истории казах(стан)ской государственности является наиболее продуктивным подходом.

Анализ, сделанный в настоящей статье, никоим образом не претендует на полноту и основной целью ставит вынесение проблемы на дискуссию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Стратегия «Казахстан-2030». — Алматы, 1997. — С. 4.
2. Караваев А. Кризис интеграционных идеологий: евразийская идея // <http://www.ia-centr.ru>. — 2009, 6 апреля.

* Существование в современной Турции курдской проблемы, как ни странно, не противоречит сказанному выше. Помимо того факта, что значительная часть этнических курдов реально вовлечена в турецкий гражданский нацистроительный проект (хрестоматийным примером может служить личность президента Тургута Озала, этнического курда), следует также заметить, что, помимо собственно турков и курдов, в Турции проживает более 70-ти этнических групп — как автохтонов Малой Азии, так и пришлых, как тюркского происхождения, так и не тюркского. Из этих многочисленных этносов курды представляют собой единственный случай, когда турецкая модель дала сбой — опять же, лишь частично.

3. К экономике знаний через инновации и образование. Лекция Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева // Казахстанская правда. — 2006, 27 мая.
4. Караваев А. Указ. соч.
5. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на XV сессии Ассамблеи народа Казахстана // <http://www.akorda.kz>.
6. Исмагамбетов Т. Признаки нации в отечественной специфике // <http://www.dialog.kz>. — 2009, 10 августа.

Контент-анализ: опыт адаптации под задачи исторической эвристики

АЛИМГАЗИНОВ К.Ш.

Использование методики контент-анализа позволяет выявить компактные группы однородных объектов (объектов изучения), заданных в многомерном пространстве признаков (тексте источника), затем получить статистические характеристики этих групп [1]. Остановимся на особенностях извлечения контекстных данных в гипертексте. При изучении гипертекста нами был использован следующий подход выявления категорий и единиц анализа. Исследуемая единица текста понималась как целое, имеющее в своей основе логически обоснованную структуру изложения информации: востребованность, направленность, доказательность. Подход позволяет определить коммуникативные свойства информации. Поиск в гипертексте вероятных ключевых его индикаторов: слов, словосочетаний и т.п. дает возможность их ранжирования и подсчета частотной упоминаемости. Работа проводилась на основе анализа корреляции выявленных элементов текста. В задачи публикации входит освещение исследовательских возможностей методов и конкретных методик научного поиска, что предопределено рамками проведения исторических исследований как поиском новых методов извлечения исторической информации.

В качестве анализа использованы наиболее распространенные веб-ресурсы. Основной акцент был сделан на иллюстрации спектра задач, решаемых посредством извлечения и анализа данных в открытых информационных системах, методах извлечения информации и определения контуров ее объективности. Применительно к гипертексту процедура выявления в его содержании ключевых элементов текста, поддающихся количественной интерпретации, затрудняется невыраженным открытым образом количественной меры качественного показателя. Поэтому, приступая к использованию количественных приемов изучения нарративного контента, важно соблюдение процедуры формализации гипертекста, то есть приведение к тому состоянию, на котором становится адекватным использование математических методов.

Во избежание субъективности исследовательских предпочтений при выборе единиц и категорий анализа, нами был использован прием обратной процедуры последовательности герменевтического подхода: не выявление определенных, заранее известных задач исследования индикаторов текста, а формирование этого после формализации текста и иерархизации контекстовых данных в последовательности от частных понятий к общим категориям. Генетическое отношение слова к обозначаемому предмету опосредовано практической и вырастающей на

ее основе познавательной деятельностью субъекта, имеющимися у него знаниями о предмете [2].

Исследовательская работа с помощью контент-анализа сводится на начальном этапе к тому, что исходный текст «переписывается», сводится к ограниченному набору его элементов, которые в дальнейшем и подвергаются количественной обработке — этап формализации. Процесс формализации текста источника требует, в свою очередь, разрешения вопросов выработки лексики «языка-посредника». Использование в качестве лексики формализованного языка слов самого текста, согласно мнению Д.В. Деопика, позволяет избежать неоправданных обобщений и установить поле функций термина [3]. Поэтому в качестве лексики формализованного языка нами использовался язык самого источника.

Формализация текста зависит от исследовательских задач, исходя из которых исследователь намечает категории анализа. При изучении гипертекста единица сообщения (она могла быть выражена самым разнообразным способом: аудио, видео, текст, система гиперссылок) была принята как единица счета при поиске произвольно фиксированной в гипертексте информации. Работа строилась следующим образом. Весь массив гипертекста был поделен на две части: фактографический и рассуждательный веб-контент. Первая часть выделялась как значимая, вторая как незначимая [4]. К последнему были отнесены веб-ресурсы: чаты, интернет-форумы, персональные страницы, материалы «гостевых книг», то есть весь информативный пласт, который содержит мнения, видение событий и фактов, оценки, высказывания как субъективный информативный контент.

Менее подвержена искажению фактографическая часть гипертекста. Ее выделение предполагало формирование, наряду с выборкой исходного массива веб-ресурсов, контекстный информационный анализ отдельного гипертекстового сообщения. Он предполагал формирование исходных ключевых единиц текста, установление их контекстной взаимосвязанности как интерпретирующих звеньев. Такой подход к процессу первоначального сбора информации для количественного анализа позволил избежать проблемы выбора статистических критериев. Выбор категорий анализа и последующий поиск их в контексте источника был заменен нами извлечением первых из гипертекста.

Выделение перечня признаков для описания сопровождалось их количественной характеристикой на временном и пространственном массиве источника, который и обуславливал выбор одних критериев и отброс других для последующего источниковедческого анализа.

Получение пространственно-временных характеристик для каждой единицы наблюдения сопровождалось занесением их в матрицу интеркорреляции, представляющую собой таблицу совместной встречаемости смысловых категорий. Такая таблица позволяла проследить взаимосвязанность анализируемых единиц анализа на протяжении всего текста источника.

Степень парной зависимости единиц и значимость этой связи в исследуемом фрагменте гипертекста выявлялись с использованием специальных математических формул, результаты которых были основой для последующих логических обобщений. Вопрос об объективности научного поиска с помощью техники контент-анализа получает разные оценки в исследованиях ученых. Безусловным достоинством контент-анализа является воспроизводимость результатов исследования. Всякое исследование, основанное на методике контент-анализа, может

быть повторено и результаты его могут быть проверены, что говорит о научной основе исследовательского процесса.

Систематизация исторического материала для последующего его изучения, если принять во внимание, что исследуется большой массив источников, обуславливается конечными исследовательскими возможностями его исследования. Массовые исторические источники уже получили опыт систематизации при приведении их данных в унифицированные анкеты, таблицы [5]. Исследуемая совокупность единиц гипертекста подлежала унификации в двух аспектах традиционного источниковедения: формирования внешних и внутренних атрибутивных признаков источника, которые могли быть представлены как количественные показатели. Использовалась методика составления первоначальной матрицы исходных данных для построения вариационного ряда, выделение элементов которого отвечает отдельным признакам единиц гипертекста как исследуемого источника [6].

Создание статистической базы данных применительно к историческим источникам уже не ново. Однако в нашей отечественной науке это не получило еще широкого распространения. Использование подобной методики проводится применительно к источникам, где содержится информация, характеризующаяся ее количественным проявлением во всем массиве источников: переписи, анкеты и т.д. [7]. Теоретические аспекты использования математических приемов изучения исторических источников [8], особенности составления БД рассмотрены в работах ученых дальнего и ближнего зарубежья [9], некоторые стороны этих вопросов затронуты в работах отечественных исследователей [10] — сторонников квантитативного направления исторической науки.

Гипертекст — повествовательный контент имеет свою информационную специфику, форму существования и приемы освещения, то есть передачи. Если суммировать признаки, говорящие о специфике исторических источников применительно к уровню их структурированности и совместимости с моделями, на которых основаны системы управления базами данных, то большинство часто встречающихся трудностей можно свести к различным видам нестандартности (нерегулярности) данных, вполне обычным для исторических источников. К такому следует отнести дискретность и отрывочность информации в гипертексте. «Большинство признаков, характеризующих исторические объекты, являются качественными, атрибутивными. Они не имеют единиц измерения, то есть соответствующее свойство не может быть выражено в тех или иных метрических показателях» [11]. Это затрудняет приведение источника к подобию унифицированной анкеты, где каждая строка и элемент будут иметь значение согласно принципам построения базы данных (БД). Первоначальная задача систематизации заключалась в поиске текстовых индикаторов, которые можно выразить количественно. При построении БД был учтен опыт проведения подобных исследований в работах историков-клиометриков. Принципиальная основа аналогична существующим БД.

Применительно к историческим источникам западными и российскими историками разработано несколько получивших наибольшую известность прикладных реляционных программ [12]. В основном они предназначены для исследования источников, происхождение которых не оставляет сомнений в их массовости (к примеру, анкеты, статистические источники по аграрному сектору, источники

по структуре народонаселения и др.). Весь массив изучаемого источника можно выразить статистически: общее число веб-сайтов, по языкам гипертекста, числу рубрик, по доменной принадлежности и т.д. Концепция создания реляционной модели, проведение статистического анализа гипертекста в нашем случае исходили из постулата проблемно-ориентированного подхода при изучении исторических источников, предложенного западным историком М. Таллером [13].

Остановимся на особенностях составления и структуризации информации в БД, а также проведения анализа БД в плоскости изучения бинарных, тернарных связей единиц гипертекста. Реляционная модель БД была составлена в пакете стандартных прикладных программ MS Office. Большинство историков, как считает И.М. Гарскова, поступают подобным образом, довольствуясь имеющимися прикладными программами как вполне отвечающими требованиям при создании, управлении, обработке БД в соответствии с текущими исследовательскими задачами. Основные аспекты построения модели соответствуют конструктивным основам имеющейся системы SOCRATES, разработанной авторитетным специалистом из Голландии в области применения технологии баз данных в исторических исследованиях — Л. Брере.

Модель БД состоит из нескольких таблиц, представляющих собой двумерный массив типа «объект — признак» [14]. Другими словами, это созданные для фиксации различных признаков объектов унифицированные анкеты, которые заполнялись нами по мере изучения веб-контента. Исследование было произведено на основе анализа более десяти признаков. Внутри выделенных групп парных встречаемостей производилось определение коэффициентов корреляций между признаками, исследования бинарных и тернарных связей между ними.

При определении групп признаков придерживались основных классификационных приемов систематизации (однородности признаков, знания закономерности связей), а также следуя конечным исследовательским целям. Выделенные группы признаков содержали сведения следующего порядка: дата появления веб-сайта, основной язык контента, доменная принадлежность, интернет-службы по показателям: форум, голосование, гостевая книга, статистика суточной посещаемости по периодам частотного обновления (меньше одной недели, меньше одного месяца, меньше трех месяцев, меньше одного года), классификация веб-ресурса по принятой шкале классификации, тематико-содержательное предпочтение по ключевым категориям анализа, выявленным после проведения контент-анализа, происхождение (печатная форма, изначальная гипертекстовая форма).

Дополнительно, после предварительного изучения веб-ресурсов по группам признаков, содержательно массив данных был ранжирован по признаку принадлежности к фактографической и рассуждательной части, о чем также отмечалось выше. Все группы выделенных категорий после изучения поделены по тематической направленности веб-контента. Вариационный ряд был представлен генеральной совокупностью выборки веб-ресурсов.

Определение порога иерархизации данных было обусловлено рамками исследования социальных процессов в современной истории Казахстана в призме решения источниковедческих задач анализа гипертекста. Выделение «атомарных единиц» гипертекста произведено на первичном уровне нормализации. Первоначально он был выстроен в двух исследовательских плоскостях: учет доменной принадлежности веб-ресурса и градация по признакам посещаемости.

Ранжированность подструктурных элементов других групп ключевых понятий происходило уже в процессе построения БД и изучения взаимосвязей между признаками вариационного ряда.

Исследование проводилось на основе анализа парных связей вариационного ряда с последующим графическим представлением и интерпретацией. Работа преследовала цели определения характерных свойств признаков, тенденций внутри вариационного ряда, анализа доменной принадлежности веб-сайтов с казахстанской тематикой, сравнительное изучение суточной посещаемости, тематические предпочтения (по ключевым терминам), частотная упоминаемость ключевых понятий.

Исследование статистических данных в вариационном ряду решало только промежуточные задачи: основным здесь выступает адекватное проведение последующей затем стадии бифуркации — перехода количественных показателей в качественные. Этот термин, введенный в научный оборот бельгийской школой И. Пригожина, используется при характеристике процесса перехода количественных показателей в качественные. Бифуркация — это точка ветвления процесса, порождающая новую линию эволюции. С квантификацией исторической науки данный термин активно используется российскими и белорусскими исследователями в исторических научных работах. Термин адекватен как иллюстрация природы бинарных и тернарных связей, которую принято проводить способом графического отображения логических структур зависимостей между каждыми парами признаков. Это способствует соблюдению процесса упорядочения информации в БД, исключению повторного включения рассматриваемой единицы в ходе статистического подсчета. Кроме того, графическое представление создает возможность первоначального исследовательского впечатления от прослеженных связей и сравнения их с результатами изучения и учета мемуарных источников.

Исследователями разработано несколько приемов графического представления связей, среди них — построение корреляционных графов, к примеру, метод отображения взаимосвязи в корреляционном графе, предложенный Л. Выханду. Настоящая методика графического представления данных использована в диссертационной работе А. Балапановой [15]. Графическое представление коэффициента корреляций между признаками применено в работах Д.А. Гутнова по методике использования контент-анализа для историографических исследований [16]. Для необработанных статистических данных был использован метод графического представления связи, предложенный К. Финкельштейном [17]. В целом отметим, что использование методики графического представления способствует определению адекватности проявленных свойств коррелированности признаков вариационного ряда друг с другом.

Методы исторического моделирования апробированы в научных работах как по истории, так и другим, смежным истории научным дисциплинам. Применительно к гипертексту адекватность контент-аналитической методики, как можно судить из контекста нашего изложения материала, очевидно, является одним из возможных путей решения поставленных задач изучения массовых свойств источника исторической информации.

Изложим предлагаемую нами технологию использования конкретных методов исследования и применяемость математико-статистического анализа. Проблемы, связанные с частными вопросами применяемости методик, а также некоторых воз-

никающих спорных моментов использования тех или математических процедур, нами опущены как не требующие детального рассмотрения в силу поставленных перед исследователем конечных целей изучения. Обоснованность использования конкретных математических операций над числовыми характеристиками элементов изучаемого гипертекстового нарратива приводится в достаточно краткой форме изложения, в основном в форме ссылок на необходимую научную литературу по данной проблематике. На наш взгляд, это удовлетворяет требованиям достаточности для понимания сути излагаемой процедуры в рамках междисциплинарной источниковедческой эвристики.

Процесс исследовательского эксперимента основан на моделировании исследуемого явления. Он включает в себя три составляющих стадии исследовательской работы. На первой стадии объект исследования (оригинал) в результате определенных статистических процедур приводится к состоянию модели, находящемуся в отношении подобия к оригиналу. В нашем случае это выявленные ключевые фрагменты единицы гипертекста, способные охарактеризовать содержательную его сторону. Вторая стадия будет включать проведение соответствующих математических операций. На основе этих полученных данных третья стадия работы заключается в интерпретации полученных количественных характеристик предшествующего этапа исследования на основе аналогии и теории подобия с перенесением конечных результатов на объект исследования. Последняя стадия — это собственно изучение отражения отдельных аспектов социальных процессов в современной истории Казахстана.

От данных, к которым предполагается использование описанной методики, требуется соответствие определенным критериям: условиям формализуемости или приведения текста исторического источника к тому состоянию, на котором становится возможным использование данной методики, и второе, наличие достаточного количества упоминаний тех категорий и единиц анализа, по которым осуществляется подсчет собранной информации — закон больших чисел. Другими словами, исследуемый массив данных должен содержать в себе массовые (количественные) признаки как основы для проведения статистических подсчетов.

Массовый характер гипертекстовых источников очевиден. Изучение их на основе математических приемов не вызывает сомнений. Обратим еще раз внимание на то, что значительная часть работы историка-клиометрика — это апеллирование числовыми характеристиками качественных, то есть содержательных элементов текста. Точнее будет говорить о частотных преобразованиях текстовой информации в количественные показатели. Адекватность исследовательской технологии — это корректность выявления однотипных по структуре и содержанию элементов текста, позволяющая использовать их как частотный показатель, где степень ее проявления — это критерий для последующей интерпретации и анализа зависимостей ключевых признаков. Разумеется, провести адекватные этому процедуры выборки из всего массива данных не представляется возможным. Тем не менее презентативность выборки массива источниковедческих данных для изучения обусловлена такими факторами, как временной показатель и результат случайных запросов по ключевым терминам одновременно по различным системам информационного поиска в открытых базах данных Интернета.

Изучение нами сегмента Интернета с казахстанской тематикой с аналогичностью повторяемости частотного запроса продолжалось в течение последних

нескольких лет. Работа проводилась в рамках исполнения программы фундаментальных научных исследований по Институту истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, и в частности в рамках плановых научных работ Отдела методологии истории, историографии и источниковедения (руководитель — канд. ист. наук, доцент Б.М. Сужиков). Одним из разделов программы фундаментальных научных исследований по отделу было исследование Интернета как нового историко-историографического пространства исторических исследований в Казахстане. Плановые работы проводились начиная с 2004 г. и включали в себя комплекс последовательных мероприятий:

1. Изучение материалов по теме «История Казахстана» во всемирной сети Интернета в рамках программы фундаментальных исследований по теме: «Историография и источниковедение Казахстана в контексте инновационных методов и исследовательских технологий» (2003—2005 гг.). Исследованию подверглись исторические веб-ресурсы Интернета. В задачи историографического обзора входили: эвристический анализ исторических веб-ресурсов по казахстанской тематике во всемирной паутине, использование источниковедческих приемов изучения электронных форм хранения, трансляции и ретрансляции исторических источников и выработка на этой основе представления об информационной среде Интернета как нового направления прикладных источниковедческих исследований в отечественной исторической науке. Был выявлен обширный комплекс исторических веб-ресурсов по казахстанской тематике, предложены базовые принципы источниковедческой классификации исторических веб-ресурсов, определение приоритетных направлений внедрения и использования инновационных форм хранения и передачи исторической информации в процессе исследования, формы презентации фундаментальной отечественной исторической науки в мировой паутине, пути интеграции традиционных форм научной эвристики в сети Интернета путем организации онлайн-научных форумов, диспутов, интернет-чатов, создания электронного журнала.

2. Исследование казахскоязычного исторического сегмента Интернета с позиции формирования нового направления научных исследований в Казахстане и решения практических вопросов научно-информационного и методологического обеспечения источниковедческих и конкретно-исторических исследований в казахстанской исторической науке на основе применения современных информационно-коммуникационных технологий и средств телекоммуникаций в рамках программы фундаментальных исследований по теме: «Проблемы методологии истории Казахстана: становление новой научной парадигмы». Результатом проведенной работы стала разработка и внедрение во всемирную сеть Интернета ряда научно-исследовательских проектов исторического и источниковедческого плана, выявление обширного комплекса исторических веб-ресурсов на казахском и русском языках по вопросам отечественной истории, формирование принципов источниковедческой классификации исторических веб-ресурсов, определение приоритетных направлений внедрения и использования инновационных форм хранения и передачи исторической информации в процессе исследования, предложен механизм интеграции традиционных форм становления научного знания в Интернете.

3. Анализ источниковедческого массива гипертекста в системе многовариантного отражения истории суверенного Казахстана 1991—2006 гг. в рамках

программы фундаментальных исследований по теме: «Полиэтнический капитал и потенциалы Казахстана в XX—XXI вв.: методология, историография и исторический компьютеринг». Концептуальным исследовательским итогом стало обоснование применимости теории информации как подхода при исследовании новых форм исторических знаний, появление которых обусловлено развитием современных коммуникационных систем обмена социальной информацией с позиции изучения социальных процессов в современной истории Казахстана. Классификация исторических источников: по целям создания, по способам фиксации информации, по каналам передачи, по формам отражения информации, по объекту отражения информации, по целевому назначению информации, по методам и принципам фиксации информации, по содержанию и характеру информации значительно расширило имеющиеся представления об историческом источнике в казахстанской исследовательской практике. Интернет-технологии и информационное содержание Интернета представлено как фактор влияния на общественные, политические процессы, экономику суверенного Казахстана, на протекание процессов социального развития казахстанского общества. Новое историографическое пространство ориентирует развитие самой исторической науки Казахстана путем расширения спектра конкретно-прикладных исследований в рамках набирающей популярность синергетической парадигмы в мировой науке, тенденцией к сохранению как уникальных, так и массовых исторических источников на электронных носителях.

Генеральная совокупность выборки веб-ресурсов количественно выражена средним показателем 1300—1400. Как соответствие критериям проведения количественного анализа сформированный источниковедческий комплекс веб-ресурсов был изучен на соответствие требованиям однородности и охвата всех возможных случаев содержательного разнообразия. Это стало исходным посылом объективности стартовых условий для проведения исследования.

Предварительно единицы гипертекста подверглись логическому и текстологическому анализу: содержательно-тематическая направленность, формирование матрицы вариационного ряда базы данных, выявление ключевых терминов как индикаторов гипертекстового фрагмента. Как частотный показатель встречаемости выделяемых единиц гипертекста были определены границы текстового фрагмента. Им стало отдельное гипертекстовое сообщение, в котором все случаи упоминаемости терминов можно выстроить в иерархии их зависимости к одному ключевому понятию.

Определение адекватности зависимостей гипертекстового фрагмента с каким-либо ключевым понятием было выстроено на методе графической коррелированности структурной связи терминов, лексем, словосочетаний с определенными ключевыми понятиями. Согласимся, данная работа не могла быть формализована как представление источника в виде отраженной в нем статистической информации и решалась путем традиционного в таком случае подхода адекватности решения исторической задачи путем исследовательских предпочтений. Это значительно сузило круг формируемых категорий анализа, определило однозначно трактуемые признаки для вариационного ряда базы данных.

Итак, в данном случае речь идет об определенном методе анализа вариации признаков, точнее говоря, о ковариации различных демографических, географических, психологических, социологических, экономических или технологических

переменных, то есть о методе, который приводит к выделению определенного числа основных факторов, лежащих в основе корреляций [18]. Определение степени корреляционных связей между переменными позволяет проводить сопоставления и выделение на основе построения корреляционных графов структуры зависимости переменных друг от друга. Таким образом, составление и заполнение таблицы учета встречаемости путем проведения контент-аналитических процедур, предварило статистический анализ и интерпретацию парных зависимостей (коррелированности) признаков. Выявление среди большого числа наблюдаемых переменных гипотетических величин стало основой для содержательной интерпретации и объяснения совокупности изучаемых переменных. Как показывает полученный опыт, данная методика может быть использована при решении аналогичных задач анализа массовых источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симчера В.М. Методы многомерного анализа статистических данных. — М., 2008. — 400 с.
2. Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. — М., 2002. — С. 138—139.
3. Деопик Д.В. Некоторые принципы построения формализованных языков для исследования исторических источников // Количественные методы в гуманитарных науках. — М.: МГУ, 1981. — С. 9.
4. Смирнов В.А. Указ. соч. С. 150.
5. Моисеев Т.Л. Методы анализа маркетизации крестьянского хозяйства России // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. — М.: РАН, 1994. — 224 с. (С. 74—93).
6. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. — М.: Наука, 1987. — С. 336.
7. Жакишева С.А. Применение математических методов и компьютерных технологий в исследовании истории репрессий в Казахстане в 20—30-е гг. XX в. // Культура и история Средней Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. — Алматы, 1997.
8. Методологические проблемы исторической информатики и квантитативной истории // Новая и новейшая история. — 1997. — №3. — С. 87—98.
9. Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. — М.: МГУ, 1994. — 215 с. (С. 111).
10. Жакишева С.А. Баи-полуфеодалы в Казахстане на рубеже 20—30 гг. XX в.: историко-источниковедческий аспект проблемы. Дис. канд. ист. наук. — Алматы, 1996.
11. Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 348.
12. Бородин Л.И. Методологическая парадигма в зеркале исторической информатики // Новая и новейшая история. — 1997. — №5. — С. 132.
13. Там же. С. 85—86.
14. Чертовской В.Д. Базы и банки данных: Учебное пособие. — СПб: МГУП, 2001. — 220 с.
15. Балпанова А.С. Проблемы истории и культуры казахов по материалам героического эпоса. Историко-статистический анализ. Дис. канд. ист. наук. — Алматы, 1999.
16. Гутнов Д.А. Опыт применения контент-анализа в историографическом исследовании (на примере книги П.Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры») // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. — М.: Наука, 1989. — 269 с.
17. Гарскова И.М. Указ. соч. С. 59.
18. Нефедов А. Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. — М.: Территория будущего. — 2008. — 752 с.

Тюркско-согдийские отношения в доисламскую эпоху

ГУСАКОВ В.В.

Тюркско-согдийские контакты в указанный период продолжались почти два столетия: с момента первого появления тюрков в среднеазиатском междуречье (Трансоксании) в середине VI в. в зените своей военной славы и до полного завоевания Согдианы Омейядским халифатом в первой половине VIII в.

До той поры, пока тюрки были в состоянии обеспечивать населению Трансоксании внешнюю безопасность и неограниченные возможности для транзитной торговли на бескрайних просторах Великого каганата, последнее воспринимало свое подчиненное положение спокойно. По мере военно-политического ослабления тюрков, ввиду раскола их государства и усиления позиций их основных противников, тюркско-согдийские отношения ухудшались, зачастую становились враждебными. С другой стороны, неоднократно подтвержденная неспособность ослабевших каганов одержать верх над консолидированными силами главных согдийских владений свидетельствовала об уравнивании потенциалов противостоящих сторон, делала их отношения равноправными. Подобный баланс сил и интересов, который стал особенно очевиден со второй половины VII в., сохранялся и в напряженный период борьбы народов Центральноазиатского макрорегиона с арабской агрессией. Увы, превратившись в доисламскую эпоху в соседей, тюркские кочевники и земледельцы Согдианы так и не стали искренними союзниками. Их разобщенность сыграла роковую роль в захвате Трансоксании арабами и вытеснении тюрков на периферию исламской центральноазиатской ойкумены.

В середине VI в. до той поры разрозненные и потому не представлявшие серьезной угрозы соседям тюркские племена объединились в мощную военную империю — каганат (551—744 гг.). Возникший на Алтае, первоначально как союз племен, последний скоро обрел невиданную доселе военную мощь, позволившую ему подавить и подчинить все прочие, конкурировавшие с тюрками в обширной евразийской лесостепной зоне кочевые этноплеменные группы. Объединив под своей властью Туркестан, оазисы Синьцзяна, Семиречье и Монголию, нанеся поражение китайским царствам Вэй, Чжоу и Ци, тюрки обратили свою энергию на покорение земледельческих районов Средней Азии.

Указанные районы располагались преимущественно в междуречье Амударьи (Окс) и Сырдарьи (Яксарт). Традиционно эта историко-географическая область называлась Согдианой (Согдом), она редко когда была единой и состояла из множества лоскутных наследных владений вокруг крупных торговых городов и оазисов, границы которых определялись естественными рубежами [1].

Важнейшими среди них были центры крупнейших оазисов Самарканд и Бухара. С востока к Самарканду примыкала небольшая горная страна Уструшана, далее шли Фергана и периферийные владения правобережья Сырдарьи Чач (Ташкентский оазис), Илак, Испиджаб. С юга Согд граничил с Тохаристаном. Его границы в принципе совпадали с границами древней Бактрии, проходя на юге по Гиндукушу, а на севере — по Гиссарскому хребту. Кроме того, в области Гиссарского хребта, рек Сурхана, Кафирнигана, Сурхоба в раннем средневековье возникли независимые, хотя и небольшие владения Чаганиан, Кабадиан, Ахарун, Шуман, Вахш и Хутталь*.

Политическая раздробленность серьезно ослабляла обороноспособность региона и облегчала задачу его завоевателям. В период великого переселения народов южные районы Центральной Азии подверглись нашествию гуннов-эфталитов, основавших в начале VI в. на завоеванных территориях собственное государство. И хотя города и оазисы сохраняли при гуннах автономное положение и даже продолжали управляться местными потомственными династиями (*шахами, ихшидами, афшинами, дехканами, худатами*), о собственной независимой роли в международных делах и, главное, международной торговле им пришлось временно забыть**.

В силу указанных обстоятельств согдийцы крайне тяготились господством эфталитов и надеялись избавиться от него хотя бы и при помощи тюрков. Серьезным союзником тюрков в борьбе с гуннами за обладание оазисами среднеазиатского междуречья стал Сасанидский Иран. Правители Ирана, лишь недавно сами переставшие платить дань эфталитам, вынашивали агрессивные планы по расширению своих восточных владений. Иранцы с готовностью пошли на совместные с каганатом действия, направленные против общего врага. Антигуннский союз был закреплен брачным договором, по которому шах Ирана Хосров I должен был получить в жены дочь кагана [2].

В «Шахнамэ» Фирдоуси подробно описан ход событий, приведших к разгрому эфталитов [3]. Около 563—564 гг. тюркский каган с большим войском вторгся в пределы Эфталитского государства и захватил область Чач. Вторжение сопровождалось грабежами и насилием, было перебито значительное количество населения. Царь гуннов Гатифар спешно начал собирать около Бухары войско из Балха, Шугнана, Амуля, Замма, Хуттала, Термеза и

* Подробное описание местной политической географии оставили нам образованные китайские миссионеры, побывавшие в Средней Азии в интересующий нас период. Особенно следует выделить работы Сюань Цзяня (наиболее подробное описание региона, основанное не только на личных наблюдениях, но и на широком использовании расспросных данных) и Пэй Цзя (его работа ценна, прежде всего, тем, что к ней прилагалась карта «Западный край»). Достоверные данные о политической обстановке в Средней Азии в период раннего средневековья можно почерпнуть из армянских источников. Их авторы пользовались свидетельствами армян, занимавших высокие посты в иранской армии и имевших возможность лично оценить ситуацию в регионе. Для нашей темы наибольшую ценность представляют сочинение епископа Себеоса (посвящено истории Армении с древнейших времен до 661 г. н.э.), а также Ашхарадуц — географическое сочинение, автором которого считают Анания Ширакаци. Хотя в основе этого сочинения лежит «География» Клавдия Птолемея (II в. н.э.), географическая номенклатура греческого оригинала в армянском тексте переработана в соответствии с требованиями VI—VII вв. Также в качестве источников могут быть использованы древнетюркские (орхонские) рунические надписи, найденные на территории Сибири, Киргизии и Монголии. Сведения их о странах Центральной Азии не очень обильны, зато достоверны. Среднеазиатские области упоминаются в них в контексте описания походов тюрков на запад.

** Непрерывность правящих династий, свидетельствующая о значительной степени автономии среднеазиатских владений, находит множество подтверждений. Например, правители Большого и Малого Ань (китайские названия двух владений в Бухарском оазисе) неизменно подчеркивали непрерывность правления их династий (первая — в 22-х поколениях, вторая — в 10-ти). Относительно Ферганы также известно, что местная династия правила непрерывно примерно с IV в. н.э. Преемственность в династии, правившей в Кане (Самарканде), не прерывалась со II в. до н.э. Схожая ситуация наблюдалась и в других владениях. См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950. — Т. II. — С. 271, 312, 319.

междоусобной борьбы кочевников. В 630 г. один из заключительных эпизодов схватки претендентов на власть в каганате разыгрался непосредственно в Трансоксании. Сын Тун шеху — Шили Деле после смерти своего отца был вынужден бежать от его убийцы в *Кангюй* (имеются в виду Самарканд и возглавляемая им конфедерация согдианских владений), с владетелем которого Шили Деле был связан родственными отношениями.

Следующие 25 лет в отношениях тюрков и согдийцев сохранялась враждебность. Тюрки совершали регулярные грабительские походы в земледельческие районы, уводили пленных, а эпизодически им даже удавалось вновь подчинить их себе. Так было при каганах Ипи Шаболо шеху (639—641 гг.) и Нифу Шаболо шеху (651—658 гг.). В 649 г. тюрки убили ферганского правителя Циби и захватили северную часть этой области. Здесь, в Касане, обосновался один из представителей правящего рода Западного каганата. Южная же часть Ферганы осталась под властью представителей старой местной династии, резиденцией которой стал другой город Хумынь.

В 657 г. Западнотюркский каганат пал. С его падением исчезла постоянная угроза захвата земледельческих областей Средней Азии тюркскими кочевниками. Парадоксально, но это же подтолкнуло регион к политической дезинтеграции. В конце VII в. обширная конфедерация фактически распалась, ей подчинялись, кроме самого Самарканда, лишь Маймург, Иштихан и в какой-то степени Кеш и Насаф — все незначительные владения. Первым, по всей вероятности, отделился Бухарский оазис, где в это время начался процесс усиления нового центра — Варданы. Правитель последней на рубеже VII—VIII вв. даже выступил в качестве претендента на верховную власть над всем Бухарским оазисом. В конце VII в. на политической карте появляется ряд новых, хотя и небольших владений, возникших в результате усиления крупных *дихканов* (Куфтан на Сурхандарье, Хузар в Кашкадарьинском оазисе и др.). Предоставленные самим себе среднеазиатские государства вступили в полосу междоусобных конфликтов и войн. Практически непрерывающаяся вооруженная борьба с привлечением тюркских бегов разобщила и ослабила регион накануне арабского завоевания.

После серии эффектных побед на Ближнем Востоке и в Иране в 50—60-х гг. VII в. арабы завоевали Хорасан и основали здесь специальное наместничество с центром в городе Мерве. Хорасанское наместничество стало базой для продолжения завоеваний на Востоке, а наместник Хорасана, как правило, возглавлял армии вторжения или набеговые операции за Амударьей, в местности, названной арабами *Мавераннахр* (букв. «То что за рекой»).

От грабительских рейдов к планомерному захвату Мавераннахра арабы перешли после назначения новым хорасанским наместником энергичного Кутайбы ибн Муслима. За, в общем-то, недолгий период своего наместничества (705—712 гг.) ему удалось захватить основные согдийские политико-экономические центры — Самарканд и Бухару, значительно продвинув границы завоеваний мусульман в глубь Центральной Азии.

В 707 и 708 гг. Кутайба дважды предпринимал походы в Бухарский оазис, но всякий раз наткнулся на организованное сопротивление объединенных сил дихкан Бухары, Самарканда и приходивших им на помощь тюрков. При этом фактически повторилась геополитическая коллизия VI в.: Великий тюркский каганат и Согдиана, совместно противостоявшие центральноазиатской экспансии Ирана.

Только теперь место могучего государства *тюркютов* занял Каганат *тюркешей*, а из-за Амударьи согдийским владениям угрожали новые хозяева Хорасана арабы; не будучи искушенными, в нюансах этногенеза степных народов, последние продолжали называть всех евразийских кочевников тюрками.

В 709 г. настойчивый Кутайба снова появился в Бухарском оазисе и напал на варданхудата (владетеля Варданы) — одного из самых сильных и влиятельных владетелей нижней части Зеравшанской долины. На помощь к нему прибыли согдийцы во главе с ихшидом Самарканда Тархунем, а также многочисленные тюркские отряды. Союзная армия окружила арабов и быть бы им полностью уничтоженными, если бы Кутайба не пошел на хитрость. Через подосланного воина по имени Хаяна ан-Набасти он велел сказать самаркандскому ихшиду: «Твое царство ушло из твоих рук, а ты ничего не знаешь». Озадаченному Тархуну арабский лазутчик пояснил: «Мы можем оставаться здесь только до тех пор, пока жарко, а теперь погода становится холодной, и нам придется уйти. Пока мы здесь, тюрки сражаются с нами, а когда мы уйдем отсюда, они начнут войну против тебя, потому что область Согда очень хороша — подобного ей места нет в мире по прелести. Так можно ли рассчитывать, что они оставят тебе Согд и пойдут в Туркестан? Тебе будет очень трудно, когда они отнимут у тебя твоё царство». Подобная перспектива произвела сильное впечатление на Тархуна, незадачливый самаркандский государь даже поинтересовался у Хаяны, что же ему теперь делать. На что тот ответил: «Заклужи мир с Кутайбой, подари ему что-нибудь и сделай вид, что мы получили поддержку от Хаджаджа (наместник Ирака) и что нам на помощь идет много войска. Ты скажи, что отступишь, и они тогда тоже отступят» [5]. Приняв арабскую ложь за чистую монету, Тархун заключил с Кутайбой скоропалительный мир, оставил ему заложников и поспешно отступил. Преданные согдийцами степняки также вынуждены были удалиться восвояси. Справедливости ради следует отметить, что отчасти предостережения Кутайбы подтвердились. Не получив обещанной при разгроме арабов добычи, тюрки принялись грабить согдийские придорожные селения.

Разобщив, таким образом, своих противников и добившись ухода опасной тюркской конницы, Кутайба без труда подчинил Бухару и Самарканд. Власть над Мавераннахром показалась арабам настолько прочной, что они стали совершать походы и в гораздо более отдаленные земли: Хорезм, Чач, Илак, Фергану, Испиджаб. Уже в 715 г. Кутайба дошел до Кашгара.

Между тем крутые меры оккупационных властей: установление тяжелого налогового бремени, практика взятия заложников, насильственные мобилизации и реквизиции для ведения бесконечных завоевательных войн спровоцировали в целом ряде городов Согда стихийный взрыв недовольства новыми порядками. В начале 720 г. в стране началось крупное восстание, имевшее своей целью очистить Согд от арабов. Вновь прибывшие на помощь восставшим дружины степняков заперли в цитадели Самарканда арабский гарнизон и, разбив шедшую ему на выручку подмогу, заставили осажденных капитулировать.

Новый наместник Хорасана Саид ибн Абдулазиз по прозвищу «Хузайна» (720—721 гг.) два раза лично водил войска против восставшего Согда, но успеха не имел. Военные неудачи, практически уничтожившие власть арабов в Мавераннахре, вызвали в халифате озабоченность на самом высоком уровне. Наместник-неудачник был заменен на Саида ибн Амара ал-Хараша, который по своей

жестокости и хитрости сильно напоминал Кутайбу. Новый назначенец прекрасно знал, где находится слабое место в обороне противников. Подобно Кутайбе, ему каким-то образом удалось внести разброд и шатания в их коалицию и добиться отхода тюркских бегов от дальнейшей вооруженной борьбы.

С их уходом неспособность согдийцев самостоятельно и открыто противостоять закаленным постоянными войнами арабским армиям стала особенно очевидна. Большинство местных владетелей, примкнувших ранее к восстанию, сложили оружие, а наиболее непримиримые группы вынуждены были отступить в труднодоступные горные районы, где продолжили борьбу, обороняя неприступные крепости и замки. В конечном итоге судьба этих групп была трагичной.

Вполне осознавая силу исламизации для окончательного покорения края, арабские правители прилагали большие усилия для обращения местного населения в ислам, прямо увязывая принятие новой веры с отменой обременительных налогов для «неверных». Направленные в 728 г. в Самарканд проповедники Абусайда Салиха ибн Тарифа и ар-Рабиа ибн Омрана имели на своем поприще большой успех. Народ, отчаявшийся свергнуть иго чужеземных завоевателей с оружием в руках, предпочитал массово переходить в ислам, в надежде освободиться от уплаты джизьи и хараджа. Неожиданно столкнувшись с массовыми недоимками при пополнении госбюджета хорасанское наместничество попробовало было отыграть ситуацию назад и отменить налоговые льготы. Это вызвало ярость обманутых согдийцев и спровоцировало новое восстание.

Его центром стал Бухарский оазис. Сюда по просьбе местных дихкан прибыло тюркское войско во главе с самим каганом. Весной 729 г. против Согда с карательной армией выступил хорасанский наместник Ашрас ибн Абдаллах ас-Сулами (727—729 гг.). Каган со своей конницей встретил его на переправе через Амударью возле Амуля и почти три месяца не позволял переправиться на правый берег. Здесь произошло несколько локальных сражений, почти всегда заканчивавшихся неудачно для арабов. Однако Ашрасу все же удалось переправиться через реку и продвинуться до Пайкенда, где он расположился лагерем. Здесь арабы попали в окружение и оказались отрезаны от воды. В результате плотной блокады 700 арабских воинов погибли от жажды. Только переброска многочисленного дополнительного контингента из внутренних районов халифата помогла деблокировать окруженную армию и вытеснить тюркские отряды из Бухарского оазиса.

Однако вскоре после возвращения этих войск на родину весной 731 г. согдийцы снова восстали и совместно с тюрками напали на гарнизон Самарканда. При этом отдельные районы Согда вновь перешли в руки восставших. Самаркандский наместник арабов Саура ибн ал-Хурри написал своему хорасанскому коллеге Джунайду ибн Абдурахману, чтобы тот немедленно шел ему на помощь. Получив паническое письмо Сауры, Джунайд быстро отправился в путь и, перейдя Амударью, прибыл в Кеш. Из Кеша в Самарканд шли две дороги: одна через горы, а другая — по степи (равнине). Степная дорога казалась Джунайду очень опасной, потому что уже было лето, и он боялся, что враги могут поджечь траву и кусты. Поэтому, считая, что «смерть от меча лучше, чем смерть от огня», он избрал дорогу через горы [6]. Как и ожидал Джунайд, по дороге на него напали объединенные силы согдийцев, тюргешей, чачцев и ферганцев во главе с каганом.

Согласно рассказу Табари, их встреча произошла в одном из горных ущелий, не доходя четырех фарсахов до Самарканда [7]. Битва сразу приняла ожесточенный

характер, арабские силы понесли значительные потери. Джунайд, оказавшись на краю гибели, затребовал немедленную помощь из Самарканда. Саура сперва ответил отказом, но после второго грозного письма, назначив на свое место Мусу ибн Асвада, с 12-ю тысячами воинов выступил на соединение с Джунайдом [8].

Чтобы не дать врагам объединиться, союзники, оставив немногочисленный заслон против хорасанцев, всеми силами обрушились на Сауру. На расстоянии всего одного фарсаха от места битвы они перехватили и наголову разбили спешащее на помощь подкрепление. Из 12-ти тысяч воинов удалось спастись только тысяче, все остальные были уничтожены, погиб и сам самаркандский наместник. Правда, воспользовавшись отвлечением главных тюркских сил, Джунайд смог прорвать кольцо окружения и уйти в Хорасан.

Провальный для арабов итог кампании повысил военный и политический авторитет Тюргешского кагана, привлек на его сторону новые силы. Когда в 727 г. назначенный взамен не справившегося Джунайда Асад ибн Абдаллах напал на горный Хутталь, против него немедленно выступила мощная коалиция из согдийцев, жителей Чача, Хутталя и тюрков. Во главе коалиции встал каган Сулу.

Поначалу союзники добились значительных успехов. Они полностью зачистили Мавераннахр от арабских сторонников, в частности, разбили (и убили) чаганхудата (владельца Чаганиана), одного из последних серьезных среднеазиатских союзников арабов, хранивших верность халифу. Асад, находившийся в Хуттале и отчаявшийся обрести поддержку, обратился в бегство, торопясь скрыться на левом берегу Амударьи. Преследуя его, союзники тоже переправились через реку, правда, успели догнать только отряд, сопровождавший обоз с захваченным в Хуттале скотом. Отступление арабов было столь поспешным, что, по сообщениям Табари, население Балха сложило о нем следующее насмешливое четверостишие:

«Из Хутталя ты вернулся,
Опозоренным вернулся,
Сокрушенным ты вернулся,
Истощенным и растерянным вернулся» [9].

Своим отступлением Асад сам перенес военные действия на левый берег Амударьи. Здесь к союзникам присоединился арабский оппозиционер Харис ибн Сурайдж. Кроме того, каган вызвал на помощь «жителей Тохаристана, тохарского джабгу, с их царями и чакирами, которых собралось 30 тысяч (человек)» [10]. В этот момент среднеазиатская гегемония каганата не подлежала сомнению, а Сулу казалось, уподобился прежним великим каганам тюркютов.

Однако неожиданно военное счастье изменило тюргешам. Посчитав, видимо, основные силы арабов разгромленными, а их сопротивление сломленным, каган рассредоточил свои войска, оставив при себе всего лишь 4 тысячи человек. Узнавший об этой оплошности Асад немедленно перешел в контрнаступление и настиг Сулу недалеко от местности Хористон, где произошло решительное сражение. Битва закончилась победой арабов. Каган вместе с Харисом и остатками своих отрядов отступил в Уструшану, а оттуда ушел в Хафтруд (Семиречье). Вслед за этим Хутталь был снова захвачен арабами, а те отряды тюрков, которые перед последним сражением рассредоточились по Тохаристану, были перебиты.

Каган, вернувшись в родное Семиречье, сразу стал готовиться к новой войне. Однако взять реванш ему не удалось — вскоре он был убит, а его воины, лишившись вождя, рассеялись. Уже в следующем десятилетии каганат тюркешей прекратил свое существование. Оставшиеся без тюркской военной поддержки мятежные согдийские владетели еще связывали какие-то надежды с китайским вмешательством, но после разгрома арабами китайской армии вторжения в 751 г. окончательно покорились арабскому правлению. Включение Средней Азии в мировую мусульманскую ойкумену вызвало неизбежную фундаментальную перестройку внутреннего уклада региональных социумов, а также всей системы их внешних связей. Последнее негативно сказалось на развитии тюркско-согдийских отношений — к и без того существовавшему антагонизму между кочевниками и оседлыми земледельцами, усугублявшемуся расовыми различиями, добавилось жесткое религиозное противостояние.

С этого момента у земледельцев Мавераннахра формируется устойчивый стереотип о жестоких тюркских племенах, готовых разрушительным смерчем пронестись над его цветущими оазисами. Со своей стороны тюрки платили согдийцам той же монетой, считая их неприспособленными к независимому существованию, неготовыми отстаивать собственную свободу с оружием в руках. Принципы взаимовыгодного сотрудничества и мирного сосуществования, определявшие тюркско-согдийские связи в доисламскую эпоху, в ближайшие несколько столетий сменились непрекращающимися пограничными столкновениями: лихими набегами *гузов* и *карлуков*, а также ответными карательными экспедициями согдийских эмиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусаков В.В. Центральная азиатская политика Кушанского царства. — *Shygyz Orient*. — Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КазАН, 2007. — №1-2 (7-8). — С. 7—14.
2. *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djafar at-Tabari* / Ed. M.J. de Goeje. Vol. II // *Lugduni Batavonum*. — P. 899.
3. Птицын Г.В. К вопросу о географии «Шахнамэ» // *Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа*. — Л., 1947. — Т. IV. — С. 293—312.
4. Гафуров Б.Г. Таджики. — Душанбе, 1989. — С. 280.
5. *The history of Bukhara*. Transl. From a Persian Abridgement of the Arabic Original by Narshakhi by R.N. Frye. — Cambridge, 1954. — P. 61.
6. Мухаммед ат-Табари. История. — Ташкент, 1987. — II. — С. 1533.
7. Там же. С. 1534.
8. Там же. С. 1540.
9. Там же. С. 1602—1603.
10. Там же. С. 1604.

Из истории депортации крымских татар

КАЛЫБЕКОВА М.Ч.

Переселенческая политика 1930-х гг. характеризуется насильственными переселениями, сначала проводившимися по социальному признаку, затем — по национальному. В 20—30-е гг. прошлого столетия из центральных районов СССР в массовом порядке под конвоем были выдворены в Казахстан, Урал, Среднюю Азию, Сибирь и на Дальний Восток представители так называемого свергнутого класса, высшего сословия, духовенства, а также зажиточные крестьяне. В предвоенные годы под разными предлогами были сняты с мест постоянного проживания целые народы.

К числу пострадавших народов относились и крымские татары, которые являются одним из этнических компонентов многонационального населения Казахстана.

Ранним утром 18 мая 1944 г. началась акция по выселению крымских татар. На проведение ее карательным органам потребовалось всего лишь 60 часов и свыше 70-ти эшелонов, в каждом из которых было 50 вагонов. Для проведения этой акции наркомому внутренних дел и наркомому госбезопасности предписывалось командировать в распоряжение соответствующих органов Крыма 5 тысяч оперативных работников, выделить для обеспечения операции 20 тысяч человек внутренних войск и с этой целью направить 11 стрелковых полков и батальонов и отдельную снайперскую роту. Подготовка к выселению шла оперативно и организованно, и уже 7 мая руководство по выселению в Крыму просило выделить 2 тысячи грузовиков. Была проведена оперативная перепись населения, в г. Симферополе развернул свою работу штаб по проведению операции, 13 мая прибыла комиссия СНК СССР по организации и руководству приемами от спецпереселенцев скота, сельхозпродукции, другого имущества. За два дня до выселения крымских татар в помощь Госкомиссии были выделены на местах около 20-ти тысяч человек [1].

В результате депортации у крымских татар было полностью изъято: более 80-ти тысяч домов с имуществом; 127,5 тысяч голов крупного рогатого скота и 357 тысяч голов овец и коз; более 34-х тысяч гектаров приусадебных участков; весь запас продовольствия, семян кормов для домашних животных, строительных материалов для ремонта домов, около 4-х тысяч тонн пшеницы, кукурузы, ячменя, круп и других видов сельхозпродукции. Сельские жители вынуждены были оставить большое количество сельхозинвентаря.

Были отняты и в последующем уничтожены духовные ценности. В архивных документах отмечается, что были ликвидированы 112 личных библиотек, 664 библиотек в начальных и 221 — в средних школах, 200 библиотек в колхозах, 30 — в

районах и 60 — в городах Крыма. В селах Крыма были закрыты 360 изб-читален, в городах и районах — более 260-ти клубов. Были также закрыты, а впоследствии заняты под конюшни различные склады, магазины и полностью разрушены десятки театров и мечетей, уничтожено 2400 кладбищ. Ликвидированный книжный фонд на крымско-татарском языке составляет около 25-ти миллионов экземпляров. Ликвидирована система национального образования, театр, материально-политические основы исследований и развития в сфере общественно-политических наук, истории и археологии, языка и литературы. По сути дела, была ликвидирована вся система высшего, среднего и начального образования на крымско-татарском языке, вся система культуры.

В целом по народному хозяйству Крыма, даже по выборочным архивным данным, ущерб в годы войны исчисляется в 20 миллиардов рублей, доля крымских татар составила около 4,5 миллиардов рублей (полновесных советских рублей). В частности, по некоторым сведениям, ориентировочный материальный ущерб, нанесенный в результате депортации всей общественно-коллективной собственности, составляет в ценах на 1961 г. сумму свыше 1,4 миллиарда рублей, а только по учтенным видам личной собственности крымско-татарский народ был ограблен на 2,5 миллиардов рублей. В том числе отняты свыше 80-ти тысяч жилых домов, составляющие, по сути, весь жилой фонд крымских татар, в стоимостном выражении оценивается в 785 миллионов рублей. Ущерб, нанесенный при ликвидации книжного фонда, по приблизительным подсчетам, составляет более 18-ти миллионов рублей [2].

Тоталитарная депортация и, по сути, геноцид крымских татар через месяц после возвращения в Крым советских войск превзошли все самые худшие ожидания. Это было, кроме всего прочего, еще и величайшим предательством со стороны советской власти, поскольку основная часть мужского населения крымских татар, призванная в армию, продолжала в то время проливать свою кровь на фронтах за ту же советскую власть. Выселение крымских татар проводилось с большой жестокостью.

Согласно данным Государственного архива Карагандинской области, в Казахстан прибыло более 190 тысяч крымских татар [3]. В соответствии с исследованием К.С. и Е.К. Алдажумановых, было вывезено 191 044 лиц татарской национальности. Из этого количества 1268 семей (4501 человек) прибыло в Казахстан [4]. Кроме того, в ходе этой операции было депортировано 7 тысяч болгар и греков, высланных в основном из Краснодарского края. На территории республики, по данным НКВД, на 1 января 1945 г. находилось 4224 человека (1223 семьи), которые были расселены компактно только в Гурьевской области [5].

Были ли на самом деле депортация основания? Как известно, 9 декабря 1948 г. была принята Международная конвенция «О предупреждении геноцида и наказании за него», ратифицированная всеми членами ООН. Согласно ей, к разряду геноцида относятся действия, прямо или косвенно создающие для какой-либо группы людей такие условия, которые рассчитаны на полное или частичное ее уничтожение. В основе геноцида лежит принцип коллективной ответственности определенной общности, основой которой, в свою очередь, является общность происхождения ее членов. Репрессии, таким образом, распространяются не только на людей, персонально в чем-то виновных, но и на лиц, принадлежащих к одной с ними группе [6].

В основе депортации целых народов лежат причины политического характера. Выселение происходило по сфабрикованным обвинениям в предательстве Родины. Таким образом, депортация народов была показателем правовой незащищенности и характеризовалась грубейшим нарушением политики административно-командной системы, опирающейся на тоталитарный режим. Грубейшие нарушения национальной политики выразились в насильственном переселении целых народов, в упразднении ряда национально-государственных автономных образований (автономной республики немцев Поволжья, Калмыцкой, Крымской автономных республик).

Народы Казахстана, как и страны в целом, понесли большие потери в результате политических репрессий. Согласно данным исследования М.К. Козыбаева, в 1930—1953 гг. по обвинению в контрреволюционных, государственных преступлениях судебными органами вынесены приговоры в отношении 35-ти тысяч человек, из которых 5430 человек были расстреляны [7].

В 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР своим Указом формально реабилитировал крымско-татарский народ. Однако подлинной реабилитации не произошло, ссылка была отменена, но крымским татарам запрещалось возвращаться в Крым. Спустя 23 года с момента депортации, в 1967 г., Верховный Совет СССР полностью снял огульное обвинение, но и это решение государства носило чисто декларативный характер. Попытки отдельных групп крымских татар вернуться на свою историческую родину наталкивались на противодействие местных властей [8]. Только благодаря постоянной, упорной борьбе крымско-татарского народа, Верховный Совет СССР 14 ноября 1989 г. принял Декларацию о признании незаконными и преступными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечению их прав, которая положила начало массовому возвращению крымских татар в Крым.

Также 26 апреля 1991 г. был принят Закон РСФСР о реабилитации репрессированных народов. В нем говорилось, что в годы советской власти подвергались репрессиям народы, в отношении которых по признакам национальной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся насильственным переселением, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения. Политика произвола и беззакония, практиковавшаяся на государственном уровне по отношению к этим народам, являясь противоправной, оскорбляла достоинство не только репрессированных, но и всех других народов страны. Этим законом, как говорится в его преамбуле, восстанавливалась историческая справедливость, провозглашалась отмена всех актов союзных, республиканских, местных органов и должностных лиц, принятых в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих права; они признавались неконституционными и утратившими силу. Закон признает полную реабилитацию этих народов: территориальную, обеспечивающую, согласно их волеизъявлению, возвращение в места традиционного проживания; политическую — право на свободное национальное развитие, обеспечение равных с другими народами возможностей в осуществлении своих политических прав и свобод; социальную — возмещение социального ущерба, нанесенного им в результате репрессий; культурную — осуществление комплекса мероприятий по восстановлению их духовного наследия и удовлетворению культурных потребностей.

Депортация, предпринятая партийно-государственным руководством СССР, долгое время относилась к важнейшим государственным секретам. Депортация как крупномасштабная акция, деяние государства по отношению к некоторым населяющим его территорию народам, как явление нашей недавней истории, последствия которой дают о себе знать и по сей день, должна быть проанализирована и оценена с точки зрения общественно-политических, морально-нравственных, юридических критериев. Использование последних позволяет судить о правомерности или неправомерности как всего явления депортации народов в целом, так и каждого составного ее компонента и в зависимости от этого решать вопрос о законодательных и иных юридических мерах, которые следует предпринять государству и обществу, чтобы окончательно определиться с этой серьезной проблемой.

Так, было признано, что в отношении репрессированных народов на государственном уровне применялась «политика произвола и беззакония, геноцида и клеветы».

Таким образом, тоталитаризм как особый общественно-политический феномен сыграл зловещую роль в судьбах людей советской эпохи. Одним из тяжчайших преступлений тоталитаризма являются: депортация народов, насильственное разрушение этносоциального и территориального единства, имевшие далеко идущие негативные последствия, в том числе и для тех, в чью привычную среду обитания они были внедрены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильясов Р. Крымские татары: краткий обзор прошлого и анализ социально-экономического положения настоящего // Алтын бесік. — Вып. 5. — 1997. — С. 3.
2. Там же. С. 5.
3. Данные Государственного архива Карагандинской области.
4. Алдажуманов КС., Алдажуманов Е.К. Депортация народов — преступление тоталитарного режима. — Алматы, 1997. — С. 13.
5. Архив Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной прокуратуры РК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 30.
6. Кан Г.В. История корейцев Казахстана. — Алматы: Ғылым, 1995. — 208 с. (С. 47—48).
7. Козыбаев М.К. История и современность. — Алма-Ата, 1991. — С. 10.
8. Ильясов Р. Указ. соч.

Из истории авестизма в Южном Казахстане и Жетысу (боги, храмы, обряды)

ТЕРНОВАЯ Г.А.

В идеологии населения Южного Казахстана и Жетысу сохранены многие черты мировоззрения, возникшие и оформившиеся в эпоху бронзы. Несмотря на то, что этнический состав населения менялся на протяжении всего времени, созданный здесь тип скотоводческого и скотоводческо-земледельческого хозяйства никогда не знал полного разрыва с традицией предшествующих эпох. Религиозное мировоззрение имело проявление в культовых объектах, обрядовой сфере, художественном творчестве. Материальная культура свидетельствует о существовании здесь религиозных традиций, связанных с представлениями Ригvedы и Авесты, которые прослеживаются до XII в. н.э. На местной почве эти воззрения часто переплетались с представлениями шаманизма [1].

Религия, основанная пророком Заратуштрой, возникла в контактной зоне между миром кочевников, занимавших степи нынешнего Казахстана и севера Средней Азии, и миром оседлых земледельцев и скотоводов на юге Средней Азии, на территории современного Ирана и Афганистана. Время жизни пророка определяется в пределах конца 2-го — начала 1-го тыс. до н.э., не позднее VII в. до н.э. [2]. Средой развития религии Авесты была протогородская и городская культура. Во 2 тыс. до н.э. религиозное мировоззрение представителей этой культуры на юге Средней Азии — в Бактрии и Маргиане рассматривается как «протозороастризм» или «протоавестизм» [3; 4]. Бактрия, Хорезм, Мерв, Согдиана сыграли важную роль в сложении и первых этапах развития религиозной системы. В V—IV вв. до н.э. в Мидии был создан крупный зороастрийский центр, соперничавший с восточно-иранскими и оказавший влияние на развитие зороастрийской традиции.

В текстах Гат встречаются упоминания о турах, принявших учение Заратуштры. На основании этого Б.А. Литвинский предположил, что в первой половине VI в. до н.э. учение пророка было воспринято турами — саками, контактировавшими с оседло-земледельческими областями Средней Азии. К ним относятся и саки, «которые за Согдом», проживавшие в районе средней Сырдарьи. Семиреченские саки исповедовали форму религии, восходившую ко времени индоиранской общности [5]. А.К. Акишев рассмотрел комплекс признаков, характеризующих религиозное мировоззрение и обрядовую практику саков Жетысу, и предложил использовать термин «сакский митраизм» [6].

В центре религии сакских племен было почитание солнца. Материальные проявления культуры саков зафиксированы в VIII—III вв. до н.э. Согласно мнению Ю.А. Рапопорта, крестообразная планировка сакских погребальных сооружений в

области древних русел Сырдарьи может быть связана с солярным культом. Почитание солнца в массагето-хорезмийской среде нашло отражение в погребальных памятниках, где засвидетельствовано трупосожжение, соотносимое с культом огня — солища. Нередко встречаются солярные знаки на оссуариях [7].

В I—VI вв. н.э. на основе хронологически предшествующих памятников с крестовидной планировкой, открытых в районе древних русел Сырдарьи, получила развитие храмовая архитектура Южного Казахстана и Жетысу. Это Актобе-2 и Актобе-1 на средней Сырдарье, Кзыл-Кайнар-тобе и Чоль-тобе в Таласской долине. В планировочной основе этих памятников также заложен крест и отмечены культ солнца и культ предков. В эпоху «протогородов» идея храма соотносилась с погребальными комплексами. Происхождение купольных и шатровых перекрытий в рассматриваемых храмах связано с предшествующими по времени погребальными конструкциями [8; 9].

Монументальная постройка на Актобе-2 (I — начало IV в.) определена как укрепленный храм. Памятник связан с Кангюй и сарматами, отнесен к первому и второму этапам культуры Каунчи. Время существования двухэтажной постройки на Актобе-1 пересмотрено и отнесено к IV—VI вв., к периоду Каунчи-3 [10]. Идеология сако-сарматских племен была индоевропейской и выходила за рамки зороастрийских мифологических циклов [11].

Памятники IV—V вв. Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе, расположенные на территории Таласской долины, относятся к культуре хуннов. Прослеживается сходство планировки с памятниками Бухарского оазиса и Ферганы хионитского времени. Однако восстановленный обряд имеет характерные особенности. «Ранние земледельческие поселения» интерпретированы как храмовые комплексы, на них отмечен культ солнца и огня [12]. Глава государства хуннов — шаньюй был именован «сыном Неба» и официально титулован «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной прославленный, великий гуннский шаньюй» [13].

Среди находок на Актобе-2, Актобе-1, Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе выделяется значительное количество пряслиц и зернотерок. В центральном крестовидном сооружении на Чоль-тобе вскрыто погребение девушки с пряслищем и игольником. Погребенная связана с образом «пряхи» или богини с веретеном. Пряслица и зернотерки, найденные на территории храмов, использовались в обрядовой практике, посвященной культу богини, прядущей нить судьбы [14; 15]. Культ богини с веретеном прослежен на памятниках кушанского периода среднеазиатской античности (I в. до н.э. — IV в. н.э.). Появление и развитие этого образа в Средней Азии объясняется распространением античной культуры, способствовавшей возобновлению архаичных традиций. На возрождение культа женского божества повлияли гинекократические традиции саков, сарматов и юэчжей, участвовавших в создании государственных образований на территории Средней Азии [16].

Связующие нити (отростки), тянущиеся от «верхних» частей раннесредневековых жертвенников-очагов джетысарской и отраско-каратауской культур, связаны с представлениями о «нитях жизни», они генетически восходят к культу Богини с веретеном [17; 18; 19].

В «храме огня» на цитадели городища Баба-Ата (VI—VIII вв.) также отмечен культ солнца, выделены архитектурные особенности, определено функциональное назначение каждого помещения, произведена реконструкция обряда с возже-

нием огня от лучей солнца и ритуальным возлиянием в храмовый колодец. На основании комплекса полученных данных восстановлена последовательность выполнения обряда в календарном цикле года и в течение дня. Огонь в храме зажигался от лучей солнца, проникавших через отверстие купола юго-восточного зала. Здание объясняется как храм, восходящий к более ранним традициям воздвижения погребальных сооружений и связанный с представлениями авестизма [20].

Огонь — одна из важнейших божественных субстанций с развитым культом, общей индоевропейской и, в частности, индоиранской традициями. В то же время индийская и иранская концепции огня имеют принципиальные отличия. В индийском культе огонь рассматривается как жертвенная субстанция и в ритуале выполняет символическо-космические функции. В Иране огонь — сакральная субстанция, «чистый» элемент, который нельзя осквернять прикосновением. С этим связаны специфические формы очистительных ритуалов и предписаний. С точки зрения исследователей, при рассмотрении генезиса культа и храмов огня приходится учитывать, что в Средней Азии и Иране иранский культ огня «наложился» на верования, распространенные в предшествующее приходу протоиранцев время [21].

В храмах солнца Южного Казахстана и Жетысу I—VIII вв. проводились обряды, во время которых запускались космические, природные циклы, соотносимые с годовым циклом Солнца, восстановлением целостности мира. В структуру храмовых комплексов Актобе-2, Актобе-1 и Баба-Ата входили колодцы. Объединение в храме культов огня и воды является сутью древнеиранской религии. В иранских верованиях, как в индоиранских и индоевропейских в целом, почитание огня соединяется с почитанием воды, особенно колодцев. В Бактрии сочетание культа огня и воды отмечено в храме Джаркутана середины 2-го тыс. до н.э. [22]. Два культа были совмещены в зороастрийском ритуале [23].

Племенам, проживавшим на территории рассматриваемых регионов: кангюям, сарматам [24], юэчжи, усуням [25], были известны авестийские представления о хварне (фарне) — солнечном сияющем начале, божественном огне, в котором воплощены слава, благополучие, царское величие, богоизбранность. Китайские источники содержат сведения о племени хунье, кочевавшем в середине II в. до н.э. в ханьских пределах — средней части провинции Ганьсу. Ю.А. Зуев предположил, что племя хунье (хварана) было племенем жреца — хранителя царского фарна, а племена хунье и сюту (huda) составляли солнечную фракцию государства [26]. Однако популярность этого образа не свидетельствует о принятии религии Авесты. Представления о хварне («фарре») зафиксированы в искусстве разных религий, разного времени и стран Передней и Средней Азии. Нимбы, особенно ореол, в буддийской скульптуре Индии рассматриваются как имитация живописных изображений, и эта иконографическая особенность в передаче образа Будды связана своим происхождением с Кушанской Бактрией.

В средневековый период Южный Казахстан и Жетысу являлись крупными историко-культурными регионами городской жизни. События арабского завоевания (VII—VIII вв.) оказали сильное влияние на социальный и культурный уклад жизни Средней Азии. С приходом ислама городская культура Южного Казахстана и Жетысу — областей, объединенных со Средней Азией экономическими, политическими и культурными связями, претерпела значительные изменения. Вторая

половина VII — первая половина IX в. — время сложения тюрко-согдийского культурного комплекса.

В VIII в. на средней Сырдарье было сформировано объединение Кангу-Тарбан. Господство в нем принадлежало тюркскому племени кангаров-кенгересов, потомкам кангюйцев. Кангары (печенеги) составили ядро объединения местного ираноязычного населения и тюркоязычных племен [27]. Исследователи отметили важную роль кангаров в формировании огузского и позднее кыпчакского союзов племен.

На резных досках из центрального зала дворца на городище Куйрыктобе в Отрарском оазисе (вторая половина VII — VIII в.) передана родословная правителей — кангаров (кенгересов), потомков кангюйцев, которые вели свое происхождение от легендарного Сиявуша так же, как ряд правителей Согда и Хорезма [28; 29]. С точки зрения одних исследователей, начало хорезмийской династии сиявушидов положили массагеты, по другим гипотезам — юэчжи чжао-у.

На территории городища Куйрыктобе были вскрыты три храма VII—VIII вв., связанные с авестийской религией [30; 31]. Культурный комплекс во дворце состоял из трех помещений: центрального четырехколонного зала, совмещавшего функции парадного зала и культового зала «даре мехр», адуриана (или аташаха), где хранился «вечный огонь», и подсобного помещения. Предполагают, что правители Средней Азии устанавливали на алтарях своих храмов огонь Варахрана (Адур-Варахран или Адур-Бахрам). В культовых помещениях дворца прослеживается сходство с памятниками Хорезма и Центрального Согда [32; 33].

В центре северо-западной стены центрального зала дворца Куйрыктобе, за тронном правителя, изображен бог Митра, или Митра-Ахура, в зубчатой короне Ахурамазды. Он представлен в сцене божественной инвеституры — символически венчает правителя на власть. В одной руке бога — корона, в другой — жезл с навершием в виде огня [34; 35]. Митра — главный персонаж в сценах божественной инвеституры асанидских правителей вновь завоеванных кушанских земель (Арташира, Пероза и Хормизда) [36]. На сохранившихся фрагментах досок из Куйрыктобе определены также изображения Сраоши, Наны-Анахиты и Арштад [37].

Образы богов Авесты выявлены на терракотовых плитках, статуэтках, курительницах. Они были воплощены в культовых сосудах с антропоморфными и зооморфными признаками из средневековых городов Южного Казахстана и Жетысу второй половины VII—XII вв. Это Зерван, Митра или Митра-Ахура, Сраоша, Фарн, Веретрагна, Нана-Анахита, Арштад, Армаити, Америкетат. Изображения авестийских богов встречаются на одновременных памятниках Средней Азии [38; 39].

«Дом огня» (адуринан) на востоке городища Куйрыктобе состоял из двух помещений и коридора. В этом храме горел «вечный огонь», хранилась зола, совершались обрядовые действия, среди которых — жертвоприношения с возлиянием крови на алтарь [40; 41].

В третьем храме, расположенном в восточной части шахристана, происходили общественные церемонии [42]. В его оформлении присутствовал фронтальный айван с суфами, протянутыми вдоль лицевого фасада. Храм состоял из семи помещений. Ядром комплекса был центральный зал с четырьмя колоннами. В стенах храма зафиксированы глубокие ниши. Планировка культового здания с

четырёхколонным залом характерна для ахеменидской, парфянской и эллинистической эпохи [43]. Подобные храмы открыты в Пенджикенте.

В определенный период в религиозной жизни Куйрыктобе произошли изменения. Во дворце был заложен вход в помещение с алтарем огня. Возможно, в это время перестал функционировать «дом огня» на востоке городища. Центральный зал дворца с изображениями богов Авесты, вероятно, стал выполнять функции «храма богов». По содержанию сцен в настенных росписях храмов и домов Пенджикента было отмечено, что после того, как в храме заложили камеру для хранения огня, вплоть до 40-х гг. VIII в., верующие продолжали возжигать огонь перед изображениями богов. В нишах храма, расположенного на территории шахристана, предположительно могли находиться скульптуры, и он, судя по отсутствию выраженных следов огня, был «храмом богов» [44].

К культовым элементам интерьеров в домах, вскрытых на территории городища Куйрыктобе, относятся напольные очаги, которые рассматриваются как родовые жертвенники, ниши-камины, имеющие северо-западную и юго-восточную ориентацию. Южные и восточные ниши с экранными стенками, подобно открытым на Топрак-кале в Хорезме, интерпретированы как алтари. В ритуалах использовались курительницы, переносные жертвенники, котлы с крышками, украшенными орнаментами и зооморфными навершиями, культовые столики-достарханы. То есть выделяется тот же набор жертвенников, что и у саков Жетысу. В мировоззрении горожан отмечены культ рода, анимистические и тотемистические представления, характерные для земледельческо-скотоводческих культур [45; 46; 47; 48; 49].

При определении религиозного мировоззрения отмечается необходимость изучения погребальной обрядности. В Южном Казахстане с авестийской религией связаны «сырцово-пахсовые наземные склепы», датированные IV—VIII вв. Они пришли на смену подкурганам катакомбам, существовавшим с первых веков до н.э. по V в. н.э. С V в. наземные склепы в количественном отношении были наиболее распространенными в среде городского и оседло-земледельческого населения. Функционально они соответствовали зороастрийским дахам, предназначенным для очищения костей от плоти [50].

С погребальными обычаями Юго-Западного Жетысу, возникшими под влиянием согдийцев — приверженцев религии Аветы, связаны захоронения в хумах и оссуариях, а также захоронения кучек костей и труположение в наземных склепах [51]. Ранние оссуарии датированы второй половиной VII в., большая часть относится к VIII—IX вв. В Таласской долине такие захоронения были обнаружены в городских некрополях Тараза и Костобе, в сельском некрополе Тик-Турмас, в Шуйской долине — в некрополе Краснореченского городища и других местах. Несмотря на то, что пребывание согдийцев на территории Жетысу зафиксировано в более раннее время, основной пик переселения приходится на VIII в., что объясняется притеснениями верующих на территории Согда в связи с приходом ислама.

VIII—IX вв. — время существования внутриворцового храмового комплекса на городище Костобе (г. Джамукат) в Таласской долине. Культурный комплекс дворца типологически близок к памятникам Западного и Восточного (горного) Согда, к культовым помещениям Шаша, свойственным дворцу, цитадели и замку. В помещении б, где находился алтарь с огнем, предполагается шатровое перекрытие. В трех помещениях из фрагментов резной глины восстановлено

декоративное убранство. В культовой нише помещения 6 собрана композиция с изображением плодоносящего Древа. Влияние ислама проявилось в оформлении тимпана ниши, где был изображен эпиграфический орнамент, имитирующий арабский шрифт [52; 53].

Имитация арабского шрифта отмечена также в оформлении культовой ниши в загородном дворцовом комплексе, вскрытом на объекте «Луговое Г» (г. Кулан). Время существования дворца отнесено к саманидскому периоду — IX—X вв. Планировка определена как воплощение представлений о райском саде. Помещение 8 в реконструкции было перекрыто куполом. По функциональному назначению оно определено как внутрдворцовая мечеть, постройка которой связана с еретическими отклонениями в раннем исламе. В оформлении мечети отмечены реликтовые проявления религии Авесты [54; 55].

К интересным находкам на территории городов Жетысу и Южного Казахстана относятся керамические сосуды, изображавшие авестийских богов. При проведении религиозных и календарных праздников эти сосуды наполнялись вином и применялись в обряде причащения телом и кровью богов. Хлеб и виноградное вино использовались в обряде причащения у поклонников бога Митры, богов фригийского происхождения Аттиса и Сабазия. Позднее этот обряд перешел в христианство [56; 57; 58; 59].

В Жетысу и Южном Казахстане найдены вещи, подтверждающие существование дионисийского вакхического культа. Это формочка для оттиска головы с трилистником с городища Тараз, бронзовая печать с изображением Диониса и серебряная накладка на ручку кружки с изображением Силена (VIII в.) [60]. В одном из домов городища Куйрыктобе были найдены красно-поливной сосуд для вина X—XI вв. со сливом в виде козлорогого сатира и керамическая ритуальная маска. Культ Диониса был широко распространен в Евразии и зачастую сливался с местными божествами. Праздник в честь Диониса отмечался в дни зороастрийского праздника Наурыз и сопровождался зрелищными театрализованными представлениями [61; 62].

Согласно замечанию М. Бойс, «недостаток письменных свидетельств о зороастризме в любой период до XVII в. н.э. делает необходимым использование любого источника свидетельств, включая литературу, филологию, археологию, нумизматику, ономастику, проведение правомочных сравнений с ведическими верованиями и практикой, если есть желание понять его учение и проследить его развитие». Археологические памятники являются ценным источником для реконструкции мировоззрения создавших их людей. Уникальные материалы, полученные при раскопках, позволяют расширить ранее существовавшие представления не только об архитектуре, искусстве, религиозных представлениях, но и восстановить недостающие звенья истории, проследить миграционные процессы, выявить генетические корни и историко-культурные связи населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терновая Г.А. Традиции и инновации в религиозном мировоззрении жителей Жетысу и Южного Казахстана в древности и раннем средневековье. Деп. в АО «НЦ НТИ». 05.09.08, №9108-Ка08.

2. Syirinov, T. Central Asia in second millennium B.C. and Proto-Zoroastrianism // Collection of materials UNESCO International forum "Culture and religion in Central Asia" (Kyrgyzstan, September, 1999). UNESCO, 2001. National Commission of the Kyrgyz Republic for UNESCO, 2001. — Pp. 150—167.
3. Сариниди В.И. Зороастрийская проблема в свете новейших археологических открытий // ВДИ. — 1989. — №2. — С. 178—182.
4. Syirinov, T. Op. cit.
5. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». — М.: Наука, 1972. — 270 с. (С. 150—155).
6. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1984. — 176 с. (С. 172—173).
7. Рапопорт Ю.А. Хорезмийские астаданы. (К истории религии Хорезма) // Советская этнография. — №4. — М.: Наука, 1962. — С. 73—75, 79.
8. Терновая Г.А. О культовом значении построек с крестовидной планировкой в районе среднего течения Сырдарьи I—VI вв. // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. — 2008. — №3. — С. 218—238.
9. Терновая Г.А. Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине IV—V вв. (по результатам археологических работ М.С. Мерциева). Деп. в АО «НЦ НТИ». 05.09.08, №9107-Ка08.
10. Терновая Г.А. О культовом значении построек с крестовидной планировкой в районе среднего течения Сырдарьи I—VI вв. ...
11. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. — VII в. н.э. — Самарканд — Ташкент: Фан АН РУз, 2000. — 342 с. — 201 илл. (С. 279).
12. Терновая Г.А. Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине IV—V вв. ...
13. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. — 368 с. (С. 65, 70—71).
14. Терновая Г.А. О культовом значении построек с крестовидной планировкой в районе среднего течения Сырдарьи I—VI вв. ...
15. Терновая Г.А. Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине IV—V вв. ...
16. Терновая Г.А. Культ богини с веретеном в разных традициях и воплощение ее образа в искусстве. Деп. в АО «НЦ НТИ». 05.09.08, №9109-Ка08.
17. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Анимистические представления горожан Южного Казахстана в средневековье // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. №1 (219). — Алматы: «Гылым», 1999. — С. 92—102.
18. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). МОН РК, ИА им. А.Х. Маргулана. — Алматы: Баур, 2005. — 236 с.
19. Терновая Г.А. Культ богини с веретеном в разных традициях и воплощение ее образа в искусстве...
20. Терновая Г.А. К вопросу о храмовой архитектуре и обрядовой практике жителей Южного Казахстана (храм VI—VIII вв. на цитадели городища Баба-Ата) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук, 2007 — №1. — С. 198—213.
21. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. — М.: Восточная литература РАН, 2000. — 503 с. — 77 табл. (С. 308).
22. Сулейманов Р.Х. Указ. соч.
23. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Указ. соч. С. 327.
24. Литвинский Б.А. Канглоиско-сарматский Фарн. (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). — Душанбе: Дониш, 1968. — 119 с.
25. Зуев Ю.А. Ранние турки: очерки истории и идеологии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 338 с. (С. 28—29, 31—32).
26. Там же.
27. Байпаков К.М., Елеуов М.Е. Кангой, Кангха, Кангу Тарбан. Тюркология // Туркестан. — №1. — 2002. — С. 56—65.
28. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Легенда о Сиявуше на резном дереве Куйрук-тобе // Известия МН-АН РК. Сер. обществ. наук. — Алматы, 1998. — №1 (213). — С. 58—67.
29. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)...
30. Терновая Г.А. Реконструкция некоторых обрядов по археологическим материалам городища Куйрыктобе (вторая половина VII — первая половина IX в.) // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. — Алматы, 2000. — №1 (224). — С. 169—182.
31. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)...
32. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Центральный зал дворца городища Куйрук-тобе в Отрарском оазисе // Приаралье в древности и средневековье. — М.: Восточная литература РАН, 1998. — С. 156—166.
33. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)...

34. Temovaya, G. Mithraism among the medieval townspeople of Southern Kazakhstan and Semirechye // Collection of materials UNESCO international forum "Culture and religion in Central Asia" (Kyrgyzstan, September, 1999). — UNESCO, 2001, National Commission of the Kyrgyz Republic for UNESCO, 2001. — Pp. 188—198.
35. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)...
36. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собр. Гос. Эрмитажа. Художественная культура Ирана III—VIII вв. — М.: Искусство, 1987. — 155 с. — 124 илл. (С. 23, 25, 69, 71).
37. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)...
38. Терновая Г.А. Керамика Таласской долины // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. — Алматы: Ғылым, 1993. — №5 (191). — С. 137—144.
39. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)...
40. Терновая Г.А. Культ растений и животных у средневековых горожан Южного Казахстана // Культурное наследие Южного Казахстана (сборник статей, посвященный 80-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея). — Шымкент, 2002. — С. 76—83.
41. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)...
42. Там же.
43. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Указ. соч. С. 191—193.
44. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)...
45. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Анимистические представления горожан Южного Казахстана в средневековье...
46. Терновая Г.А. Реконструкция некоторых обрядов по археологическим материалам городища Куйрыктобе (вторая половина VII — первая половина IX в.)...
47. Терновая Г.А. Культ растений и животных у средневековых горожан Южного Казахстана...
48. Temovaya, G. Op. cit.
49. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)...
50. Смагулов Е.А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения — 15». — Алматы, 2004. — С. 40—55.
51. Сенигова Т.Н. Вопросы идеологии культов Семиречья (VI—VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. — Алма-Ата: Ғылым, 1968. — С. 51—67.
52. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Архитектурные особенности, декор и культовая принадлежность некоторых помещений дворцового комплекса средневекового города Джамукат // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. — Алматы, 2002. — №1 (236). — С. 219—244.
53. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Резная глина Жетысу. Министерство образования и науки Республики Казахстан, Институт археологии им. А.Х. Маргулана. — Алматы: CREDO, 2004. — 164 с.
54. Байпаков К.М., Терновая Г.А. «Парадиз» в загородном дворцовом комплексе владетелей средневекового Кулана // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. — Алматы, 2002. — №1 (236). — С. 244—268.
55. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Резная глина Жетысу...
56. Терновая Г.А. Керамика Таласской долины...
57. Терновая Г.А. Функциональное использование ритуальной керамики с зоо- и антропоморфными признаками // Известия МН-АН РК. Сер. обществ. наук. — Алматы: Ғылым, 1997. — №1 (209). — С. 60—69.
58. Терновая Г.А. Реконструкция некоторых обрядов по археологическим материалам городища Куйрыктобе (вторая половина VII — первая половина IX вв.)...
59. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)...
60. Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI — начало XIII в.). — Алматы: Ғылым, 2007. — 304 с.
61. Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе)...
62. Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д. Указ. соч.

Новейшие зарубежные исследования по Центральной Азии

ЛАУМУЛИН М.Т.

Настоящий обзор не является сборником рецензий в традиционном виде на зарубежные издания, а должен компенсировать недостаток информации о книгах по Центральной Азии, увидевших свет в последние два года и не нашедших отражения в цикле рецензий, публикуемых в данном издании.

Примечательным является тот факт, что Центральной Азией и Казахстаном продолжили (после значительного перерыва) заниматься в Южной (романо-язычной) Европе (имеются в виду Италия и Испания), в то время как в традиционных центрах (Франции, Великобритании и Германии) интерес к нашему региону все это время не ослабевал. В Милане в 2008 г. увидел свет коллективный труд «Народ юрты: Казахстан от возникновения до современности», выпущенный болонским фондом «Касса ди Риспармио» (под редакцией Ф. Фаччини) [1]. Это фундаментальное историко-этнографическое и социополитологическое издание, призванное дать максимально полное представление о нашей стране итальянскому читателю.

Пять из тринадцати глав этой книги написаны казахстанскими историками, археологами, этнографами и социологами. Идеологи издания поставили себе целью осветить генезис культуры и цивилизации на территории Казахстана с учетом богатого археологического и кочевого прошлого страны. Однако в сборнике не оставлены без внимания и проблемы современности, в частности модернизации казахского (казахстанского) общества. Но в целом данная книга будет интересна в первую очередь итальянским социоантропологам.

Книги, изданные в Испании, полностью сфокусированы на современности. Работа «Великие державы и региональная интеграция в Центральной Азии: местная перспектива» (на англ. яз.), написанная при активном участии казахстанских специалистов, подготовлена к изданию фондом «Опекс» при МИД Испании [2]. Координаторами и идеологами книги выступили представители указанного фонда Марио Эстебан и Николас де Педро. Сравнительно небольшое по формату издание посвящено проблемам геополитики и международному положению Центральной Азии. В структурном плане работа рассматривает политику основных мировых акторов и заинтересованных держав в регионе — России, Китая, США, Турции, Японии и Европейского Союза.

Внимание испанских соавторов сфокусировано в первую очередь на отношениях Европейского Союза с Центральной Азией, хотя они дают возможность казахстанским коллегам высказать свою точку зрения относительно политики

других держав (мы не останавливаемся на них, поскольку с мнением наших авторов казахстанская аудитория знакома достаточно близко). М. Эстебан считает, что Россия осуществляет политику закрепления своего тающего влияния в регионе посредством укрепления инструментальной базы в рамках регионального сотрудничества (ЕврАзЭС и ОДКБ). Относительно политики Китая испанский эксперт придерживается мнения, что Китай играет растущую роль в регионе и явно лидирует в ШОС.

Соединенные Штаты, по его мнению, сконцентрированы исключительно на реализации своего проекта Расширенной (Большой) Центральной Азии с целью «реинтеграции» региона с Южной Азией, прежде всего с Афганистаном и Пакистаном. Турецкий геополитический проект, как и прежде, базируется на идее тюркского единства. Японию испанский политолог считает крупнейшим донором в регионе, что, с нашей точки зрения, является достаточно сомнительным тезисом. Но он прав в том, что стратегия Токио в ЦА мотивирована стремлением компенсировать влияние КНР и составить ему некий «азиатский» контрбаланс.

Геополитическая активность Евросоюза в регионе завязана на принятую в 2007 г. «Стратегию ЕС в ЦА по новому партнерству». И именно этот документ, как считает испанский эксперт, не учитывает геополитический контекст ситуации в Центральной Азии, что является его серьезным изъяном. Исходя из этого, испанские аналитики данной работой взялись компенсировать недостаток геополитического анализа, которым страдает стратегия ЕС.

Н. де Педро исходит из того, что Центральная Азия представляет собой регион растущего значения для Европы, которое вытекает из четырех причин: 1) регион — источник угроз, затрагивающих потенциально интересы ЕС; 2) энергетическое ресурсы; 3) в регионе пересекаются интересы России, Китая и Америки; 4) регион граничит с Афганистаном. В отличие от других геополитических акторов присутствие ЕС в регионе приветствуется как правящими режимами, так и оппозиционными силами. Особенно сильно чувствуется стремление идентифицировать себя с Европой у Казахстана, который в 2010 г. должен занять пост председателя ОБСЕ. ЕС в своей политике в регионе избегает геополитических игр, делает акцент на экономическое сотрудничество и образование, что в дальнейшем, уверен испанский аналитик, даст плоды в будущем, когда на сцену выйдет новое поколение региональных лидеров.

Другой особенностью стратегии ЕС является принципиальная поддержка региональной интеграции, но это скорее недостаток, а не преимущество европейской политики, поскольку различия между отдельными республиками региона просто бросаются в глаза. Но в целом, резюмирует этот автор, повестка дня ЕС для ЦА проста и содержит вполне прагматичные и понятные задачи: способствовать экономическому развитию и интеграции региона; снизить уровень политической зависимости стран региона от внешних сил; делать так, чтобы регион избежал втянутости в конфронтацию в духе «холодной войны».

Подготовленное организацией по международному сотрудничеству с азиатскими странами «Каса Асия» при МИД Испании издание «Ситуация с системой управления в Центральной Азии» при активном участии французских, центральноазиатских и испанских экспертов, посвящено внутреннему развитию региона [3]. В книге рассматриваются следующие вопросы: характер возникших в регионе политических режимов и социально-экономических отношений с точки зрения

исторических и структурных особенностей региона; экономическая и социальная эволюция постсоветского Казахстана; проблема эффективного управления в Узбекистане; экономические и политические отношения между Испанией и Центральной Азией, а также дается статистический обзор экономического и политического положения в каждой из республик региона. Проблемы стратегии и политики ЕС в регионе затрагиваются и в работах С. Пейруза [4].

Среди публикаций, посвященных отношениям ЕС и ЦА, следует назвать обзорный доклад о сотрудничестве между Финляндией и государствами Центральной Азии и Южного Кавказа, подготовленный экспертной группой во главе с Ф. Старром по заказу МИД Финляндии [5]. Доклад отражает уровень сотрудничества, методы и основные направления политики Хельсинки в этих регионах. Следовательно, можно понять, что политика Финляндии развивается в целом в русле общеевропейской стратегии (экономическая кооперация, борьба с угрозами и т.д.), но в Хельсинки отдают предпочтение таким направлениям, как поддержка НПО, гендерного равноправия, предотвращение конфликтов, миграция, банковский сектор. Доклад примечателен еще и тем, что содержит четкие рекомендации финскому правительству в вопросах строительства в дальнейшем своей политики в этих регионах, что нельзя объяснить ничем иным, как присутствием в авторском коллективе Ф. Старра*.

Сам профессор Фредерик Старр под тяжестью многолетней критики со стороны академического сообщества (центральноазиатского, российского и западного**) — и особенно вследствие явных неудач в политике администрации Дж. Буша — был вынужден фактически дезавуировать собственную идею о формировании Большой (расширенной) Центральной Азии [6]. Его объяснения и комментарии можно свести к следующему: меня не правильно поняли.

Затрагивая тему активности Ф. Старра и его коллег по Институту Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Дж. Хопкинса в Вашингтоне (ИЦАК), следует отметить, что его центр по-прежнему удерживал пальму первенства в сфере центральноазиатских исследований. О некоторых работах мы уже писали на страницах данного издания (А. Коэн «Казахстан: дорога к независимости: энергетическая политика и рождение нации»; С. Горак и Я. Шир «Высвобождение от тоталитаризма? Туркменистан при Бердымухамедове») [7].

Следует также назвать коллективную монографию «Японская дипломатия на Шелковом пути» [8]. Данная работа, которую возглавили в качестве редакторов Уяма Томохико и Хиросе Тецуя (в сотрудничестве с К. Леном), посвящена предыстории и современной политике Токио в Центральной Азии и охватывает практически все аспекты сотрудничества Страны восходящего солнца с нашим регионом.

Авторы исходят из того, что Японии пора отходить от своей прежней политики в регионе, когда Токио, формально действуя солидарно со всем Западом, делал акцент на экономическую помощь, благополучно закрывая глаза на демократическую тематику, которой придавали такое важное значение США и Европа. Авторы считают, что Японии пора подключиться к процессу демократизации

* Позиция ЕС в отношении стратегического характера сотрудничества с Казахстаном содержится также в: *Le Kazakhstan: Partenaire Stratégique de l'Europe // Diplomatie. Affaires Stratégiques et Relations Internationales. — Paris: AREION, 2009. — 16 p.*

** Подробнее см.: *Tulebergenova, G. The Greater Central Asia Project: Present State and Evolution // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). — 2009. — No 2. — Pp. 5—10.*

региона. В качестве второго важного тезиса авторы предлагают Токио отказаться от геополитического подхода к Центральной Азии в пользу политики поддержки развития, то есть делать упор на экономическую составляющую своих отношений со странами региона. К слову, центральноазиатская политика Японии и раньше никогда не демонстрировала тягу к какой-либо геополитизации.

Исследователи признают, что Центральная Азия никогда не рассматривалась японскими правящими кругами в качестве критически важного аспекта их дипломатической и внешнеэкономической стратегии. И, по-видимому, положение дел и останется на этом уровне, хотя создается впечатление, что авторам хотелось бы обратного. В качестве важнейшего условия продолжения японской политики в регионе они ставят отказ Токио от конкуренции с Россией и Китаем в какой-либо форме. Но Япония могла бы, по их мнению, найти конструктивный путь для налаживания совместного сотрудничества с этими державами.

В книге подчеркивается, что уже невозможно закрывать глаза на растущее экономическое влияние в этом регионе КНР и Южной Кореи. Будучи также североазиатской державой, Япония могла бы предложить своим соседям некую концепцию совместной стратегии в регионе, то есть фактически выступать единым фронтом. Авторы не скрывают, что главным (если не единственным мотивом) стратегической активности Японии является фактор заинтересованности в энергетических ресурсах, и таковым он и останется на перспективу.

Другой важный сюжет, затрагиваемый в монографии, это взгляд на центральноазиатскую политику Японии в контексте ее паназиатской стратегии и стратегических отношений с США. Первый (паназиатский) фактор наглядно проявился в новой концепции Токио в отношении региона. Если по началу она строилась по формуле диалога — «ЦА плюс Япония», затем на основе так называемой «Евразийской стратегии», то в настоящее время Токио разрабатывает новое видение своего отношения к региону в рамках «Арки свободы и процветания». Уже одно это название говорит само за себя и заставляет вспомнить геополитические проекты Японии для Азии первой половины XX в. Таким образом, паназиатский подход в политике Токио к Центральной Азии налицо.

Авторы оставляют для Японии возможность сформулировать собственный геополитический подход. По их мнению, это могли быть проекты «Расширенной Восточной Азии» (совместно с Китаем и Южной Кореей) или «Восточной Евразии» (те же и Россия). Эти проекты могли бы теоретически стать совместной площадкой и для Японии, и для Центральной Азии, включая всех заинтересованных игроков. Таким образом, в своей центральноазиатской политике Япония вновь сталкивается с дилеммой (как и на многих других внешнеполитических направлениях): подчинить ее своим интересам (что неизбежно придаст ей азиатский характер) или следовать в русле американской стратегии, что делает ее заложницей геополитики США со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

В рамках изданий ИЦАК творческий тандем Марлен Ларюэль и Себастьяна Пейруза подготовил фундаментальную монографию «Китай как сосед: центральноазиатские стратегии и перспективы» [9]. В основу концепции своей книги авторы закладывают следующий тезис: с 2000 г. Китай начинает играть все более значительную роль в Центральной Азии и к сегодняшнему дню он достиг такого положения, с которого вполне способен угрожать традиционному доминированию России в этом регионе.

КНР в отношении ЦА долгое время проводила традиционную китайскую политику — «ждать и наблюдать». В целом Пекин долго рассматривал регион как буферную зону. Но географическая близость и новые экономические реалии, похоже, подталкивают Китай к изменению статус-кво. Это почувствовали на себе все страны региона, в отношении которых Пекин осуществляет гибкую дипломатию и проводит политику «мягкой силы» и которым в один прекрасный момент было дано понять, что их не рассматривают в качестве равных партнеров. Только Казахстан располагает особым статусом, зафиксированным в редко даруемом Китаем кому-либо титуле «стратегического партнера».

Далее авторы останавливаются на так называемом «китайском вопросе». По их мнению, этот вопрос имеет много измерений. Первое относится к международной системе отношений и геополитике. Другое измерение имеет внутренний характер: данная проблематика используется в зависимости от контекста внутривнутриполитической ситуации в каждой стране. В разных республиках ЦА сформировалось различное видение «китайского вопроса». Для трех государств региона он не имеет такого острого цивилизационного и геополитического контекста, как для Казахстана и Кыргызстана. Кроме того, Китай, сам того не желая, спровоцировал резкую эволюцию академической синологии в сторону политических и международных отношений.

Основным смыслом и целью стратегии Китая является заполнение экономического вакуума, образовавшегося после распада СССР. Впрочем, это относится не только к Центральной Азии. Региональная стратегия КНР тесно связана с фактором Синьцзяна, уйгурской проблемой и т.д. На уровне методов и средств Китай пытается привязать к себе своими инвестициями страны региона, но авторы выражают глубокие сомнения в успехе долгосрочной экономической экспансии КНР. Тем не менее Китай успешно ведет себя в тех сферах, где отсутствие России очевидно. Это финансы и банковская сфера. Из последних сил Москва удерживает контроль над экспортом углеводородов, атомной промышленностью и электроэнергетикой. Но на геополитическом уровне Москва и Пекин находят много общих точек соприкосновения: оба заинтересованы в стабильности в регионе и сокращении западного влияния. Однако на экономическом уровне интересы обеих держав уже начинают приходить в столкновение. В первую очередь это относится к конкуренции за подземные ресурсы.

Отдельную главу Ларюэль и Пейруз посвятили состоянию политических, политологических и общественных взглядов в странах региона на фактор Китая. Особое внимание и наибольшее место уделено борьбе антикитайских и прокитайских групп в Казахстане. Диспуты между этими группами достаточно подробно рассматриваются в академическом, политическом и экономическом разрезе. Следует отметить, что в книге содержится значительный по своему объему и глубине анализа экскурс в историю, развитие и состояние аналитических мозговых центров в странах региона в контексте их интерпретаций политики КНР и отношения к Китаю.

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что в течение последнего десятилетия Китай стал ключевым, если и не напрямую, объектом анализа со стороны региональных политиков, политологов, СМИ и общественного мнения. Так называемый «китайский вопрос» превратился в предмет острейших политических дебатов и внутривнутриполитической полемики. Несмотря на

сохраняющееся предубеждение к Поднебесной среди элит и политических кругов региона, никто сегодня не может в открытую выражать антикитайские взгляды. В экономике, где напрямую интересы различных групп зависят от происхождения внешнего инвестора или партнера, антикитайское и прокитайское размежевание более очевидно, хотя и тщательно скрывается. На уровне силовых структур и секретных служб подозрения в адрес Китая крайне живучи и, по-видимому, поощряются сверху.

Они обращают внимание на то, что отношение к Китаю в разных республиках региона различное. В Казахстане в целом преобладают антикитайские настроения, в то время как в Таджикистане и Кыргызстане — больше прокитайские (крайне спорное наблюдение в отношении Кыргызстана). Авторы еще раз обращают внимание на попытки центральноазиатских стратегов и политиков выработать некий «третий путь», который — путем ли альянса с Западом или через создание самостоятельного, относительно мощного регионального объединения — избавит регион от необходимости выбирать между Пекином и Москвой. Но и внутри региона нет единства мнений на отношения с КНР.

Французские ученые вполне справедливо обращают внимание на следующий феномен (в основном на казахстанском материале): Россию в регионе могут критиковать, Запад — не любить, но Китай — ненавидеть. Авторы поражают уровень синофобии в регионе, главной причиной которой, по их мнению, является просто элементарное незнание своего соседа. Таким образом, приходят к выводу авторы, можно заключить, что чем дальше страны ЦА находятся от КНР, тем выше уровень релевантности к Народной Республике. И, наоборот, в Казахстане и Кыргызстане, где китайское присутствие является повседневной реальностью, соответственно, выше и уровень синофобии.

Французские исследователи отмечают, что Китай ведет тонкую игру в регионе. Пекин вовсе не стремится вытеснить Россию из ЦА в качестве гаранта безопасности региона. Наоборот, Китай вполне устраивает, что Москва несет основные финансовые расходы за поддержание стратегического баланса в регионе. Однако, если в один прекрасный момент Пекин поставит своей целью вытеснение Москвы с первых ролей в регионе, он может натолкнуться на ожесточенное сопротивление со стороны России. Но Китай ведет политику с упором на двусторонние отношения, что не позволяет центральноазиатским государствам и России выстраивать единый фронт в переговорах с КНР (как в случае с трансграничными реками).

Настоящей проигравшей стороной в результате российско-китайского альянса являются не государства региона, а США и ЕС. Этот альянс не дает возможности развиваться в регионе процессы демократии и либерализации местных режимов. Но не только это. Китай, где потенциально, а где уже и реально, своим присутствием не оставляет шанса западному бизнесу закрепиться в регионе. При этом Пекин ловко маскирует свою политику по сдерживанию Запада, оставляя Москве играть неблагоприятную роль антизападной силы в регионе. В завершение Ларюэль и Пейруз констатируют, что истинные интересы стран Центральной Азии решительно требуют присутствия в регионе третьей силы, которая могла бы выступить (в интересах самих стран ЦА) сдерживающей и уравновешивающей силой в противовес российско-китайскому альянсу.

Проблемы отношений Китая и Центральной Азии, политики КНР в регионе, ШОС и сопутствующие вопросы затрагиваются также в многочисленных статьях

этих и других авторов (в основном в специальном номере журнала «Ежеквартальный Форум Китай — Евразия» в 2009 г.) [10]. Соответственно, проблематику отношений между Индией и Центральной Азией можно найти и в другом номере этого издания [11]. Проблемы региональной безопасности (наркотрафик, ШОС и другие международные структуры) также затрагиваются западными авторами [12]. Не оставлена без внимания и проблема Афганистана в региональном контексте [13].

В рамках исследований ИЦАК увидели свет две индивидуальные работы сотрудницы этого центра Эрики Марат. Первая посвящена влиянию мирового кризиса на процессы трудовой миграции в Центральной Азии [14]. Э. Марат рисует следующую картину: основными странами — донорами рабочей силы являются три республики — Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан; странами-реципиентами — Россия и Казахстан. Если путинская Россия у автора — враждебное и ксенофобское для среднеазиатских мигрантов пространство, то Казахстан — «новый дом». Среди миграционных проблем Марат отмечает почти полное отсутствие межгосударственного сотрудничества в области скоординированной миграционной политики, а также социально-экономические проблемы, среди которых крайне низкий уровень оплаты, ужасающие условия труда и быта, незаконное рабство и бесправие трудовых мигрантов, нелегальная миграция.

Э. Марат приходит к выводу, что глобальный кризис вовсе и не так сильно сказался на рынке гастарбайтеров. Большинство из присутствовавших остались там, где их застал кризис, хотя приток новых рабочих рук заметно сократился. Автор предлагает ряд мер, чтобы снизить зависимость экономик региона от экспорта рабочей силы, а также минимизировать его негативный эффект. Среди этих мер развитие малого и среднего бизнеса на родине; укрепление межгосударственного сотрудничества в этой области, особенно между Узбекистаном и Казахстаном; помощь со стороны международных организаций и структур (надо полагать, западных) в подготовке персонала, компетентного в сфере трудовой миграции; расширение информационной кампании против нелегального трафика рабочей силы; инвестирование в средне-техническое образование; поддержка образования среди женщин; борьба с коррупцией.

Другой работой более широкого формата Э. Марат стало исследование «Армия и государство в Центральной Азии» [15]. Судя по подзаголовку книги («От Красной Армии до независимости»), автор планировала нарисовать широкое историческое полотно. Интересен сам выбор темы, поскольку подобная проблема никогда, насколько нам известно, не ставилась в западной политологии применительно к нашему региону. Речь идет, с точки зрения политической науки, не о военной истории и не военных традициях в советском духе в среднеазиатском обществе, а о бонапартистском потенциале армии, то есть в какой мере армия и военные являются политическим фактором на постсоветском пространстве в целом и в Центральной Азии в частности.

Для решения этой задачи Э. Марат поставила для изучения следующие вопросы: положение среднеазиатских военных в советское время; противоречивые оценки итогов афганской кампании («мы выиграли войну»); военные институты как часть государственно-национального строительства в постсоветское время; соперничество между различными региональными структурами в сфере безопасности; присутствие НАТО и Запада в Центральной Азии; трансформация

от «интернационалистских» вооруженных сил к националистическим. Как мы видим, Марат смешала в одной работе исторические, социально-политические, организационно-технические и геополитические проблемы.

Лейтмотивом исследования является идея о том, что военные как политический фактор играли «осевую» роль в политической жизни, государственном строительстве, внешней политике и повседневной жизни центральноазиатского общества с самого начала XX в. и до настоящего времени. С этим тезисом (при всем высоком уровне исследовательской компетенции автора) вряд ли бы согласились советские лидеры, начиная с Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина и заканчивая их преемниками, современными президентами новых независимых государств, которые столько сделали и делают для того, чтобы армия никогда не смогла играть заметную политическую роль, а оставалась «верным мечом партии», то есть инструментом правящих режимов. Но при всей спорности некоторых выводов автора, данная книга представляет несомненный интерес, и прежде всего в силу неординарности выбранного сюжета исследования.

Книга Джонатана Эйткена «Назарбаев и создание Казахстана» призвана ближе познакомить зарубежную аудиторию с архитектором наиболее успешного государства в Центральной Азии [16]. Это результат многочасовых бесед автора с нашим президентом, в которых глава Казахстана делился своими воспоминаниями и идеями. Данная работа представляет несомненный интерес для всех нас, поскольку содержит немало информации, ранее неизвестной как широкой публике, так и специалистам. Кроме того, здесь иной уровень конфиденциальности и откровенности, который позволил себе президент страны в беседах с иностранным собеседником. Очевидно, что данная книга не останется незамеченной в нашей стране.

Автор делает попытку не только показать жизненный путь своего героя, но и выяснить, какие обстоятельства и какие личные качества казахстанского лидера привели его не только к вершине власти, но и определили ему роль «творца нации», создателя современного Казахстана. Определяющими качествами характера своего героя Эйткен считает сочетание «твердости сталевара и прозорливости реформатора». Автор отмечает в предисловии к своей работе, что Назарбаев остается над скандалами, хотя его репутация не напрямую и страдает от их последствий. В заслугу своему персонажу автор ставит тот факт, что в плане прогресса в области религиозной свободы, СМИ, прав человека и либерального образования Казахстан «при Назарбаеве добился большего, чем Россия, Китай и все соседи по региону вместе взятые». Суть его политики автор видит в медленном движении от автократии к демократии и вполне поддерживает лозунг своего героя: сначала экономика, потом политика.

Во внешней политике Назарбаеву удалось сохранить и поддерживать прекрасные отношения с Москвой, Пекином и Вашингтоном, что само по себе заслуживает восхищения. Этот фактор обеспечивает внешнюю стабильность республики. Внутри страны возник средний класс, что гарантирует стабильное развитие Казахстана с внутривластной точки зрения. Эти достижения на Западе далеко не всегда связываются с именем первого президента Казахстана, поэтому, подчеркивает Эйткен, он взял на себя смелость поведать западной аудитории о роли и вкладе Н. Назарбаева в становление современного Казахстана, без которого, как уверен автор, молодое государство могло и не состояться.

Книга Эйткена состоит из 14-ти глав, ровно первая половина из которых посвящена советскому периоду в жизни героя, а вторая — постсоветскому. Вторая половина книги Эйткена, в которой рассматривается деятельность его героя после обретения Казахстаном независимости, наполнена драматизмом, и это объяснимо: собственного говоря, с этого момента Н. Назарбаев приступает к своей исторической миссии. А она, в чем, несомненно, убежден автор, состояла в создании современного Казахстана. Восьмую главу он назвал «Родовые муки независимости». Эйткен вполне точно и справедливо описывает все трудности, с которыми столкнулось молодое казахстанское государство. Ключевую главу книги — «Вступая в 21-й век», подводящую читателя непосредственно к современности, автор разделил на две части: одну он назвал «Домашний президент», вторую — «Международный президент». Они, соответственно, посвящены внутренней и внешней проблематике.

В этой связи автор задается вопросом: «стакан демократии» Назарбаева наполовину полон или наполовину пуст? Здесь Эйткен пытается понять сам и объяснить западному читателю, почему в стране, жившей десятилетиями (если не столетиями) под авторитарным правлением, невозможно в сравнительно короткие исторические сроки построить демократию в западном стиле. То есть автор как бы понимает и извиняет своего героя. Но среди болезненных тем в книге затрагивается не только проблема демократии, но и сложные отношения внутри большой семьи президента. Эйткен не скрывает от читателей всех перипетий, связанных с бурной и не всегда законной деятельностью бывшего зятя президента Р. Алиева.

Во внутренней политике в качестве важнейшего объекта внимания Назарбаева автор называет сферу образования. Автор задается вопросом о целях такой активной политики и находит ответ: фактически Назарбаев готовит лидеров завтрашнего дня, формирует элиту нации, которой предстоит продолжить его дело.

Характеризуя внешнеполитический стиль Н. Назарбаева, Эйткен отмечает, что казахстанский лидер — это непревзойденный мастер балансирования и активный энтузиаст участия в различных международных организациях. Кроме того, автор отмечает чувство юмора своего героя, которое он зачастую демонстрирует в международных делах (имеется в виду нашумевший фильм Б. Коэна о Борате и публичную реакцию Н. Назарбаева). Но, говоря серьезно о международной репутации президента Казахстана, автор отделяет его образ и реальное лицо. Он решительно призывает отказаться от таких стереотипов и клише прошлого века, как «экс-коммунистический диктатор» и «воспитанный в московском стиле автократ». Настоящее лицо Назарбаева как международного политика гораздо сложнее. Как считает автор, сложность и противоречивость его внешней политике проявились в полной мере в реализации так называемой многовекторной политики и особенно во время опасного балансирования между Москвой и Вашингтоном. Но стратегическая цель была достигнута: Казахстан стал председателем ОБСЕ, несмотря на сопротивление госдепа США и первоначальное охлаждение отношений с Д. Медведевым.

Завершающая глава книги Эйткена посвящена новой столице Казахстана Астане. Автор подчеркивает любовное отношение президента к городу, как своему детищу. Для него Астана больше, чем столица, больше, чем удачный проект, и больше, чем символ. Нелегко далось решение расстаться с Алма-Атой, которую

Назарбаев любил и любит за ее красоту, интернациональную культуру, динамичный стиль жизни и непревзойденный горный пейзаж. Но те же горы являются объективным и непреодолимым препятствием к дальнейшему развитию города. То есть Алма-Ата разделила судьбу таких мегаполисов, как Манхэттен и Гонконг. Кроме того, автор повторяет хорошо известные причины переноса, среди которых экологические проблемы, угроза разрушительного землетрясения, опасная близость к китайской границе и т.д., а также называет причину, о которой не принято было говорить вслух — чрезмерно «советская» (или русифицированная) атмосфера бывшей столицы. Повторяя путь Петра I, Дж. Вашингтона и К. Ататюрка, Назарбаев исходил не из «прихоти властителя» (Эйткен употребляет французское выражение *folie de grandeur*) и не из желания дистанцироваться от оппозиции, которая в основном базировалась в Южной столице. Автор приходит к выводу, что это решение было верным со стратегической точки зрения; оно подтвердило прозорливость и мудрое предвидение казахстанского лидера и доказало его волю и настойчивость как действительно национального лидера.

В эпилоге книги Эйткен не делает фундаментальных выводов относительно исторической роли своего героя, а, наоборот, подчеркивает актуальный и животрепещущий характер своего повествования, которое базировалось на 23-х часах персональных интервью, взятых автором у Н. Назарбаева. И, по мнению биографа, Назарбаев уверен, что его миссия далеко не завершена и будет еще продолжаться. И все же автор задается вопросом: какое наследие оставляет Назарбаев своему народу, своему региону и мировому сообществу? Возвращаясь к дискуссии о стакане с демократией и свободами, Эйткен приходит к выводу, что «стакан Назарбаева полон более чем наполовину», то есть дает позитивную (хотя и с оговорками) оценку деятельности своего героя. Экономическая политика Н. Назарбаева также говорит сама за себя. На международной арене политика президента также доказала свою эффективность, венцом чего стало председательство в ОБСЕ.

Затрагивая вопрос о некоторой двойственности личности своего героя и его деяний, Эйткен приводит слова бывшего советского лидера М.С. Горбачева о своем коллеге и товарище: «...никогда не забывайте, что Назарбаев является человеком двух культур — русской и азиатской». Эйткен добавляет к этой сентенции от себя, что именно такой бикультуризм многое объясняет в успехах Н. Назарбаева как политика и личности исторического масштаба. А в том, что Назарбаев как творец современного Казахстана уже занял свое место в истории, автор не сомневается, о чем он и заключает на последней странице своей книги.

Благодаря доверительным беседам автора со своим персонажем и допуску к личному архиву, книга содержит много материала, прежде неизвестного, который был бы крайне интересен отечественным исследователям. Безусловно, выход в свет этой книги имеет большое значение в преддверии 70-летнего юбилея Президента Казахстана. Остается только рекомендовать соответствующим ведомствам и издателям в Казахстане позаботиться о скорейшем и качественном переводе данной книги.

В заключение следует упомянуть такие работы, посвященные Казахстану, как переработанное и расширенное издание книги Дагмар Шрайбер о Казахстане [17]. Это классический путеводитель для германоязычных туристов по Республике Казахстан, содержащий максимально полный объем полезной и познава-

тельной информации. Надо отметить, что не всякое аналогичное казахстанское издание может похвастаться подобным уровнем. Фон им. Ф. Эберта издал для немецкоязычного читателя книгу «Центральная Азия: взгляд вовне» на немецком и русском языках. Издание должно показать немецкой аудитории, как видят внешнюю политику своих стран местные эксперты [18]. Это уже третья книга в данной серии.

Для полноты картины следует назвать коллективное совместное индийско-казахстанское издание «Современный Казахстан», посвященное современному внешнеполитическому положению нашей республики [19]. Группа французских ученых П. Шовен, Р. Летоля и С. Пейруз написали «Историю современной Центральной Азии» [20]. Проблемы экологии в Центральной Азии затрагиваются в работе одного из этих французских экспертов Р. Летоля «Аральское море» [21]. С. Пейруз также поднимает в небольшом эссе проблемы сельского хозяйства в регионе [22].

Как можно наблюдать из вышеизложенного, 2009-й г. был богат на коллективные и персональные монографии о Центральной Азии и отдельно — о Казахстане. Круг поднимаемых в этой литературе вопросов включает в себя как традиционные проблемы (геополитика и международные отношения, внутренняя политика, экономика), так и совершенно новые (роль вооруженных сил). Это означает, что наш регион по-прежнему остается в центре внимания мировой политической науки (и смежных дисциплин), хотя следует заметить, что интерес к Центральной Азии извне далеко не всегда продиктован исключительно академическим интересом.

Вновь напрашивается достаточно банальный вывод о полезности и смысле знакомства с зарубежной литературой, посвященной нашему региону. Ответ остается по-прежнему тем же: наши зарубежные коллеги, вольно или невольно, помогают нам лучше понять самих себя и взглянуть на собственные проблемы как бы со стороны. Но это полезно и необходимо исключительно в том случае, если мы сами стремимся исправить ошибки и улучшить положение, и в этом случае зарубежный опыт может стать неоценимым.

Но при этом всегда следует помнить, что иногда под видом новых взглядов и концепций нам пытаются навязать такие геополитические решения (как это имело место недавно с идеей «Большой Центральной Азии»), которые не отвечают коренным национальным интересам народов региона или могут поспорить нас с нашими естественными друзьями, союзниками и партнерами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Facchini, F. (a cura di). Popoli della Yurta. Kazakhstan tra le origini e la modernità. — Milano: Jaca Book, 2008. — 320 p.
2. Great Powers and Regional Integration in Central Asia: a local Perspective / Eds. By M. Esteban and N. de Pedro. — Madrid: Exlibris Ediciones, 2009. — 140 p.
3. La situation de la gouvernance en Asie Central / Coordinada pro G.M. Tabener, E. Soms Bach. — Madrid: Casa Asia, 2009. — 101 p.
4. Peyrouse, S. Facing the Challenges of Separatism: The EU, Central Asia and the Uyghur Issue. EUCAM Policy Brief. No. 4, January 2009. — Bruxelles: EUCAM, 2009. — 16 p.; Peyrouse, S. Business

- and Trade Relationships between the EU and Central Asia, EUCAM Working Paper No. 1, June 2009. — Bruxelles: EUCAM, 2009.
5. Starr, S.F., Cornell, S., Oksajärvi Snyder, M. Evaluation Finland's Development Cooperation in Central Asia and South Caucasus (Evaluation report 2009:1). — Helsinki: The Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2009. — VI+70 p.
6. Starr, S.F. Rediscovering Central Asia // The Wilson Quarterly (The Woodrow Wilson International Center for Scholars.). — 2009, Summer; Starr, S.F. In Defense of Greater Central Asia. — Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program — A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University-SAIS, 2008. — 18 p.
7. Рецензия: Cohen, A. Kazakhstan: the Road to Independence. Energy Policy and the Birth of a Nation. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. — 287 p. // Казахстан-Спектр (КИСИ). — 2009. — №2. — С. 111—112; Рецензия: Horák, S., Šir, J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhamedow. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. — 97 p. // Казахстан-Спектр (КИСИ).
8. Рецензия: Len, C., Tomohiko, U., Tetsuya, H. (eds.). Japan's Silk Road Diplomacy. Paving the Road Ahead. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. — 206 p. // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). — 2009. — №3. — С. 137—139.
9. Рецензия: Laruelle, M., Peyrouse, S. China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. — 201 p. // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). — 2009. — №4.
10. Clarke, M. China's Integration of Xinjiang with Central Asia: Securing a "Silk Road" to Great Power Status // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2008. — Vol. 6. — No. 2. — Pp. 89—111; Laruelle, M., Peyrouse, S. Editors' Note: Central Asian Perceptions of China // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2009. — Vol. 7. — No. 1. — Pp. 1—8; Laruelle, M., Peyrouse, S. Cross-border Minorities as Cultural and Economic Mediators between China and Central Asia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2009. — Vol. 7. — No. 1. — Pp. 93—119; Oresman, M. Reassessing the Fleeting Potential for U.S.-China Cooperation in Central Asia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2008. — Vol. 6. — No. 2. — Pp. 5—14; Peyrouse, S. La présence chinoise en Asie centrale. Portée géopolitique, enjeux économiques et impact culturel. Etudes de CERI. — 2008. — No 148; Peyrouse, S. Chinese Economic Presence in Kazakhstan. China's Resolve and Central Asia's Apprehension // Chinese Perspectives. — 2008. — No 3. — Pp. 34—49; Peyrouse, S. Central Asia's growing Partnership with China, EUCAM Working Paper, No. 4, October 2009. — Bruxelles: EUCAM, 2009. — 15 p.; Schicor, Y. China's Central Asian Strategy and the Xinjiang Connection: Predicaments and Medicaments in a Contemporary Perspective // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2008. — Vol. 6. — No. 2. — Pp. 55—74; Šir, J., Horák, S. China as an Emerging Superpower in Central Asia: The View from Ashkhabad // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2008. — Vol. 6. — No. 2. — Pp. 75—88; Spechler, M.C. Why Does China Have No Business in Central Asia? // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2009. — Vol. 7. — No. 2. — Pp. 3—15; Sutter, R. Durability in China's Strategy toward Central Asia — Reasons for Optimism // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2008. — Vol. 6. — No. 1. — Pp. 3—10.
11. Balooch, M. Iran and India's Cooperation toward Central Asia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2009. — Vol. 7. — No. 3. — Pp. 25—30; Kaw, M.A. Restoring India's Silk Route Links with South and Central Asia across Kashmir: Challenges and Opportunities // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2009. — Vol. 7. — No. 2. — Pp. 59—74; Panda, J.P. India's Approach to Central Asia: Strategic Intent and Geopolitical Calculus // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2009. — Vol. 7. — No. 3. — Pp. 103—114.
12. Germanovich, G. The Shanghai Cooperation Organization: A Threat to American Interests in Central Asia? // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2008. — Vol. 6. — No. 1. — Pp. 19—38; Peyrouse, S., Laruelle, M. The Shanghai Cooperation Organization: Successes and Challenges // The Journal of Central Asian Studies (Kashmir University). — 2009. — Vol. 28. — No. 1. — Pp. 1—14; Swanström, N. Shanghai Cooperation Organization and the Aftermath of the Russian Invasion of Georgia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2008. — Vol. 6. — No. 3. — Pp. 3—8; Yang Shu. Reassessing the SCO's Internal Difficulties: A Chinese Point of View // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2009. — Vol. 7. — No. 3. — Pp. 17—24; Hanova, S. Perspectives on the SCO: Images and Discourses // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2009. — Vol. 7. — No. 3. — Pp. 63—82; Peyrouse, S. Drug-trafficking in Central Asia. Policy Brief. Institute for Security and Development Policy (Stockholm). — No. 8. — September, 2009. — Pp. 1—4.
13. Gleason, G., Hanks, R.R., Bosin, Y. Afghanistan reconstruction in regional perspective // Central Asian Survey (Oxford). — 2009. — Vol. 28. — Issue 3. — Pp. 275—287; Starr, S.F. A Regional Approach to Afghanistan and Its Neighbors // Strategic Asia 2008—2009. — Seattle: National Bureau of Asian Affairs, 2008. — Pp. 333—362; Chan, S. Breaking the Impasse in Afghanistan: Problems with Neighbours, Brothers and Guests // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2008. — Vol. 6. — No. 4. — Pp. 103—128; Khan, S. Stabilization of Afghanistan: U.S./NATO Regional Strategy and the Role of SCO // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). — 2009. — Vol. 7. — No. 3. — Pp. 11—16.

14. Marat, E. Labor Migration in Central Asia: Implications of the Global Economic Crisis. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University-SAIS, 2009. — 48 p.
15. Marat, E. The Military and the State in Central Asia. From Red Army to Independence. — London: Routledge, 2009. — 176 p.
16. Aitken, J. Nazarbayev and the Making of Kazakhstan. — London, New York: Continuum, 2009. — IX+256 pp.; Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). — 2010. — №1.
17. Schreiber, D. Kasachstan. Nomadenwege zwischen Kaspischem Meer und Altaj. — Berlin: Trescher Verlag, 2009. — 430 S.
18. Zentralasien: der Blick nach Aussen. Internationale Politik aus zentralasiatischer Sicht. — Berlin: Fridrich Ebert Stiftung, 2008. — 615 S.
19. Contemporary Kazakhstan: the Way Ahead. Eds. by A. Mohanty and S. Swain. — New Delhi: Axis Publications, 2009. — XV+314 pp.
20. Chuvin, P., Litolle, R., Peyrouse, S. Histoire de l'Asie centrale contemporaine. — Paris: Fazard, 2008. — 375 p.
21. Létolle, R. La mer d'Aral. — Paris: L'Harmattan, 2009. — 318 p.; MacKay, J. Running dry: international law and the management of Aral Sea depletion // Central Asian Survey. — Oxford, 2009. — Vol. 28. — Issue 1. — Pp. 17—27.
22. Peyrouse, S. The Multiple Paradoxes of the Agriculture Issue in Central Asia. EUCAM Working Paper No. 6. — Bruxelles: EUCAM, 2009. — 14 p.

V-я Казахстанско-российская научная конференция «Актуальные проблемы торгово-экономического и финансового сотрудничества Казахстана и России в условиях глобального кризиса» и «круглые столы»

КАРАТАЕВА Л.Р.

В апреле текущего года в Казахском институте стратегических исследований прошла одна международная конференция и были проведены шесть «круглых столов», в рамках которых обсуждались актуальные вопросы современных международных отношений, а также перспективы двустороннего взаимодействия Казахстана с Россией, Пакистаном и Ираном. Помимо казахстанских экспертов, в работе конференции и «круглых столов» приняли участие ведущие ученые и аналитики ближнего и дальнего зарубежья, представители государственных органов различных стран, международных организаций, ведущих вузов ближнего и дальнего зарубежья, а также средств массовой информации.

V-я Казахстанско-российская научная конференция «Актуальные проблемы торгово-экономического и финансового сотрудничества Казахстана и России в условиях глобального кризиса»

21 апреля 2010 г. в Казахском институте стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан состоялась V-я Казахстанско-российская научная конференция «Актуальные проблемы торгово-экономического и финансового сотрудничества Казахстана и России в условиях глобального кризиса», организованная КИСИ при Президенте РК совместно с Институтом мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН и Университетом «Туран».

В работе конференции приняли участие Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в РК М.Н. Бочарников, депутат Сената Парламента РК А.А. Башмаков,

директор ИМЭМО РАН А.А. Дынкин, советник РАН, член-корреспондент РАН Г.И. Чуфрин, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН С.В. Жуков, ректор Университета «Туран» Р.А. Алшанов, советник постоянного представителя РК при ЕврАзЭС Ю.И. Паршуков, заместитель директора Центра анализа общественных проблем К.Б. Берентаев, председатель Совета казахстанской Ассоциации таможенных брокеров Г.А. Шестаков, заместитель начальника Аналитического управления ЕАБР Е.Ю. Винокуров, старший аналитик Агентства по исследованию рентабельности инвестиций Г.Г. Рахматулина, эксперты КИСИ, представители межгосударственных и государственных органов, научно-аналитических кругов, преподаватели ведущих вузов Казахстана, а также сотрудники дипломатических миссий, аккредитованных в РК, и представители ведущих СМИ.

Работа конференции проходила в рамках трех секций, в ходе которых последовательно обсуждались состояние и перспективные направления торгово-экономического сотрудничества Казахстана и России, вопросы функционирования Таможенного союза трех государств и перспективы создания Единого экономического пространства, развитие финансового и инвестиционного сотрудничества.

В докладах экспертов прозвучали оценки состояния определяющих направлений и перспектив развития экономического сотрудничества двух стран, предлагались подходы к использованию возможностей единого таможенного пространства в процессе развития и укрепления экономических преимуществ и хозяйственной специализации стран-участников. Кроме того, обсуждались механизмы координации экономической стратегии и согласования принципов и приоритетов экономической политики, в том числе и в целях воздействия на формирование конъюнктуры мировых товарно-сырьевых рынков и активного участия в процессах реформирования мировой экономической и финансовой архитектуры.

В целом участниками конференции была отмечена необходимость укрепления регионального и межрегионального взаимодействия Казахстана и России через активизацию экономической интеграции в рамках Таможенного союза, формирования Единого экономического пространства и условий наибольшего благоприятствования для перемещения граждан, товаров и услуг, технологий и капиталов.

В заключение было высказано общее мнение о том, что конференции в подобном формате должны проводиться регулярно как в столицах двух государств, так и в регионах, например в приграничных областях. Также было определено место проведения следующей конференции — г. Петропавловск, где планируется участие как экспертов из Казахстана и России, так и представителей бизнеса двух стран, что позволит провести плодотворный диалог и выработать объективные рекомендации по совершенствованию экономической политики двух стран.

«Круглые столы»

9 апреля 2010 г. в Казахском институте стратегических исследований при Президенте РК состоялся «круглый стол» на тему: «Вопросы безопасности и стабильности в Центральной Азии и Афганистане» с участием Томаса Грэхема, старшего директора международной консалтинговой группы «Kissinger Associates»,

Inc» (Нью-Йорк, США), а также Роберта Лэйна, исполняющего обязанности генерального консула США в Алматы.

С казахстанской стороны в работе «круглого стола» приняли участие директор КИСИ при Президенте РК Б.К. Султанов, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК Л.М. Музапарова, главные научные сотрудники института С.К. Кушкумбаев, М.Т. Лаумулин и К.Л. Сыроежкин.

Эксперты обсудили актуальные вопросы, касающиеся безопасности и стабильности в Центральной Азии и Афганистане, а также ключевых аспектов внешней политики США в указанном регионе.

В рамках «круглого стола» Томас Грэхем представил собственное видение политической ситуации и процессов, происходящих в Центральной и Южной Азии. Им были рассмотрены важные изменения во внешнеполитической стратегии США за последние годы, основные приоритеты США в борьбе с международным терроризмом, дана оценка результатов военной кампании США в Афганистане, текущей обстановки в этой стране, внесено предложение о возможном прекращении военных действий и выводе военного контингента с данной территории. В завершение своего выступления эксперт подчеркнул перспективность казахстанско-американского сотрудничества, указал на стратегическое значение Центральноазиатского региона для мировой политики и экономики, где Казахстан за последние годы выдвинулся в региональные лидеры, что, согласно мнению американских экспертов, накладывает на республику особую ответственность в сфере безопасности.

В ходе дискуссии состоялся содержательный обмен мнениями. Особое внимание было уделено анализу последних событий в Кыргызстане, проблемам взаимоотношений России, Китая и США в Центральной Азии, а также деятельности в регионе международных структур безопасности, таких, как ОДКБ, НАТО, ШОС, СВМДА, и взаимодействию между ними.

* * *

«Переворот в Киргизии: причины и последствия» — такова тема «круглого стола», прошедшего 16 апреля текущего года в КИСИ при Президенте РК. Проведение мероприятия было обусловлено необходимостью осмысления событий, произошедших в соседнем Кыргызстане, и формирования непредвзятой экспертной оценки апрельских событий.

В работе «круглого стола» приняли участие ведущие эксперты как государственных, так и независимых аналитических структур Казахстана, представители СМИ и ряда ведущих вузов г. Алматы.

Во время обсуждения были представлены оценки, данные кыргызским событиям рядом видных экспертов и политиков мирового уровня. В целях выявления причин, способствовавших социальному взрыву, был проведен анализ политической и социально-экономической ситуации, сложившейся в Кыргызстане в последние годы. Отдельный интерес представлял показ видеоряда с места событий, подготовленного агентством «Хабар», и выступление директора информационной службы «КТК» Д. Меркиева, являвшегося очевидцем произошедшего.

В рамках дискуссии обсуждались вопросы возможных последствий кыргызских событий для Казахстана, были представлены результаты социологических опросов о настроениях казахстанцев. В завершение все участники «круглого

стола» сошлись во мнении о безальтернативности эволюционной трансформации общества.

* * *

«Круглый стол» на тему: «Вызовы и угрозы безопасности в Центральной Азии», организованный Советом безопасности РК, Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте РК и Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), состоялся в стенах КИСИ при Президенте РК 23 апреля 2010 г.

В работе «круглого стола» приняли участие помощник Президента — секретарь Совета безопасности РК Марат Тажин, генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа, представители Института ОДКБ (г. Москва), ведущие эксперты КИСИ, сотрудники государственных и независимых аналитических структур Казахстана, представители ведущих вузов г. Алматы, а также дипломатического корпуса, аккредитованного в РК.

В ходе мероприятия эксперты обсудили основные тренды угроз глобальной безопасности до 2015 г., а также вопросы развития системы коллективной безопасности в Центральноазиатском регионе. Отдельно была рассмотрена роль Казахстана как председателя в ОБСЕ в решении проблем безопасности в Евразии, а также ситуация в Афганистане и ее влияние на безопасность региона.

В процессе дискуссии участники «круглого стола» обменялись мнениями о будущей архитектуре безопасности в Евразии в целом и институционализации деятельности ОДКБ в частности.

На своей пресс-конференции Н.Н. Бордюжа ответил на вопросы казахстанских журналистов относительно проблем функционирования ОДКБ, обеспечения европейской и евразийской безопасности, а также последних событий в Кыргызстане. В данном контексте им была высоко оценена эффективная деятельность Казахстана в рамках ОДКБ, где РК, согласно его мнению, реально играет одну из ключевых ролей в качестве гаранта стабильности и безопасности в ЦАР. Кроме того, Н.Н. Бордюжа чрезвычайно высоко оценил результаты первых ста дней председательства Казахстана в ОБСЕ.

* * *

Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте РК совместно с Министерством иностранных дел РК и Австрийским центром международных исследований (ACIS) 27 апреля 2010 г. было проведено восьмое заключительное открытое заседание Совещания ACIS — ОБСЕ на тему: «Безопасность и сотрудничество в Северо-Восточной Азии и ОБСЕ: многостороннее сотрудничество в области безопасности и нераспространения». Научный форум проведен в рамках председательства Казахстана в ОБСЕ.

В работе «круглого стола» приняли участие посол по особым поручениям — директор Департамента ОБСЕ МИД РК С.О. Абдыкаримов, директор Департамента Азии и Африки МИД РК Р.С. Курмангожин, директор Австрийского центра международных исследований Ф. Маутнер-Маркхоф, личный представитель по группе азиатских партнеров по сотрудничеству действующего председателя ОБСЕ Э. Тезгюр, директор Офиса генерального секретаря ОБСЕ П. Фритч, посол по особым поручениям МИД РФ — председатель Шестисторонней рабочей группы

по механизму мира и безопасности в Северо-Восточной Азии Г.С. Логвинов. В качестве участников выступили также представители таких международных организаций и правительственных структур, как Международное агентство по атомной энергетике, Министерство иностранных дел и торговли Республики Корея, Посольство Японии в Российской Федерации, Посольство Монголии в Республике Австрия, Делегация Бельгии при ОБСЕ, Международный совет Пагуошской конференции по вопросам науки и мировым проблемам, а также представители дипломатического корпуса, аккредитованного в Казахстане. Вышние учебные заведения были представлены КазНУ им. аль-Фараби, Народным университетом обороны НОА (Пекин), Сеульским национальным университетом, Университетом Тондзи (Шанхай).

С докладом о роли Казахстана в обеспечении многостороннего сотрудничества в области безопасности выступил директор КИСИ при Президенте РК Б.К. Султанов. В частности, он отметил, что мировая система международных отношений вступила в новую фазу своего развития, основным проявлением которой является трансформация всей структуры геополитических и геоэкономических отношений. Казахстан заступил на пост председателя ОБСЕ в сложный период. Терроризм, экстремизм, климатические катаклизмы, экологические и гуманитарные катастрофы, конфликты на межэтнической и межконфессиональной почве и т.п. показали уязвимость всех, без исключения, государств перед современными угрозами и вызовами. Казахстан расценивает ОБСЕ как один из ключевых механизмов по обеспечению безопасности на обширной территории Евразии. При этом необходимо учитывать, что безопасность государств — членов ОБСЕ неотделима от безопасности соседних государств, не входящих в Организацию, и сегодня обеспечить безопасность Европы без учета азиатской безопасности невозможно.

Посол по особым поручениям МИД РФ — председатель Шестисторонней рабочей группы по механизму мира и безопасности в Северо-Восточной Азии Г.С. Логвинов и директор Австрийского центра международных исследований Ф. Маутнер-Маркхоф выступили с кратким обзором результатов и рекомендаций прошедшего ранее 26 апреля сего года в г. Алматы Совещания ACIS — ОБСЕ по вопросам обеспечения безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии.

В рамках дискуссии обсуждались вопросы возможности применения опыта и потенциалов ОБСЕ в процессе обеспечения безопасности в регионах Северо-Восточной и Центральной Азии. Была подчеркнута важная роль, которую сыграл Казахстан как действующий председатель ОБСЕ в стабилизации ситуации в Кыргызстане. Эксперты также обратили внимание на то, что многосторонняя дипломатия является не самоцелью, а процессом, для поддержания которого необходима политическая воля.

Подводя итоги, посол по особым поручениям — директор Департамента ОБСЕ МИД РК С.О. Абдыкаримов высказал удовлетворенность результатами форума. Он отметил, что каждый регион имеет свои специфические черты, которые проявляются в различных ситуациях, и одна из главных задач ОБСЕ состоит в продвижении накопленного Организацией опыта сотрудничества в области обеспечения международной и региональной безопасности. Безусловно, вопросы, затронутые в рамках Алматинской встречи и сделанные рекомендации, подлежат дальнейшему обсуждению и претворению в жизнь. Так, затронутая тематика станет предметом дальнейшего обсуждения странами — членами ОБСЕ, а так-

же будет входить в повестку дня конференции, которая состоится в Республике Корея 18—19 мая 2010 г.

* * *

Вопросам развития казахстанско-пакистанского сотрудничества был посвящен проведенный 29 апреля 2010 г. в Казахском институте стратегических исследований при Президенте РК «круглый стол» на тему: «*Казахстанско-Пакистанские отношения и их влияние на Центральную и Южную Азию*». Научное мероприятие было организовано КИСИ при Президенте РК совместно с Посольством Пакистана в РК.

В работе «круглого стола» приняли участие представители Университета национальной обороны Пакистана, Казахского национального университета им. аль-Фараби, КИСИ при Президенте РК.

С приветственными словами выступили директор КИСИ при Президенте РК Б.К. Султанов и военный атташе Посольства Пакистана в РК, бригадный генерал Салим Камар Батт.

Работа «круглого стола» проходила в рамках трех секций. Первая секция была посвящена сотрудничеству в области политики и региональной безопасности. С основным докладом выступил главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК С.К. Кушкумбаев. В своем выступлении он отметил, что, несмотря на имеющиеся сложности в организации тесных контактов между странами, например отсутствие прямых транспортных коммуникаций между государствами, Казахстан рассматривает Пакистан как одно из важных государств в Азиатском регионе, кроме того, стороны активно сотрудничают в рамках деятельности различных международных организаций, таких, как СВМДА и ШОС, где Пакистан имеет статус наблюдателя.

Во время дискуссии стороны обсудили актуальные вопросы безопасности Центральной и Южной Азии, такие, как урегулирование кашмирской проблемы в индийско-пакистанских отношениях, а также проблемы, связанные с процессом стабилизации ситуации в Афганистане.

Вторая секция была посвящена вопросам торгово-экономического сотрудничества между странами. Основным докладчиком выступила заведующая отделом экономических исследований КИСИ при Президенте РК А.Ж. Рахимжанова. В частности, в выступлении было отмечено, что на сегодняшний день созданы благоприятные возможности для развития всего спектра двусторонних отношений между странами, однако масштабы сотрудничества Казахстана с Пакистаном остаются пока не полностью реализованными. Наиболее перспективными направлениями сотрудничества являются банковский сектор, цветная металлургия, черная металлургия, химическая и нефтехимическая отрасли. Еще одним направлением сотрудничества могло бы стать вложение инвестиций, так как у Казахстана растет возможность экспорта капитала, в то время как Пакистан обладает значительными трудовыми ресурсами.

В рамках дискуссии стороны обсуждали такие вопросы, как возможность осуществления трудовой миграции и создания совместных предприятий. По итогам секции стороны пришли к мнению, что сотрудничество двух стран является перспективным и имеет значительный потенциал. Вместе с тем для его расширения и углубления необходимо активизировать межправительственные контакты по

совершенствованию нормативно-правовой базы, создать режим наибольшего благоприятствования для привлечения капитала в приоритетные сферы экономики и реализации совместных инвестиционных проектов, оказывать содействие установлению прямых контактов между заинтересованными государственными и негосударственными структурами для развития экспортно-импортного потенциала обеих стран.

В ходе третьей секции затрагивались вопросы культурно-гуманитарного сотрудничества между странами. С докладом выступил доцент ФМО КазНУ им. аль-Фараби М.А. Ауган. В докладе было освещено сотрудничество между странами в таких областях, как культура, спорт, образование и религия. Особо была подчеркнута роль международных организаций в поддержании контактов между странами.

В рамках дискуссии обсуждались вопросы присутствия Пакистана в информационном пространстве Казахстана и дальнейшего расширения сотрудничества между странами в культурной и гуманитарной областях.

В завершение «круглого стола» стороны проявили удовлетворенность состоявшимся разговором и выразили надежду на дальнейшее продолжение контактов.

* * *

29 апреля 2010 г. в Казахском институте стратегических исследований при Президенте РК состоялся «круглый стол» «Казахстан — Иран: вопросы политического сотрудничества» с участием официального представителя — специального помощника министра иностранных дел ИРИ Рамина Мехманпараста, а также иранских экспертов и сотрудников посольства ИРИ в РК. С казахстанской стороны в работе «круглого стола» приняли участие директор КИСИ при Президенте РК Б.К. Султанов, главные научные сотрудники С.К. Кушкумбаев, М.Т. Лаумулин, а также заведующие отделами института.

Научное мероприятие прошло в форме диалога по актуальным темам казахстанско-иранского сотрудничества, участия Казахстана и Ирана в многосторонних взаимоотношениях, в частности в рамках региональных объединений ОИК, ОЭС, ШОС и других международных организаций.

Участники мероприятия отметили необходимость углубленного взаимодействия двух стран в региональном сотрудничестве, выработке общих позиций по совместному освоению ресурсов Каспийского моря, поиске взаимовыгодных экономических и транспортно-коммуникационных проектов.

Также казахстанскими и иранскими учеными была дана оценка современной геополитической обстановке в регионах Ближнего Востока и Центральной Азии, обсуждены проблемы глобальной ядерной безопасности и расширения зон, свободных от ядерного оружия, вопросы сохранения региональной стабильности и урегулирования военно-политической ситуации в Афганистане.

В заключение была достигнута договоренность о продолжении в будущем рабочих встреч между казахстанскими и иранскими экспертами и разработке научных проектов, способствующих укреплению политических и социально-экономических связей Казахстана и Ирана, а также о дальнейшем обмене мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Summary

Regions Development — a Basis for a Sustainable Development of the Country

Kalabayeva A.N. — Senior Research Fellow of the Economic Research Department, KazISS under the President of RK, Candidate of Economics

Main direction of Kazakhstan's economic policy is creation of the effective national economic system, capable to provide a high standard of living of the population and effec-

tive integration of the country into microeconomics system. Thus the economic potential of the country can be opened only as set of separate making potentials of its regions.

Information Content of Terrorism

Karatayeva L.R. — Academic Secretary of the KazISS under the President of RK, Candidate of Political Sciences

The article is devoted to the new qualities of terrorism getting by them in connection with information-communicative technologies development. Gradual information of a

society and globalisation of information field create new possibilities for terrorism, and also form new axes of interdependence of terrorism and mass media.

Integration in East Asia: Terminological and Theoretical Aspects

Augan M.A. — Candidate of History, Docent of Faculty of the Regional Studies and World Economy of International Relations Department, KazNU named after al-Farabi

The article is devoted to terminological and theoretical aspects of integration in East Asia. The author comes to opinion that mutual economic rapprochement of the East Asian countries leads to strengthening of integration

in the region for which characteristic they often use the term "regionalism". Valuable approaches of the East Asian model of regionalism are characterised as special politico-historical type of integration.

Cooperation between Kazakhstan and Hungary in the field of Education and Science

Sarybayev M.S. — PhD Doctorate of the New and Contemporary History of Kazakhstan Department, Faculty of History, KazNU named after al-Farabi

The international cooperation in the field of science and education is regulated by the legislation of the Republic of Kazakhstan and carried out on the basis of the international treaties, agreements and conventions.

Article is devoted to the Kazakhstan-Hungarian cooperation in sphere of science and education which develop from the moment of independence of the Republic of Kazakhstan.

Nation-Building and Identity Formation in the post-Soviet Space (Kazakhstan, Uzbekistan, Belarus)

Omelchenko Ye.Ye. — Lecturer at the Kazakhstan-German University

The purpose of the article is to analyze the processes nation-building and searches of national identity in the CIS countries. As analytical cases the situation in three republics is considered, namely in Kazakhstan, Uzbekistan and Belarus.

Task of analysis is defining of nation-building models and key parameters of the national identification in the considered states that in turn allows to conclude about vectors of development of the states as a whole.

Kazakhstan's Ethnic Socio-Economic Space: Features and Problems of Development

Mukhamedzhanova D.Sh. — Leading Research Fellow of the Economic Research Department, KazISS under the President of RK, Candidate of Economics

Features and problems of development of ethnic socio-economic space of Kazakhstan are analysed in article. The role of the ethnic factor increases in the light of the global tendencies attaching

paramount significance to development of socio-economic systems, kept traditional forms of economic activities for ensuring stability of national and global economy as a whole.

Addresses of the President of Kazakhstan to the Nation on Strategic Management of the Country — Key Feature of Ruling in Kazakhstan

Kubayev K.Ye. — Doctor of Economics, Professor, KazNU named after al-Farabi

The article is devoted to the basic program documents of strategic development of Kazakhstan — Addresses of the President of RK to the Nation. The President of Kazakhstan N.A. Nazarbayev uses his constitutional law in annual Addresses to the Nation as efficient tool of a strategic management of the country.

For twenty years the President of Kazakhstan has developed and embodied in practice a new method of strategic management which is needed to study and train students further. In this connection the article's author confirms his early expressing offer on opening of Institute of strategic management named after N.A. Nazarbayev.

Kazakhstan's Payment Systems Development: Analytical Review

Kliakhina I.V. — Candidate of Political Sciences, Docent

In article the author presents the analytical review of functioning of payment systems of Kazakhstan for last 6 years.

The special attention is the analysis conducted during the the crisis phenomena in economy.

The Primary Tasks in the State Regulation of a Financial System

Tusupova L.A. — Candidate of Economics, Docent, Turan University

One of the key problems of social development is the issue on definition of a place and a state role in reproduction system. Its decision gets the special importance during the crisis period of development of

the socio-economic model. The article is devoted to the primary goals and definitions of conditions of successful functioning of the financial regulation mechanism of socio-economic processes.

Cultural Heritage and Development of Philosophy in Present-day Kazakhstan

Nysanbayev A.N. — Director of Institute of Philosophy and Politology, Committee of Science of MES of RK, Academician of NAS of RK, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

The process on the implementation of the national strategic project "Cultural heritage" for 2009—2011 initiated by the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev, started in Kazakhstan in 2004 is considered in the article. In particular as one of the major stages of this is reconstruction of the

"Philosophical heritage of the Kazakh people since the most ancient times up to now". According to the author, active development of a cultural and philosophical heritage is the major tool of dynamics growth of national consciousness, strengthening of national identity of the people.

"The Eurasian" Brand and Searching of "Golden Age" in the context of Formation of the "National History" of Kazakhstan

Kozyrev T.A. — Senior Research Fellow of the Socio-Political Research Department, KazISS under the President of RK, Candidate of Philology Sciences

"Golden Age" problematics in the context of formation of the complete, internally coherent to a national history of Kazakhstan is considered in the article.

The special attention is given to Golden Horde period of a Russian history which is considered in connection with the Euroasian idea.

Content Analysis: Adaptation Experience within the Tasks of Historical Heuristics

Alimgazinov K.Sh. — Senior Research Fellow of the History Methodology, Historiography and Source Studies at the IHE named after Ch. Ch. Valikhanov, CS MES of RK, Candidate of History, Docent

Possibility of use of principal view in information technologies — the Internet in interests of a historical science is considered in the article. The source study analysis in one of the basic directions of kliometric has been carried out. Development of a WorldNet and

use of its possibilities for the society positively impacts on life activity of mankind and all spheres of his life. Research of the Internet within the historiography is an innovation among historians. The article is devoted to the author's researches in this direction.

Turco-Sogdian Relations during the pre-Islamic Epoch

Gusakov V.V. — Candidate of Political Sciences

The article is devoted to the Turco-Sogdian relations during the pre-Islamic epoch, defining principles of which were mutually beneficial cooperation and peaceful coexistence. According to the author Turco-Sogdian contacts during this period lasted

almost two centuries: from the moment of the first emerging of Turks in Central Asian interfluvium in the middle of VI century at the peak of its military glory and to a full gain of Sogdiana Ummayyads Caliphate in the first half of VIII century.

From History of the Crimean Tatars' Deportation

Kalybekova M.Ch. — Candidate of History of the Socio-Humanitarian Discipline Department, Caspian Public University

The representatives of various stratum of the population as well as all peoples were violently moved from different regions of former USSR to Kazakhstan during the

Stalin's repression. Communist accused them in cooperation with fascist Germany and almost up to the middle of 1950 these people were under a special regime.

From History of Avestism in the South Kazakhstan and Jetysu (Gods, Temples, Ceremonies)

Ternovaya G.A. — Senior Research Fellow at the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulana

Historical cultural analysis of monuments of South Kazakhstan and Jetysu is presented in the article. The period of establishment of Avesta religion in the regions and review of monumental constructions defined as temple

and place-temple complexes. Cult details of appearance are defined in dwellings, images of Gods are revealed on monuments of art. Ceremonies are reconstructed by complex of data.

Сведения об авторах

Журнал «Казakhstan-Спектр» №1, 2010

Алимгазинов К.Ш. — старший научный сотрудник отдела методологии истории, историографии и источниковедения Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, кандидат исторических наук, доцент

Ауган М.А. — доцент кафедры «Регионоведение и мировая экономика» факультета международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби, кандидат исторических наук

Гусаков В.В. — кандидат политических наук

Калабаева А.Н. — старший научный сотрудник отдела экономических исследований Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, кандидат экономических наук

Калыбекова М.Ч. — доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Каспийского общественного университета, кандидат исторических наук

Каратаева Л.Р. — ученый секретарь Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, кандидат исторических наук

Кляхина И.В. — кандидат экономических наук, доцент

Козырев Т.А. — старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, кандидат филологических наук

Кубаев К.Е. — доктор экономических наук, профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби

Лаумулин М.Т. — главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Мухамеджанова Д.Ш. — ведущий научный сотрудник отдела экономических исследований Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, кандидат экономических наук

Нысанбаев А.Н. — директор Института философии и политологии КН МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор

Омельченко Е.Е. — преподаватель Казахстанско-Немецкого университета

Сарыбаев М.С. — PhD докторант кафедры новой и новейшей истории Казахстана исторического факультета Казахского национального университета им. аль-Фараби

Терновская Г.А. — старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, кандидат исторических наук

Тусупова Л.А. — доцент Университета «Туран», кандидат экономических наук